

9 83
1284

С. Киров

ИЗЫДАННЫЕ
СТАТЬИ И РЕЧИ

ВЕСЬ ПАРТИЯ, ВЕСЬ РАБОЧИЙ КЛАСС И ВЕСЬ НАРОД НАШЕГО СОВЕТСКОГО СОЮЗА БУДЕТ СВЯТО ЧТИТЬ, БУДЕТ БЕРЕЧЬ, КАК ЗЕНИЦУ ОКА, ПАМЯТЬ О ТОВАРИЩЕ КИРОВЕ, И ОН, НАШ НАРОД, ПОСТАВИТ-ВЕЛИКИЙ ПАМЯТНИК ТОВАРИЩУ КИРОВУ. ЭТО БУДЕТ НЕ ТОЛЬКО НЕОБХОДИМОЕ УВЕКОВЕЧЕНИЕ ЕГО ПАМЯТИ, КОТОРОЕ СВЯЗАНО С НАИМЕНОВАНИЕМ ИМЕНЕМ ТОВАРИЩА КИРОВА ГОРОДОВ, ОБЛАСТЕЙ, ФАБРИК И ЗАВОДОВ. МЫ, ПАРТИЯ И РАБОЧИЙ КЛАСС, ПОСТАВИМ ПАМЯТНИК СЕРГЕЮ МИРОНОВИЧУ В ДЕЛАХ СОЦИАЛИЗМА, В ПОБЕДНОМ ШЕСТВИИ КОММУНИЗМА ВПЕРЕД.

А. Жданов.

(Из доклада на активе Ленинградской городской парторганизации с участием членов обкома и горкома ВКП(б) 15 декабря 1934 года.)

**К 10-летию
со дня смерти
Сергея Мироновича
КИРОВА
1934—1944**

С. Купцов

С. М. КИРОВ

Избранные
СТАТЬИ И РЕЧИ

1918-1934

ОГНЗ

*Государственное издательство
политической литературы*

1944

1918 год

**ПОД КРАСНЫМ ЗНАМЕНЕМ СОВЕТОВ —
С РЕВОЛЮЦИОННЫМ ПРОЛЕТАРИАТОМ РОССИИ!**

*Речь на демонстрации в годовщину Февральской революции
12 марта (27 февраля) 1918 года*

Товарищи и граждане! Чрезвычайно знаменательно, что в этот исторический день годовщины революции Терская область слилась с революционной демократией всей России. Вторая сессия демократического областного съезда только что устами представителей всех народов, населяющих Терскую область, признала власть Совета народных комиссаров.

Значение этого знаменательного дня написано на ваших красных знамёнах. Но народная власть, организованная в Терской области, нуждается не в одних манифестациях, как бы внушительны они ни были. В этот опасный момент, переживаемый революцией, народной власти нужна ваша реальная поддержка, ваши силы. И под этими красными знамёнами вы должны дать священную революционную клятву в том, что все силы ваши, самую жизнь вы отдадите во имя революции, во имя трудящихся масс. И эта священная клятва, которую вы первые произнесёте, должна разнестись по всей области и должна быть повторена всеми народами и племенами, во имя интересов которых здесь работает демократический съезд. (*Крики «ура», гром аплодисментов, овации.*)

1919 год

ЦАРИЦЫН ВЗЯТ БЕЛЫМИ, НО СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ ОПЯТЬ ВОСТОРЖЕСТВУЕТ!

*Доклад на пленуме Астраханского горсовета
6 июля 1919 года*

Товарищи! Наше сегодняшнее объединённое заседание¹ открывается в тяжёлой обстановке. Наша Астрахань объявлена на военно-осадном положении. По городу гуляет провокация обнаглевшей в своей бессильной ярости белой своры. Но вы знаете, товарищи, что Советская власть ничего не скрывает и не намерена скрывать от вас самой горькой правды.

У нас в руках есть анонимное письмо какого-то белогвардейца. В этом письме белогвардеец выражает уверенность, что в скором времени в Астрахань ворвутся белогвардейские отряды генерала Деникина, и тогда вы, мол, господа комиссары, все будете болтаться на столбах. И этот обнаглевший подлец смакует это удовольствие — видеть нас с вами повешенными.

Дни чрезвычайно тяжёлых испытаний настали для всех нас. Ещё не так давно здесь предупреждали вас о том, что над честной советской рекой Волгой нависли чёрные белогвардейские тучи. Наши опасения, что мы не сумеем противостоять надвигающимся бандам белогвардейцев, отчасти сбылись. Вы знаете, что пал Царицын, тот самый революционный Царицын, подступы к которому залиты кровью рабочих — верных стражей и защитников его. Пал тот красный Царицын, который четыре раза отражал бешеный натиск белогвардейцев, но на пятый раз пал...

Наступление Деникина на этот раз носило такой организованный характер, что трудно было устоять. Нужно сознаться, что противник обладал такими техническими средствами, которых у нас не было, к великому нашему

¹ На пленуме присутствовали представители партийных и профессиональных организаций и предприятий. — *Ред.*

сожалению, и в этом отношении перевес был на его стороне. На другом фронте пал Харьков. Вы знаете также, что белогвардейские банды захватили город Балашов по дороге от Камышина к центру. Белогвардейцы не останавливаются на занятых пунктах, но продвигаются дальше. И это движение имеет пока определённый успех.

Вы знаете, однако, что вслед за тем, как белогвардейцы занимали Харьков и Екатеринослав, наша Красная армия заняла Пермь и Кунгур, а сегодня пришло уже известие о взятии Красноуфимска. И недалёк тот час, когда нога красноармейца вступит на Урал. Приуралье богато хлебом, железом и лесами. Там мы найдём хлеб для голодающих и сырьё для наших фабрик и заводов. Ещё недавно союзники торжественно заявили, что единственным законным правительством России, которое они признают, является правительство «повелителя всей Сибири» — Колчака. Союзники надеялись на то, что Колчак дойдёт до Волги, возьмёт Пензу и пойдёт прямо на Москву. И союзники двинули Колчаку на помощь северными морями массу снаряжения и технической помощи. Союзники уже делили между собой карту России, но мы ударили по Колчаку и этим самым разбили не только Колчака, но и союзный империализм.

У многих из нас, однако, сейчас уже появляется сомнение в прочности Советской власти. Положение денкинского фронта для нас неблагоприятно. Очень возможно, что Деникин не остановится на своих голыескружительных победах и займёт, может быть, ещё несколько городов. Но не нужно отчаиваться и падать духом. Вспомним недавние успехи Колчака. Колчак зарвался и на основе своих временных успехов думал уже о полном удушении Советской власти. Но мы в момент собрались с духом и дали Колчаку такой могучий удар вооружённым кулаком в грудь, что Колчак теперь кубарем катится обратно в Сибирь.

Деникин быстро сейчас продвигается вперёд, но он не может прочно закрепить у себя в тылу ни экономической, ни политической жизни. Даже на самом Северном Кавказе, который уже более полугода находится в его руках, Деникин не смог ещё до сих пор организовать и наладить сколько-нибудь сносной буржуазной власти. Там ещё до сих пор царствуют отдельные генералы.

Советская власть находится в тяжёлом положении, но не нужно чересчур безнадежно смотреть на возможность

разгромить деникинское движение: ВЦИК обратил внимание на «казацкую опасность» с юга и решил мобилизовать для борьбы с нею все силы страны.

Будем надеяться, что на южном фронте в скором будущем будет перелом в нашу пользу.

Если Астрахань объявлена крепостным районом, то не нужно смотреть на это тревожно, считая положение наше опасным. Наше положение, наоборот, можно даже считать безопасным. Нам грозит опасность не со стороны Царицына, а со стороны Лагани. Но мы знаем уже, что на этом участке фронта наши части перешли в наступление и разбили белогвардейцев.

Занятие белыми Царицына — для нас это значит прекращение всякого сообщения по Волге. И в нашем распоряжении для сообщения с внешним миром и с центром остаётся одна только железная дорога. Но она по своей провозоспособности гораздо слабее Волги, и поэтому сидеть сложа руки нам сейчас преступно.

Несомненно, если мы будем сидеть невинно сложа ручки, белогвардейцы переправятся через Волгу, подойдут к Владимировке и перережут нам ту ниточку, на которой мы сейчас держимся, — железную дорогу.

Возможно, что дальше этого пункта — Владимировки — противник не пойдёт, но наше положение уже будет критическим. У нас в Астрахани много разных богатств, но нет главного, без чего нет жизни, — хлеба. Запасов у нас никаких нет. Какой же выход из нашего положения? Само собой разумеется, что все меры к ликвидации дальнейшего продвижения Деникина приняты. Прилегающие к району Царицына армии делают своё дело.

Советская власть всё равно опять торжествует и не даст белобандитам возможности терзать пролетарское тело. Сейчас мы должны строго и внимательно смотреть за тем, что делается у нас в тылу. Сегодня на базаре был пущен слух, что взят не только Царицын, но и Саратов. Вы должны взять такого гражданина, сеющего подобную провокацию, и направить его по адресу — в Особый отдел. И если вам говорят успокоительно, что Царицын взят обратно, то и такого гражданина вы должны взять за шиворот и тащить по тому же адресу, ибо он такой же провокатор, как и первый. Если первый пугает нас, стараясь посеять среди нас панику и тревогу, то и второй делает своё чёрное дело, закрывая нам глаза на опасность

Сергей Миронович
КИРОВ.

Рисунок худ. И. Бродского.

и уверяя нас, что «на Шипке всё спокойно». И я не знаю ещё, который из этих двух провокаторов опаснее. Как у Колчака и Деникина кипит наша работа, так и наш тыл наполнен их агентами.

Белогвардейцы прислали мне анонимное письмо, что если бы Кирова и ещё нескольких советских работников «убрать» с их дороги, то участь Астрахани была бы решена. Несомненно, они отчасти правы. Если в Астрахани устранить несколько активных советских работников, может быть это торжество подлых негодяев было бы обеспечено. Крепкая работа в тылу — вот лозунг, который должен быть в сознании каждого рабочего.

Нам нужно иметь не только прочный фронт, но в придачу ему ещё и красный тыл. Тыл Деникина за нас, а здесь осадное положение даёт нам все революционные права. И центральная Советская власть даёт нам понять, что, заботясь о фронте, не нужно забывать и тыла. Шкурникам, сознательным и несознательным, не должно быть места в наших рядах. Занятие Астрахани будет сигналом к белогвардейской расправе не с одним только Кировым и коммунистами, это будет поголовная расправа со всеми рабочими, со всеми, имеющими мозолистые руки. Деникин, занимая города, даёт полную волю своим разнузданным частям. У него в частях находятся отбросы из чеченцев и других горских народов Северного Кавказа.

Но пусть не радуются белогвардейские агенты, предвкушая удовольствие видеть всех нас болтающимися на столбах. Мы сами знаем, что целоваться с белогвардейцами нам не придётся. Для Деникина нет других классов и сословий, кроме буржуазии и пролетариата, и он не пощадит ненавистный ему класс, так же как и никого, стоящего между этими силами. Если мы сейчас ведём разговоры, сватаемся с дезертирами из Красной Армии, то, поверьте, Деникин и Колчак этого не любят и много свататься ни с кем не будут.

Если сейчас в Астрахани наблюдается сравнительная тишина, то это нужно объяснить тем, что все малодушные и имеющие белую окраску попрятались по углам и оттуда начинают свою грязную провокационную работу.

Всё революционное в нашем городе должно быть мобилизовано для борьбы с белыми!

1920 год

ТРИ ПИСЬМА В. И. ЛЕНИНУ¹

I

Тифлис, 20 августа 1920 г.

Дорогой Владимир Ильич.

Ваши предвидения о моей работе здесь подтверждаются блестяще и на каждом шагу. О том положении, в котором оказалось здесь наше представительство, Вам Чичерин вероятно сообщал.

Достаточно сказать, что до сих пор не изжиты ещё самые уродливые формы проявления к нам совершенно своеобразного внимания со стороны агентов грузинского правительства. Эта невероятная «бдительность» привела к тому, что даже такие невинные органы наши, как представительство Наркомвнешторга, оказались не в состоянии вести какую бы то ни было работу: всякий, выходящий из помещения представителя Наркомвнешторга, подвергался задержанию или аресту, или высылке за пределы Грузии. Все мои дипломатические шаги, предпринятые к устранению этого, ни к чему не привели, и я вынужден был заявить категорически грузинскому правительству, что мы должны будем доставить грузинское представительство в Москве в такое же точно положение, в каком находимся мы здесь. И только после этого стало замечаться несколько иное отношение к нам. Много содейство-

¹ В 1920 г. после заключения мирного договора РСФСР с грузинским меньшевистским правительством С. М. Киров назначается полномочным представителем РСФСР в Грузии.

Два с половиной месяца С. М. ведёт борьбу посредством дипломатических нот и протестов с правительством Ноя Жорджия из-за невыполнения последним важнейших пунктов мирного договора, особенно той его части, которая обязывала прекратить преследование коммунистов.

Эти письма написаны С. М. Кировым в бытность его в Тбилиси. Письма печатаются с копий, найденных в личном архиве С. М., с пометкой его рукой: «Письма товарищу Ленину». — *Ред.*

вало такому действию грузинского правительства по отношению к нам развитие операций Врангеля. Каждый успех Врангеля вселял здесь большие надежды, и это чувствовалось во всём. Совершенно иное настроение замечается теперь, когда мы так блестяще громим поляков. Особенно сильное впечатление произвело здесь предложение Керзона открыть мирные переговоры с Польшей. Это и ответ Чичерина на предложение Керзона произвели здесь буквально ошеломляющее впечатление. Грузинское телеграфное агентство, а также Министерство иностранных дел не нашли возможным опубликовать в газетах это сообщение, исходившее от нашего информационного отдела. Директор агентства заявил, что это сообщение «переворачивает всё»... Подробно о ходе своих работ здесь я сообщаю Чичерину и сейчас у Вас не буду отнимать время. Скажу только, что, как и следовало ожидать, пункт нашего договора, предусматривающий легальное существование коммунистической партии, оказался не по зубам здешним меньшевикам. Организованные в высшей степени прочно, грузинские меньшевики, освободив заключённых коммунистов и дав возможность остальным объявиться, немедленно предприняли широкие репрессии в отношении партии коммунистов. Пользуясь самыми невероятными, фантастическими предложениями, грузинские меньшевики повели аресты и ликвидацию партии коммунистов, и в настоящее время партия переживает чрезвычайно тяжёлый момент: газеты закрыты, ряд организаций ликвидирован совершенно, многие товарищи в тюрьмах, много выслано из Грузии. Тем не менее местные товарищи делают всё к тому, чтобы так или иначе продолжить своё легальное существование и ни в каком случае не забираться в подполье. 17 июля одновременно были закрыты обе выходившие здесь коммунистические газеты, сотрудники все арестованы. Сегодня товарищи подают заявление о выпуске новой газеты. Само собой понятно, что на всё это я соответствующим образом реагирую. В заключение хотел бы обратить Ваше внимание на необходимость возможно скорее определить наше отношение к Армении. Этот вопрос для нас здесь имеет весьма большое значение. Надежда мусульманских и армянских масс на то, что Советская Россия разрешит, наконец, мучительные для них вопросы, может определённо поколебаться. Я об этом неоднократно сообщал Чичерину, но, очевидно, из наших переговоров с армянской делегацией в

Москве пока ничего не выходит. Тем не менее вопрос как-нибудь разрешить надо.

С горячим коммунистическим приветом.

II

Тифлис, 24 августа 1920 г.

Дорогой Владимир Ильич.

Ваши заветы исполняю в точности. Думаю, что Вы достаточно хорошо осведомлены из докладов Чичерина о здешних делах, поэтому об этом говорить не буду. К настоящему письму я прилагаю статью из одной кемалистской газеты, характеризующую «Отношение мусульман к большевизму». По-моему, эта статья даёт довольно точную характеристику того настроения, которое господствует сейчас не только в Турции, но также в Персии и других отсталых странах Ближнего Востока. Я на днях прочитал в «Правде» отчёт о Вашем докладе на втором конгрессе III Интернационала о нашем отношении к народам отсталых в капиталистическом отношении стран и думаю, что эта статья будет для Вас иметь кое-какой интерес. В ней, мне кажется, одно из многочисленных подтверждений Вашего блестящего анализа по указанному вопросу.

Не буду отнимать у Вас больше внимания.

С горячим коммунистическим приветом.

III

Р.С.Ф.С.Р.

**НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ**

Тифлис, 30 августа 1920 г.

Полномочный представитель
Российской Социалистической
Федеративной Советской
Республики в Грузии

Дорогой Владимир Ильич.

Посылаю Вам резолюции, вынесенные на заседаниях «Анатолийского и Румелийского общества защиты прав». Хотя эти резолюции приняты год тому назад, они имеют и сейчас большой интерес, так как в основе программы деятельности правительства Мустафы Кемаля лежат именно эти резолюции.

Здесь особых новостей нет. Грузинское правительство попрежнему стоит в раздумье, не зная, куда ему совершенно определённо качнуться — к нам или к Антанте. А тем временем хозяйственная жизнь Грузии расстраивается с каждым днём всё больше и определённое, и весьма уже недалёк тот момент, когда Ною Жордания вместе с экзархом Грузии придётся запеть «На реках Вавилонских».

С горячим коммунистическим приветом.

1921 год

**МНОГОМИЛЛИОННЫЕ НАРОДЫ РОССИИ,
ПЕРВЫМИ ВСТАВШЕ НА ПУТЬ ВЕЛИКОЙ БОРЬБЫ,
ПЕРВЫМИ ПРИДУТ В ЦАРСТВО
СОЦИАЛИЗМА**

*Из доклада на Учредительном съезде Советов Горской ССР
18 апреля 1921 года*

Товарищи! Для того чтобы подойти к осуществлению той задачи, которая стоит перед вами, — к созданию новой формы управления, для того чтобы дать основные директивы, основные указания той новой власти, которую вам предстоит избрать на этом съезде, для этого необходимо прежде всего дать себе более или менее точный и ясный отчёт во всём том, что происходит сейчас по всей Российской республике. Тут нужно подходить к делу без всякого лишнего теоретизирования, а просто, прямо, непосредственно.

Всякий участвующий в создании новой республики должен знать, насколько прочно, насколько обеспеченно чувствует себя общероссийская рабоче-крестьянская власть. Только при этом условии можно будет смело, без оглядки подходить к разрешению тех миллионов практических вопросов, которые встанут перед вами с завтрашнего дня.

РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКАЯ ВЛАСТЬ УСТАНОВЛЕНА ТВЁРДО

Скрывать не буду: всякий приехавший сюда из своей станицы, аула знает, что среди населения много идёт разговоров на тему о том, что Советская власть — такая власть, которая за собой особой прочности не чувствует, что очень легко может случиться так, что Советская власть будет сброшена, — в этом направлении ведётся агитация среди чеченцев, путают казаков, работают злые языки среди всех народностей Горской республики. Вокруг всякого вопроса, который имеет то или иное политическое значение, создаются сплетни на тему о прочности Советской власти.

Я не буду говорить о том, что происходит в вопросе о так называемом «переселении казаков». Присутствующие здесь казаки об этом знают. Казакам говорят, что центральная Советская власть не только приостанавливает дальнейшее выселение, но будто бы намерена обратно вселить казаков, которые выселены из Сунженской линии. С другой стороны, говорят чеченцам, что всякий из вас, который рискнёт переселиться в станицу, который по своей воле это сделает, — этот человек рискует своей головой, что не сегодня-завтра власть перевернётся и придётся жестоко поплатиться за самовольный захват казачьей земли. Об этом говорить будет специально. Я сейчас напомнил об этом, чтобы лишний раз показать, какая масса разных слухов распространяется в целях подрыва Советской власти.

Здесь, на этом ответственном Учредительном съезде, надо поставить вопрос прямо. Если действительно с прочностью Советской власти дело обстоит не совсем благополучно, нужно призвать всё честное, всех, кто идёт не за страх, а за совесть за Советскую Россию, чтобы организованно, единодушно выступить на укрепление и защиту рабоче-крестьянского государства. А если дело этого не требует, то можно сказать, что мы можем спокойно приступить к нашей созидательной работе.

Естественно, что, живя в аулах, в далёких ущельях, куда не заглядывает никто из центра, куда не попадают газеты, — а если попадают, то часто некому их прочитать, — население питается россказнями шептунов, которым нет другого дела, которые тем только и занимаются, что распространяют всякий вздор.

Для всяких слухов почва у нас в горах чрезвычайно богатая, и мы знаем, что в сравнительно недавнем прошлом приходилось сталкиваться с такими последствиями нащёптываний и слухов, из-за которых лилась человеческая кровь, так как люди были одурачены всяким вздором.

Сейчас мы переживаем такой момент, когда можно говорить о совершающемся в стране совершенно открыто, не надо быть особо сдержанным, как это было года полтора тому назад, когда приходилось не всегда всё говорить, чтобы население не особенно пугать, чтобы оно не теряло веры в правоту и надежды на успех нашего дела. Теперь ничего этого нет.

Вы знаете, что несколько месяцев тому назад мы закончили последний этап гражданской войны, борьбы с

внутренней и внешней контрреволюцией. Побили Врангеля и всех тех, которые претендовали на власть в России, далеко выбросили их за пределы государства. И сейчас у нас, если не считать мелких, едва заметных на территории громаднейшего государства вспышек, можно сказать, что у нас руки совершенно, в полном смысле слова, развязаны. Мы чувствуем себя как власть особенно прочно, настолько прочно, что можем совершенно спокойно кому угодно рассказать, вывернуть на какую хотите изнанку всё, что имеем сейчас, и всё то, что делается сейчас в рабоче-крестьянском государстве. Мы знаем, что население настолько сроднилось с Советской властью, а мы настолько научились управлять государством, что полная откровенность для нас решительно нестрашна. Мы теперь и на местах и в центре всему населению, в том числе и вам, определённо заявляем, что рабоче-крестьянская власть в России — это не случайность, она не явилась в результате случайно выигранной войны или в результате неоконченной борьбы, которая ещё может завтра повернуться иначе. Нет, это настоящая твёрдо установленная государственная власть.

Если мы полтора-два года тому назад зывали к нашим окраинам, к тем или иным областям, объясняя, что мы-де в таком-то тяжёлом положении, звали на помощь и так далее, то теперь мы этот язык оставили и со всеми этими уговорами покончили; теперь мы определённо и твёрдо говорим, что власть рабочих и крестьян в России это есть подлинная государственная власть, поддерживаемая миллионами населения, это власть, которая имеет в своём распоряжении достаточно многочисленную и хорошо организованную Красную армию.

И со всяким, который независимо от племени, национальности, языка и состояния и всего что угодно встанет хотя бы в малейшее противоречие с интересами рабочих и крестьян России, государственная власть поступит с ним как с врагом рабочих и крестьян.

И разговариваем мы таким тоном и языком не только потому, что мы чувствуем себя прочно, а главным образом потому, что у нас слишком много государственных задач и вопросов, которые стоят перед нами. Если бы у нас было время и была возможность до некоторой степени торговаться с теми или другими группами, тогда иное дело. Но сейчас, в силу наших общегосударственных

интересов, всякий день и каждая минута нам дороже, чем всё то золото, которым располагает наша Республика, нам торговаться, выражаясь грубо, церемониться не приходится. Мы слишком бедны и слишком заняты; поэтому там, где рабоче-крестьянская власть встречает какое-нибудь сопротивление, там мы действуем решительным ударом и всякое сопротивление, которое мы встречаем в своей работе, устраняем и будем устранять точно такими же приёмами, ибо для других приёмов у нас нет ни времени, ни возможности.

Как бы ни считали вас отсталыми, вы должны знать и понимать, в каком положении может оказаться государство, которое ведёт в течение почти семи-восьми лет войну.

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНЫ ПРИВЕЛИ К ХОЗЯЙСТВЕННОЙ НЕУРЯДИЦЕ И ТЯЖЁЛОЙ НУЖДЕ

Вы знаете и помните, что международная война много миллионов людей поставила под ружьё, собрала всё, что было в государстве, всё живое и мёртвое — всё было двинуто на фронт. И в конечном итоге всё, что было создано трудами поколений, было погублено самым безжалостным образом. Миллионы человеческих жизней загублены, загублено несметное количество всяких материальных богатств.

Это было в стране, которая и до того времени далеко не отличалась особым избытком продуктов промышленности, сельского хозяйства и прочего.

Дальше наша страна вступает в период революционной борьбы, снова начинается уничтожение.

Каждый из вас видел, в какие формы выливается гражданская война в смысле уничтожения всяких благ и средств.

Вы знаете, сколько аулов сравнены с землёй. Вы знаете, какое количество станиц приведено в расшатанное состояние. Вы знаете, что на железных дорогах нет ни одного нетронутого места, всё уничтожалось. Каждый понимает, что в период гражданской войны всякий хозяин не следит уже, чтобы всё в хозяйстве было в порядке, чтобы не расхищалось его добро, а умножалось, об этом не думали, а всякий думал о том, как бы сохранить свою голову и как бы поудачнее бить своего противника. Вот какой философией руководствовался каждый гражданин в период гражданской войны.

Естественно, когда ставится вопрос о жизни или смерти, — человек не щадит ничего, он жертвует всем, вплоть до своей жизни, чтобы выйти из борьбы победителем.

И вот три с лишним года мы вели такую борьбу. Естественно, наше государство за это время понесло очень тяжёлые потери.

Не нужно скрывать, — нужно сказать прямо, что мы сейчас находимся в состоянии ужаснейшего обнищания, ужаснейшей нужды во всех отношениях. У нас нет самого необходимого, самого насущного, что в мирной обстановке может понадобиться на каждом шагу. Сейчас вы необходимого не найдёте не только в сёлах, аулах, но даже и в городах. Голод, нужда дошли до крайних пределов. Не могу не вспомнить здесь той картины, которую мы видели в глухом Дагестане или здесь, на Тереке: когда женщине нужно было выйти за водой, то объявлялось, чтобы мужчины сидели дома, не выходили на улицу, ибо женщины выходили за водой в чём мать родила, — им нечем было прикрыть свою наготу.

Вот до каких пределов дошла наша рабоче-крестьянская Россия в смысле отсутствия самого необходимого и насущного.

Это положение сейчас, по окончании гражданской войны, раскрылось перед нами во всей своей наготе.

Таким образом выходит, что внешне в смысле борьбы мы чувствуем себя совершенно обеспеченными людьми. Нас теперь никто не беспокоит, и будем надеяться, что никто и не осмелится беспокоить.

Но выявляется другой фронт — фронт экономической неурядицы и хозяйственной нужды.

Если дагестанская женщина должна искать случая для того, чтобы, пойдя за водой, не быть под угрозой пытки и не совсем целомудренного взгляда какого-нибудь молодца, то наши рабочие в России чувствуют себя плохо в другом отношении: временами бывает решительно нечего есть.

Здесь помимо общих причин, последствий жестокой войны, сказывается и то, что население огромной России, миллионы людей далеко ещё не целиком втянуты в интересы рабоче-крестьянского государства. Некоторые смотрят ещё так: лишь бы у меня в Ардоне было хорошо, а что будет в Иваново-Вознесенске, то это меня не касается. Бывает также вот что: когда нам нужно что-нибудь просить у государства, то оказывается нас

полмиллиона, а когда заходит речь о том, чтобы помочь государству спасти от голодной смерти московских рабочих, оказывается у нас населения не полмиллиона, а только двести тысяч. Это говорится не в виде упрёка. Нужду государства надо почувствовать. И если посмотреть ту Красную Армию, которая вчера проходила перед вами таким стройными рядами, когда вы вскрыете душу этой армии, то увидите, чем болеет рабоче-крестьянская армия. И если посмотрите в сердце красноармейца, вы в нём прочтёте, что вместе с мужественной стойкостью, которая поражает каждого из людей, это сердце наполнено огромнейшими страданиями. Подчас буквально сгибаются колени под тяжестью ноши, которую они несут на своих плечах. Наша эмблема — красное знамя, которое видим всюду, — не только красного цвета — это знамя буквально насыщено кровью, и нужно быть слепым, чтобы не видеть, как с него широкими ручьями льётся настоящая человеческая кровь.

Вот каково положение. Мы хотели бы, чтобы были обеспечены интересы не только угнетённых горских рабочих и крестьян; задача, которая стоит перед нами, это — задача освобождения трудящихся всего мира. Об этом нужно говорить совершенно прямо, откровенным языком.

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ НА ПУТЯХ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ПОБЕДИТ РАЗРУХУ

Нужно сделать так, чтобы все наши съезды представляли собою коллективную, общую работу и чтобы они приняли несколько иной характер и давали другие результаты, чем те, которые были до сих пор. Мало того, чтобы собраться, принять резолюции и разойтись. Нужно почувствовать себя хозяином всей нашей государственной семьи, нужно, чтобы всё, что будет сделано и записано на этом съезде, действительно являлось обязательным, как коран для правверного магометанина. И нужно с оружием в руках карать как врага Советской власти человека, не желающего выполнять те обязанности, которые написаны на знамени нашей революции. Мы теперь всегда и всюду стараемся дать населению совершенно неприкрашенную, яркую характеристику всего того, что происходит в нашей Республике. Мы говорим, что власть нужна такая, которая справится с самым опасным фрон-

том в Республике — фронтом нужды: нам нужна власть рабочих и крестьян. Несмотря на всю нашу стесанность, некультурность, неумение работать, слабую практику в области государственного управления, несмотря на это, мы, несомненно, если захотим, сумеем расшевелить многомиллионные массы рабочих и крестьян, сумеем заинтересовать каждого в судьбе своего государства. И мы, несомненно, выйдем из этого трудного положения.

Всякий из вас на примере своего хозяйства знает, что тут нехватает этого, там недочёт в том, кто-то собирал, кто-то ремонтировал, но каждый чувствует, что всему этому скоро будет конец, что нужны новые источники, нужны новые ресурсы, которые бы дали широкий государственный размах работе, чтобы все машины завертелись, чтобы всё то, что сейчас мёртво, заснуло — фабрики и заводы, — чтобы они зашевелились. И чтобы этого достигнуть, центральная Советская власть в данный переходный момент, когда от войны мы переходим к другой работе, к осуществлению других задач, вовсе не желает изображать из себя сатрапа, который сидит наверху и ничего знать не хочет; она, наоборот, протягивает руки к населению и старается вызвать в нём желание работать и инициативу. Мы, учтя момент и взвесив прошлое, решили установить отныне такие приёмы управления, чтобы дать возможность более широким пластам народа подняться к участию в государственной работе. И здесь, когда вам будут докладывать о нашей продовольственной работе и земельном вопросе, вам скажут, что развёрстка, заменённая налогом, означает не только новую форму продовольственной политики, но открывает совершенно новую хозяйственную полосу вообще.

Мы хотим сделать так, чтобы население, сознающее нужду государства, понимающее задачи государства, имело развязанные руки и получило возможность вкладывать в своё хозяйство всё то, чем оно располагает.

Мы все, конечно, за Советскую власть и уважаем коммунистическую партию и во всех наших резолюциях всеклятвою заверяем в своей готовности содействовать проведению тех огромных задач, которые стоят перед нами; но когда тот или иной гражданин приходит домой, для него его хозяйство становится выше всяких хозяйственных интересов Республики. Так будет ещё до тех пор, пока мы не научимся жить по-коммунистически.

Государственная Советская власть понимает, что тут

насилием взять нельзя, что нужно действовать так, чтобы найти другой выход, найти точки соприкосновения между интересами рабочих и крестьян.

С этой стороны и нужно рассматривать новую продовольственную политику. И мы полагаем, — по крайней мере в России мы уже это чувствуем, — результат этой политики будет хороший. Крестьянские массы это учли, и их не особенно доброжелательные отношения теперь резко изменились, они снова идут плотными, твёрдыми рядами с рабоче-крестьянским правительством.

Мы полагаем, что на окраинах эта политика также даст свои благоприятные результаты.

Во всяком случае то, что намечается в этой области, и то, что отчасти уже сообщалось, это должно быть принято отнюдь не как какая-нибудь уступка или как результат неуверенности Советской власти в том, что она прочна; это отнюдь не означает, что мы — новые соглашатели и соблазняем кого-то своими уступками, чтобы добиться большей устойчивости. Это вздор. Новая экономическая политика диктуется вовсе не этим, а тем, чтобы создать больший интерес у большего количества населения к государственной работе, к укреплению нашей страны, к умножению материальных, экономических богатств рабоче-крестьянского государства.

Так обстоит дело у нас внутри страны. И мы думаем, что эта новая политика даст много новых возможностей дальнейшего укрепления рабоче-крестьянского государства.

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ СУМЕЕТ СУРОВО РАСПРАВИТЬСЯ С ТЕМИ, КТО ПОПЫТАЕТСЯ ПОЙТИ ПРОТИВ НЕЁ

Всё то, что здесь рассказывают о кронштадтских событиях, о широких волнениях, которые происходят в России, — это вздор.

Мы знаем, как во многих аулах изображались кронштадтские события: будто бы дело доходило до того, что пора складывать рабочим и крестьянским представителям свои пожитки и бежать в дикие ущелья. Нет. То, что было, то ушло безвозвратно. То, что произошло в Кронштадте, было действительно самым настоящим, вооружённым бунтом: кронштадтское «правительство» возглавлялось бывшими царскими генералами, руководилось нашими политическими противниками — меньшевиками и

эсерами, всё это было, и была самая настоящая драка, отчасти происшедшая потому, о чём я говорил, — слишком тяжело и голодно в центре. Люди под влиянием ежедневной нужды очень легко поддаются на всякие авантюры.

Но кончилась эта авантюра печально не для нас, а для тех, кто хотел пошатнуть рабоче-крестьянское государство.

И если Советская власть очень часто прибегает к широким уступкам трудовым слоям населения, то она в то же время жестоко наказывает за измену, где бы она ни происходила, хотя бы и в Кронштадте. Горцы должны почувствовать и понять, что всякие новые попытки в этом направлении будут оканчиваться тем же, чем окончилось в Кронштадте. Горский народ был отрезан от нас ещё совсем недавно огромным фронтом, на котором стояли враги, вооружённые с ног до головы и снабжённые лучшей современной военной техникой, всеми теми чудовищами, вроде танков, которые вам вчера показывали. Это ведь их техника! Если и в то время горцы смотрели с огромной надеждой на ту власть, которая сидела чуть ли не в одной Московской губернии, то теперь не имеет основания сомневаться, что мы можем хотя бы на одну иоту почувствовать себя непрочно. Всякий, кто встретит в ауле у себя какого-нибудь агента, шептуна, вроде Ахмета Цаликова¹, который попытается нарисовать ему картину возможного возврата к прошлому, пусть плюнет этому человеку в глаза и предложит оставить все несбыточные надежды.

Прошлое ушло в историческую вечность. И каждый, к какой бы партии и группировке он ни принадлежал, должен твёрдо и определённо сказать себе: Советская власть есть и будет, в этом нечего сомневаться.

Нет такой силы и возможности внутри рабоче-крестьянской России, которая могла бы не только сбросить, а хотя бы только поколебать власть в этом огромном государстве. Поэтому все те, у кого есть истинное и искреннее

¹ Цаликов А. Т. (Ахмет) — помощник присяжного поверенного, осетинский меньшевик, буржуазный националист. В 1921 г. — член контрреволюционного Азербайджано-Северокавказского комитета, образовавшегося в Тбилиси, ставившего своей целью борьбу против большевиков на Кавказе. После советизации Грузии эмигрировал за границу. — *Ред.*

желание укреплять рабоче-крестьянскую власть, те должны на это отдать все свои силы, а тот, кому эта власть наступает на мозоль, — должен смириться. Если же она кого-нибудь задевает слишком, тот должен как-нибудь сжаться. Другого выхода нет. Если барашек нужен Советской власти, то, как ни перекрашивайте его в чёрный цвет, она его возьмёт, если только барашек не пойдёт сам и на своём бараньем языке не заявит, что принадлежит Советской власти.

Наша задача и задача населения всех республик, входящих в огромную Советскую федерацию, сводится именно к тому, чтобы везде и всюду, приехав в аулы, собравши стариков и молодых, прямо сказать: «Хорошо ли, плохо ли, полагается по шариату или не полагается, — Советская власть никуда не уйдёт. Единственный способ избавиться от Советской власти — это последовать примеру Чермоева, Джабагиева, Цаликова: забрать всё, что есть, и направиться в отдел пропусков и взять пропуск на проезд, сначала поехать в Грузию, потом дальше куда-нибудь, за пределы нашей огромной РСФСР. Если душа не терпит, то надо постараться переломить себя, — будет легче, так как рано или поздно мы приведём всё в советский порядок».

Теперь, по окончании гражданской войны, мы чувствуем себя твёрдым государством, которое может и имеет право разговаривать с каждым, как с сыном одной огромной семьи, где никаких раздоров и междоусобиц поднимать нельзя. И что это действительно так, об этом свидетельствует не только то, что мы вам заявляем здесь и имели честь докладывать, — об этом так же думают и наши противники, наши враги.

НАШЕ ВНЕШНЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ УПРОЧИЛОСЬ

Прочность всякого государства зависит не только от того, как внутри дело обстоит, но зависит и от того, как смотрят на него соседи.

Вы хорошо знаете, что было время, когда у нас здесь было несколько государств, от Базоркино нельзя было проехать в Ольгинское¹, потому что там уже было другое государство. Так было недавно.

¹ *Базоркино* — селение, где жили ингуши, *Ольгинское* — осетинское селение (расположены в километре друг от друга). Здесь были наиболее ожесточённые столкновения между ингушами и осетинами в 1918 году. — *Ред.*

То же самое представляла и наша Республика. Она была окружена со всех сторон бандитами, которые имели огромное желание каждый день и каждую минуту наброситься на рабочих и крестьян России. Если это перевести на время, то выйдет, что полгода мы воевали с отечественными врагами и три года воевали с иностранной контрреволюцией, ибо белогвардейцы всё для войны получали от Антанты. Оттуда всё шло.

Теперь мы посмотрим, как сейчас о нас думают в Западной Европе. Вы знаете, Европа нас за государство не считала и делала всё, чтобы завоевать Советскую Россию, бросала на это большие деньги и т. д. А теперь, когда пришлось барону Врангелю, не как библейскому, а как новоявленному маленькому Ною, сесть в ковчег и выехать за наши пределы, наше положение стало настолько приличным, так что мы ходим сейчас по Европе, как и всякий там живущий.

Раньше мы, чтобы провезти туда хотя бы одного человечка посмотреть, как живут в буржуазном мире, брали массу пропусков и документов, и нельзя было всё-таки проехать, чтобы не быть где-нибудь арестованным.

Сейчас ничего подобного нет. Сейчас представители рабоче-крестьянского государства в Европе во многих местах если не первые люди, то приняты в «самом хорошем обществе». Если вчера они считались «бандитами» и опасными, которых нельзя допускать в буржуазные страны, то теперь ничего подобного нет. Сейчас с ними разговаривают таким языком, на котором принято говорить с представителями организованных твёрдых государств. И там, где нам не открывали двери вчера, сегодня — «почёт и уважение», не боятся, что ты коммунист, что ты большевик, который устроил беспорядок в России. С нами разговаривают как с представителями огромной организованной страны. Даже когда мы делаем какую-нибудь неосторожность и даём повод вмешаться в наши дела, этого вмешательства не происходит. Антантские пароходики, скользя мимо Черноморского побережья во время недавних событий в Грузии, только для приличия дали несколько залпов по железной дороге, проложенной по берегу, — и этим дело ограничилось. А раньше, если грузинское правительство сказало бы: «Пойдёмте бить большевиков», если бы большевики закричали о помощи, то вся Европа стала бы им помогать, очередь устроила бы, чтобы помогать бить русскую большевистскую

Красную Армию. Теперь эта мода прошла. Теперь Европа всё чаще и чаще посылает таких людей, которые разговаривают не винтовками, а дипломатически зедут переговоры во фраке и белых перчатках, как полагается в буржуазных государствах.

НЕ УПУСКАЯ НИ ОДНОЙ МИНУТЫ, ЗАБОТИТЬСЯ ОБ УКРЕПЛЕНИИ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОГО ГОСУДАРСТВА

Сейчас наша задача внутри страны — добиться того, чтобы всякий честный и порядочный человек, который понимает хотя немного больше того, что есть у него под носом, сознательно относился к строительству рабоче-крестьянской власти. Все должны понять, что сейчас нужно не упускать ни одной минуты, возможно дружнее и храбрее подойти к нашему фронту нужды, потому что от этого будет зависеть не только удовлетворение собственных экономических интересов каждого трудящегося, но это и перед лицом европейских государств поможет нашим интересам. А мы знаем, что существование Советской власти в одном оазисе — России — полностью и окончательно обеспечено не будет, а в то же время каждый лишний день нашего прочного существования расшатывает Европу.

Советская Россия самым фактом существования ведёт агитацию среди всех народов, и всякий, кто в Европе упомянет о нас, о том, что Россия первая подняла знамя мировой революции, тем самым покоряет сердца рабочих и, несмотря на старания бандитов в Кронштадте, агитирует за нас, указывая, что всё же в Кремле сидит Совнарком.

Народ в Европе видит и знает, что рабочие и крестьяне России крепко держат власть в своих руках. Это в России, самой некультурной стране, рабочие и крестьяне не только взяли власть, но и правят государством свыше трёх лет. Враги говорили, что правят какими-то особыми приёмами: грабят, режут, насилюют, глотают живых кроликов и умирают голодными. Но оказывается, что и в пужде и в радости поют «Интернационал» и верят в правоту своего дела. Очевидно, на русских рабочих клеветают, так как они вовсе не звери. Этого достаточно, чтобы Европа революционизировалась.

Теперь нам нужно не только подписывать торговые договоры, но и делать всё, чтобы содействовать укреплению

рабоче-крестьянской власти, и, как прежде мы всё несли на фронт войны, теперь нужно нести на фронт хозяйственной нужды.

По мере того как мы будем побеждать на этом последнем фронте, перед нами всё шире и шире будут открываться двери к нашей конечной цели. Для всемерного содействия борьбе на фронте хозяйственной нужды мы решили использовать все возможности не только внутри нашей страны, но и вне её.

Мы не задумаемся заняться торговлей, «спекуляцией» в международном масштабе. Мы посылаем для этой цели всюду нашу советскую агентуру. Мы объявили свободными для входа иностранных торговых судов все наши советские порты, куда могут иноземные торговцы привозить любые товары, за которые мы будем платить золотом, сырьём, которым располагаем в изрядных размерах.

Идём мы и дальше: можем дать под разработку иностранным капиталистам огромные нетронутые лесные пространства, залежи угля и прочее.

Для нас всё равно, куда они будут отправлять это сырьё. Куда угодно, в любую страну! Только бы не попасть нам в новое рабство, только бы скорее видеть и там, в Европе, красное знамя, раздвинуть фронт борьбы, которая закончится победой труда над капиталом.

Капитал Европы, конечно, против нас, но тем не менее и капиталистам не так весело, как это принято думать: им также приходится изощряться, искать выхода, — сказываются последствия продолжительной войны и хозяйственное истощение в результате её.

Мы сейчас находимся в такой стадии существования, когда вскрываем все возможности к укреплению рабоче-крестьянского Советского государства: мы заключаем торговые соглашения с капиталистическими странами, мы даём возможность проявить инициативу всей огромной массе крестьянства, которая ещё не может воспринять коммунистические идеалы, которая укрепляет своё собственническое мелкобуржуазное хозяйство. Как бы ни был ответственный и труден тот момент, который переживает Советское государство, мы всё же имеем и много возможностей для того, чтобы начать со всех сторон обогащать и укреплять Советскую Россию. Возможность развернуть настоящие широкие творческие силы рабочих и крестьян нашей страны мы имеем полную. (*Аплодисменты.*)

Каждый наш успех будет немедленно отзываться в

Европе и на Востоке. На нас смотрели с полной безнадежностью и думали, что как только в России окончится гражданская война и рабочие и крестьяне примутся за восстановление разрушенной промышленности и сельского хозяйства, тогда мир будто бы увидит, какие большевики *безнадежные* хозяева.

Нам нужно сейчас как можно скорее показать, что мы способны не только разрушать, но умеем и созидать, а это явится огромным плюсом в деле освобождения трудящихся. (*Аплодисменты.*)

НА ПУТИ В ЦАРСТВО СОЦИАЛИЗМА

Задача наша поставлена. Наш последний партийный съезд совершенно откровенно вскрыл и перетряхнул весь хлам. Оказалось, что мы приехали к мирной гавани очень усталыми. Но мы установили, что в огромной, многомиллионной России, для того чтобы осуществлять те священные заповеди, которые имеются на всех языках, и идеалы лучших умов человечества и подлинных защитников угнетённых, — для этого в России ещё найдутся силы.

Наступает новая эра, когда царство небесное строится здесь, на земле, создается братская жизнь. Мы поставили Россию на верный и надёжный путь, и, идя по нему, мы скоро получим подкрепление с разных сторон и, несомненно, победим.

Многомиллионный трудящийся народ, вышедший на свободную социалистическую дорогу, не может, если бы даже и захотел, повернуть назад и надеть цепи рабства, которые с таким трудом разбил.

Многомиллионный народ, открывший новые горизонты, как бы он ни устал, он хочет жить и радоваться, он идёт к счастью, и ничто не ввергнет его в анархию.

Этот народ первым вышел на путь великой борьбы и первым придёт в царство социализма.

(*Продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию.*)

1922 год

РЕЧЬ НА I СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

30 декабря 1922 года

Товарищи! Товарищ Сталин в своём докладе сегодня сказал, что настоящий день является днём торжества новой, рабоче-крестьянской России. Товарищи, я не знаю, как относятся к этому те, которые живут близко к главному источнику Советской власти и коммунизма — в Москве, но я ручаюсь, что все те рабочие и крестьяне, которые пришли сюда с отдалённых окраин, они как нельзя больше торжествуют в сегодняшний день. У нас у всех в памяти старая Россия. Мы знаем основную заповедь царского режима: гнёт, унижение, национальная травля. Мы помним, как нам ещё в детстве пели песни о том, что там, на далёких и диких окраинах, живут какие-то безумцы, которые зажимаются, как, например, чеченцы, только тем, что неустанно ползут на берег и точат свой кинжал. Вы помните, как всё делалось для того, чтобы отдельные народности стонали под сапогом, торжествовавшим тогда в России. И только теперь, только спустя пять лет, мы получили полную возможность собраться в единое целое, в единую братскую семью. Жадно раскрывая друг другу объятия, мы в сегодняшний торжественный день произносим: «Да здравствует Союз Советских Социалистических Республик!»

Я думаю, что этот день должен быть ознаменован нами так, чтобы остался живой памятник совершающегося сейчас. Я думаю, что не пройдёт много времени, как нам станет тесно в этом прекрасном, блестящем зале. Я думаю, что скоро потребуется для наших собраний, для наших исключительных парламентов более просторное, более широкое помещение. Я думаю, скоро мы почувствуем, что под этим огромным куполом уже не умещаются великие звуки «Интернационала». Я думаю, что

скоро настанет такой момент, когда на этих скамьях нехватит места делегатам всех республик, объединённых в наш Союз. Поэтому от имени рабочих я бы предложил нашему союзному ЦИКу в ближайшее время заняться постройкой такого памятника, в котором смогли бы собираться представители труда. В этом здании, в этом дворце, который, по-моему, должен быть выстроен в столице Союза, на самой красивой и лучшей площади, там рабочий и крестьянин должны найти всё, что требуется для того, чтобы расширять свой горизонт. Я думаю, что вместе с тем это здание должно являться эмблемой грядущего могущества, торжества коммунизма не только у нас, но и там, на Западе.

О нас много говорят, нас характеризуют тем, что мы с быстротою молнии стираем с лица земли дворцы банкиров, помещиков и царей. Это верно. Воздвигнем же на месте их новый дворец рабочих и трудящихся крестьян, соберём всё, чем богаты советские страны, вложим всё наше рабоче-крестьянское творчество в этот памятник и покажем нашим друзьям и недругам, что мы, «полуазиаты», мы, на которых до сих пор продолжают смотреть сверху вниз, способны украшать грешную землю такими памятниками, которые нашим врагам и не снились.

Товарищи! Может быть, этот момент послужит лишь толчком к тому, чтобы европейский пролетариат, всё ещё спящий в большинстве своём, всё ещё не уверенный в торжестве революции, всё ещё сомневающийся в правильности тактики коммунистической партии, чтобы он при виде этого волшебного дворца рабочих и крестьян почувствовал, что мы пришли всерьёз, навсегда, что идеи Советской власти, идеи коммунизма проникли так же глубоко, как сверла бакинских рабочих вонзаются в землю.

Может быть, тогда они поймут, что настал, наконец, такой момент, когда надо потрянуть проклятую капиталистическую землю так, чтобы всё, что гнуло нас в течение всков, было сброшено в бездну истории. И на этом новом, румянном, красном, революционном земном шаре мы, трудящиеся, родившиеся в жалких хижинах, дружными, стройными рядами пойдём из этих жалких хижин в волшебные дворцы с великим гимном Интернационала.

1924 год

ЛЕНИН И РАБОЧИЙ КЛАСС

*Речь на открытии партийного клуба
Бакинской организации,
22 апреля 1924 года*

Товарищи! Вы знаете, что говорить о жизни незабвенного Ильича — это то же, что говорить о жизни и движении русского пролетариата. Так тесно переплелась вся личная жизнь Владимира Ильича с судьбами русского рабочего движения.

Ровно 54 года тому назад на берегах великой русской реки родился человек, которому суждено было потрясти весь мир. В это время рождался также застрельщик мировой революции — русский рабочий класс.

Ленин рано обнаружил данные вождя мирового пролетариата. Уже с ранней юности он проникается теми идеями, которым отдал всю свою жизнь.

Есть интересные воспоминания Марии Ильиничны о том, что, когда был казнён старший брат Ленина, эта роковая весть потрясла его. И не потому, что это был его старший брат. Он видел ошибки в деятельности народовольцев — партии, к которой принадлежал казнённый. Но эта казнь не могла не повлиять на выработку мировоззрения Ильича. Получив эту весть, он сказал: «Нет, мы пойдём не таким путём. Не таким путём надо идти».

Уже в то время он намечал новые методы революционной борьбы пролетариата. К 25 годам Ильич так знал Маркса, как мы ещё не знаем его и до сих пор.

ПРОВИДЕЦ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Уже тогда путь и исход борьбы были для него ясны — этот путь говорил, что только захватом власти революционным пролетариатом начнётся перестройка человеческого общества на новых, коммунистических началах. Но

30 лет тому назад ещё никто так не думал и когда появились первые книги Ильича, многим стало ясно, что в будущем он развернёт все силы своего обширного ума.

Уже с тех пор Ильич начал завоёвывать прочное руководящее положение в революционной среде. Он был гений прежде всего. Он был гений и в отношении силы воли. Трудно найти равного ему по характеру.

И своей дорогой он шёл уж не так «просто». В оценке же окружающих его людей он был беспощаден.

Постепенно он вырастает в вождя мирового пролетариата. Если проследить историю партии, то видно, как давно уже он приобрёл авторитет.

МАРКС И ЛЕНИН

Маркса он знал от корки до корки. Он всегда и неизменно возвращался к великому учению и в нём он черпал свои силы и свои откровения. Он был великим последователем Маркса.

Целая эпоха отделяет друг от друга этих людей. При Марксе только зарождалась борьба с капиталом. Ленин же жил в эпоху, когда революционный пролетариат уже сложился в класс. Ленин развил учение Маркса. В применении марксизма он сочетал широту русской натуры с американским практицизмом.

ТЕОРЕТИК И ПРАКТИК

Когда Ленин руководил 150-миллионным народом, в особенности крестьянством, ему помогал его практицизм.

Сочетание глубочайшего теоретика с не менее глубоким практиком сделало из него огромного, необычайного революционера, какого ещё не видал мир.

Ленин прекрасно знал этапы развития капитализма в России. Он видел небольшую кучку пролетариата и огромную массу крестьянства. Уже в 1905 году, когда многие из нас теряли голову при развёртывавшейся буржуазной революции, Ильич ясно поставил вопрос о крестьянстве. И мы поняли, что у нас должно быть государство рабоче-крестьянское. Необходимость рабоче-крестьянского союза глубоко врезалась в наше сознание. Ильич не сомневался ни на одну минуту, что подлинными носителями социализма могут быть только рабочие, вместе с тем он пришёл к выводам, что пролетариат не может один совершить революцию, что он может её осуществить в союзе с крестьянами.

ЛЕНИН И ВОСТОК

В деятельности Владимира Ильича следует отметить его интерес к угнетённым национальностям Востока. И в вопросе об угнетённых национальностях Ильич нам дал не меньше откровений, чем в других областях.

Если русский мужик называет Ленина отцом, то люди жёлтой, чёрной и всех рас с неменьшим правом также называют его отцом. В масштабе мировой борьбы за социализм он учёл огромную армию Востока.

Мы видим громадное движение в странах Востока, где капитализм только развивается. Только гениальный Ильич мог предвидеть, что Восток может стать революционным. В этом его огромная заслуга.

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ

Все, кто знал Ильича, могут констатировать факт, что империалистическая война сильно повлияла на развитие его мировоззрения. В то время социал-соглашатели Гильфердинг, Каутский и другие утверждали, что война оправдывается, что она создаст какую-то новую эпоху для демократии. И только Ильич отнёсся глубоко отрицательно к этой мерзкой бойне. Он определённо заявил, что капитализм хочет утопить в крови революционное движение европейских рабочих. Тогда его голос был одинок. Но уже в Циммервальде он находит сторонников. Никто, как Ильич, не разоблачал эту войну. Он делал всё возможное, чтобы она была последней. Он говорил: мир погибнет, если не повернёт своих штыков против своих угнетателей.

От этого у меньшевиков волосы становились дыбом. Но воля Ильича не знала препятствий. Теперь мы видим, что его гениальная тактика была плодотворна. Уже тогда, уходя с меньшевистских дискуссий, Ильич говорил, что в момент захвата власти пролетариатом меньшевики будут по ту сторону баррикад. Он не ошибся. Тогда же создавались гнусные легенды о германском золоте, запломбированном вагоне и т. д. Но Ильич твёрдо ковал свои заповеди против войны и выковал то, что называется III Интернационалом.

ЛЕНИН — ОРГАНИЗАТОР ПАРТИИ

История нашей партии есть история жизни и деятельности Ильича. В деле создания Российской коммунисти-

С. М. Киров на нефтяных промыслах в Баку.
Картина худ. П. Соколова-Скаля.

ческой партии (большевиков) он показал себя как великий организатор. Наши враги, соглашаясь, что у Ленина светлый ум, отнимали у него организаторские способности.

Его умение предвидеть, огромная энергия и настойчивость, его непримиримость в борьбе с оппортунизмом дали ему возможность организовать величайшую в мире партию. Наши враги за границей отлично учитывают, что самый злейший враг их — это наша организация.

В нашей партии много твёрдых людей, но таких, как Ленин, не было. Вступавшим в Коминтерн он диктовал жёсткие условия. Он сумел создать колоссальный авторитет нашей партии.

Настанет пора, когда извлекут из архивов документы, где зафиксирована гигантская работа Ильича. Но есть и другие документы, говорящие об Ильиче, как о великом провидце. Он предсказал империалистическую войну и Февральскую революцию. Когда же настал февраль, Ильич писал, что назревает другая революция, которая поведёт рабочих и крестьян против английского и французского капитала. Он не ошибся.

Можно сказать, что изучение международного революционного движения — это есть изучение самого Ленина.

ЧЕЛОВЕК И ТОВАРИЩ

Скажу несколько слов о Ленине как о человеке. Более сердечного человека никто из нас не встречал. Он был многогранен. Он находил ключи к сердцу каждого из нас. Был ли такой член партии, который не знал бы его сердечности!

В кругу товарищей он видел всех насквозь, но этого не показывал. Он всегда был доступен и общителен. С рабочими и крестьянами он подолгу мог говорить о мелочах. Даже наши враги были очарованы Ильичём.

Никто не знал так человечество, как он, и только этим можно объяснить его революционную смелость.

СОХРАНИМ В ПАРТИИ ДУШУ ИЛЬИЧА

Ленин умер. Но уйдя от нас в могилу, он только вчерне успел закончить гигантскую работу.

Он заложил фундамент будущего социалистического строя. Каждый из нас, выросший в коммунистической партии, чувствует руководящую руку Ильича.

И если мы сумеем сохранить в партии душу Ильича, то мы доведём его постройку до конца. Нам всё же теперь уже легче. У нас надёжный, проверенный партийный компас, и мы дорогу найдём.

Ильич говорил нам: идите вперёд и вперёд, чтобы зверский капитализм больше не бросал на поля сражений рабочих и крестьян.

Из его наследства мы создадим ленинизм. Только один путь к будущему — изучение ленинизма.

Проникнемся же вдохновением нашего вождя, возненавидим всеми фибрами нашей души всё, что поработывает и оскорбляет человека.

1926 год

РАБОТАТЬ НЕ ПОКЛАДАЯ РУК НАД УКРЕПЛЕНИЕМ ЖЕЛЕЗНОГО ЕДИНСТВА ЛЕНИНСКОЙ ПАРТИИ

*Заключительная речь на XXIII Чрезвычайной
ленинградской губернской партконференции
12 февраля 1926 года*

Товарищи, работа нашей XXIII конференции подошла к концу. Вы все знаете, какие условия, какие обстоятельства привели нас на XXIII конференцию. Я думаю, что выражу общее мнение, если скажу, что все мы с полным вниманием, хладнокровием и выдержкой отнеслись ко всем тем вопросам, которые стояли перед нами. Я думаю, что ни один из нас ни на одну минуту не сомневается в том, что мы нашли безусловно правильное, безусловно ленинское решение вопросов, стоящих перед нами. (Аплодисменты.)

Мы, товарищи, заслушали также обширный доклад по вопросу о том положении, в котором находятся сейчас у нас основные командные высоты — социалистическая промышленность. Мы из доклада видели, что в общем и целом можно сказать: наша партия, наше пролетарское государство преуспевают; но мы также должны сказать, что наряду с этим перед нами, товарищи, открывается полоса достаточно серьёзных, достаточно крутых затруднений. Мы знаем, что наряду с успехами за последнее время перед нами выдвигаются новые, очень сложные, очень серьёзные задачи в деле дальнейшего поднятия нашей социалистической промышленности. Но мы твёрдо, с надеждой смотрим на будущее и полагаем, что эти новые затруднения и эти новые осложнения наша партия, а с ней вместе рабочий класс сумеют преодолеть успешно при одном условии, что мы выполним то, что мы обещали на нашей Чрезвычайной XXIII губернской конференции — во что бы то ни стало, всем и каждому в отдельности, работать не покладая рук над

укреплением единства, железного единства нашей ленинской партии. (Аплодисменты.)

В наших резолюциях, товарищи, мы приняли на себя целый ряд обязательств. Я думаю, что ни у кого из вас нет и тени сомнения в том, что мы эти обязательства выполним. Я думаю, что вся наша стотысячная организация, начиная с сегодняшнего дня, немедленно приступит к реализации всего того, что мы здесь с вами решили. Это будет лучшим доказательством и лучшим свидетельством выполнения нашего основного обязательства — поработать над дальнейшим восстановлением нашего хозяйства, укреплением нашего государства и сохранением единства нашей партии во что бы то ни стало. (Аплодисменты.)

Товарищи, вся внутренняя и внешняя объективная обстановка, несмотря на целый ряд серьёзных затруднений, стоящих перед нами, говорит всё-таки о том, что мы и дальше можем с тем же успехом продолжать дело нашего великого социалистического строительства. Самое главное, самое близкое для нас, товарищи, — это единство нашей партии. Если может разразиться какое-нибудь несчастье над нашими головами, то это несчастье будет заключаться в том, что если действительно дрогнут ряды нашей могущественной, монолитной ленинской партии. Мы уверены в том, что этого не будет, как этого не было до сих пор: малейшую трещину, малейший надлом в нашей партии мы умели преодолевать решительно и твёрдо. Это мы сделали и на съезде XXIII губернской партийной конференции; это мы сделаем всегда, если заметим, что в огромных рядах нашей партии на том или ином фланге её дрогнут те или иные колонны.

Товарищи, восемь с лишним лет тому назад из этого самого зала наша партия, ведя за собою рабочий класс, вышла на первые баррикады пролетарской социалистической революции. Восемь с лишним лет идём мы по этой твёрдой ленинской дороге, преодолевая препятствия, сметая затруднения, вырастающие на нашем пути. Я думаю, что не ошибусь и выражу волю конференции, если скажу, что и сегодня мы выйдем из этого зала полные той же беззаветной веры в нашу глубочайшую историческую правоту, будем продолжать ту величайшую миссию, которая возложена на нас человечеством, продолжим великую работу, начатую восемь с лишним лет тому назад,

для того чтобы добиться конечной цели — торжества пролетариев всех стран и угнетённых всего мира.

Для этого, товарищи, нам нужно прежде всего и главным образом единство, твёрдость и решительность нашей великой ВКП(б). Если мы это сумеем соблюсти, если мы сумеем это сохранить, то всё остальное будет обеспечено. Какие бы препятствия ни стояли на нашем пути, какие бы тучи ни нависали над нашей коммунистической головой — мы их сумеем рассеять.

Да здравствует же великая ВКП(б)! (*Бурные аплодисменты.*)

Товарищи, объявляю XXIII Чрезвычайную ленинградскую губернскую конференцию ВКП(б) закрытой.
(*Все поют «Интернационал».*)

МЫ ВЫШЛИ НА ШИРОКУЮ ДОРОГУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

*Доклад на торжественном заседании VIII губернского
съезда ленинградских металлистов
19 апреля 1926 года¹*

СССР — САМОЕ ТВЁРДОЕ И УСТОЙЧИВОЕ ГОСУДАРСТВО В МИРЕ

Товарищи, мне поручено сделать доклад о международном и внутреннем положении нашего Союза.

Я думаю, будет вполне достаточно, если я остановлю ваше внимание только на самом основном, на самом существенном, чего мы не можем не заметить сейчас как внутри нашей страны, так и вне её. Вы знаете, товарищи, с каким багажом мы приступили к делу социалистического строительства в нашей стране. У вас у всех сохранился в памяти тот тяжёлый восьмилетний путь, который мы прошли. Вы знаете также, товарищи, что было время, когда многим из нас те великие задачи, которые мы перед собой поставили, казались почти неразрешимыми. Многие из нас полагали, что та задача, которую поставил перед собой рабочий класс нашей страны, едва ли окажется ему по плечу. Но эти годы и эти сомнения ушли далеко. Мы сейчас уже с полным сознанием и с гордостью можем сказать, что мы вышли на достаточно просторную и достаточно прочную дорогу подлинного, реального социалистического строительства.

Вы знаете, товарищи, что самым сложным в нашей работе в области воссоздания нашего хозяйства являлся тот период, когда мы начали осуществлять новую экономическую политику. Это был тот период нашей работы, когда на наши головы как раз больше всего сыпалось утверждений, что вот, мол, наконец и сами большевики, сама Советская власть становятся на путь постепенного растворения в буржуазном окружении. Но вот прошли

¹ Печатается по сокращённой стенограмме. — *Ред.*

годы, и мы видим нечто иное, чем то, что нам предсказывали. Если в начале новой экономической политики мы имели в области нашей промышленности 18, максимум 20% довоенного уровня, то сейчас в общем и целом мы стоим на уровне 95% довоенного времени. Если наше сельское хозяйство в начале новой экономической политики едва добралось до 50% довоенного уровня, то сейчас оно перешигнуло уже за 90%. Одних этих цифр достаточно для того, чтобы сказать, что мы не только не стоим на одном месте, но что наше дело действительно развивается с достаточно определённой, с достаточно заметной стремительностью.

Я уже не говорю, товарищи, о нашем росте за последние годы, о чём вы, конечно, все знаете. Вы все знаете, что в прошлом году в области промышленности мы сделали надбавку на целых 64%, в этом году мы думаем шагнуть вперёд на 30—40% и надеемся, что не обманемся.

Если в прошлом году наш государственный бюджет имел 2 миллиарда 900 миллионов червонных рублей, то в текущем году мы подходим уже к 4 миллиардам рублей.

Все эти цифры говорят о том, что дело советского строительства и укрепления нашего государства развивается настолько заметным темпом, что нужно быть слепым, чтобы этого не видеть. Теперь уже прошла та пора, когда хорошие отзывы о нашей работе можно было слышать почти исключительно из наших собственных уст. Было время, когда мы находились на положении тех куликов, которые хвалят своё болото. Теперь мы уже выбрались из этого периода нашего существования, сейчас мы имеем свидетельства о наших успехах не только со стороны наших друзей, но и со стороны наших недругов.

Вы, товарищи, вероятно, внимательно следите за газетами, и, надеюсь, вы читали переписку между Наркоминделом и секретарём Лиги наций по поводу приглашения советского правительства принять участие в работах предварительной комиссии, которая должна подготовить конференцию по разоружению, созываемую в ближайшее время. Я вам очень рекомендую как-нибудь на сон грядущий повнимательнее почитать эту переписку — она чрезвычайно любопытна. Вдумайтесь в каждую фразу и каждое слово советской ноты, и вы поймёте,

товарищи, что тот язык, которым наш дипломат разговаривает с этой самой почтенной Лигой наций, каждое слово, каждая буква этой ноты свидетельствуют о том значении, которое мы сейчас в этом самом международном концерте приобрели.

Три-четыре года назад мы такие ноты обычно писали в пространство, это называлось: всем, всем, всем... Для того, чтобы все услышали, для того, чтобы никто в отдельности придаться к нам не мог.

Сейчас мы уже начинаем разговаривать с нашими недругами, адресуя наши разговоры самым непосредственным образом. Конечно, это упало не с неба, это свидетельствует о том, что мы внутри своей страны сумели укрепиться таким образом, что сейчас можем уже выйти на любую политическую международную арену.

На это мы приобрели теперь не только моральное, как это было раньше, но и чисто реальное право. Мы сейчас можем в отношении твёрдости и устойчивости своего государства поспорить с любым государством в мире. Но, товарищи, было бы, конечно, ошибкой полагать, что у нас всё на целых 125% так уже выросло и укрепилось, что дальше идти и торопиться некуда. Это, конечно, неверно. Именно потому, что мы с вами всё время торопимся и не покладая рук день и ночь трудимся над укреплением нашего государства, — именно потому явились те положительные результаты, о которых я вам вкратце сообщал. Не подлежит, конечно, никакому сомнению для каждого честного рабочего, что нам и дальше необходимо двигать дело тем же самым темпом, каким мы разворачивали работу до сих пор, а в известном смысле, может быть, и с большим упорством.

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ СТРАНЫ — ОСНОВНОЙ ПУТЬ ПРЕОДОЛЕНИЯ ВСЕХ ТРУДНОСТЕЙ

Каждый рабочий великолепно понимает, что, доведя народное хозяйство до довоенного уровня, ни одной минуты нельзя останавливаться на этих достижениях, а, наоборот, надо, не теряя ни одной исторической минуты, двигаться во что бы то ни стало дальше. Каждый из нас повседневно чувствует недостаток в промышленных товарах, с чем мы встречаемся на каждом шагу, каждый из нас видит те высокие цены на наши изделия, которые существуют в рознице, с чем мы сталкиваемся и

И. В. Сталин и С. М. Киров.
Ленинград, 1926 г.

все вместе и каждый в отдельности. Ни один из нас не может спокойно смотреть на состояние производительности труда, где за последнее время у нас также появляются некоторые тревожные моменты.

Все эти вопросы, а также вопрос о заработной плате неизменно стучатся в двери нашего с вами государства.

Затруднения, товарищи, палицо, они очень заметны вследствие непрерывного роста платежеспособности населения нашей страны как в городе, так и в деревне. Несмотря на всё напряжение наших фабрик и заводов, сколько бы они ни выбрасывали продукции, эта продукция с громадной стремительностью поглощается, и на рынках всё снова и снова ощущается в ней недостаток.

Для того чтобы изжить это явление, нам необходимо принять все меры к дальнейшему развитию нашей промышленности. Одновременно нам нужно принять все меры к тому, чтобы наше хозяйство и впредь развёртывать таким образом, чтобы оно становилось всё более и более самостоятельным. Если мы хотим построить социалистическое государство в нашей стране, нам нужно прежде всего обеспечить рабоче-крестьянские советские границы не только с точки зрения военной, но нужно позаботиться и о других фронтах, нужно сделать всё, чтобы основательно подковать наше государство и со стороны хозяйственной.

Совершает ошибку тот, кто думает, что мы с нашим врагом — империализмом Западной Европы — ведём войну только вооружённой рукой, только вооружённой силой. Нет, это не так, — во всех областях нашей жизни мы находимся на военном положении.

Таким образом, на одном из основных и главных фронтов нашей борьбы — в области экономики — нам необходимо так обеспечить наше государство, чтобы оно было возможно меньше ущемляемо со стороны наших врагов. Для этого нам нужно развивать все отрасли нашего хозяйства не только в количественном, но и в качественном отношении. Нам нужно сделать всё возможное для того, чтобы нашу страну индустриализировать. Нам нужно повернуть дело нашей промышленной работы таким образом, чтобы в действительности, а не в мечтах, не в теории, не в резолюциях только, а на деле усеять нашу рабоче-крестьянскую советскую землю заводами, при помощи которых мы могли бы собственными руками и соб-

ственными средствами создавать всё нам необходимое не только в смысле предметов личного потребления, но и в смысле средств производства для нашего хозяйства. Без этого условия, товарищи, никакого социализма в нашем государстве мы не построим. Без этого условия нам нельзя будет чувствовать себя обеспеченными как следует со стороны опасности от наших врагов — империалистов... Если мы и впредь будем лишены возможности собственными руками создавать средства производства, то перед нами будет только один выход — получать эти орудия и средства из-за границы, т. е. находиться в положении зависимости от сильных европейских капиталистических государств, быть в таком положении, что во всякое время дня и ночи без всякого вооружённого вмешательства в наши дела эти западноевропейские государства могут затормозить нашу хозяйственную жизнь, когда им это заблагорассудится.

Вот для того, чтобы этого не было, и для того, чтобы нам обеспечить подлинную возможность социалистического строительства, — для этого нам необходимо индустриализировать нашу страну во что бы то ни стало. Эта задача, товарищи, нелёгкая, это не то, что восстановить старый завод, оставшийся нам от капиталистов, это не то, что перебрать старые, заржавелые станки и пустить их в ход, это не то, что заставить дышать, заставить гореть стоявшую потухшей несколько лет ту или иную печь, — это значит создавать на нашей земле новые заводы по последнему слову современной техники.

Ведь, товарищи, надо понять, что мы взяли на себя историческую миссию — построить такое общество, которое было бы во всех отношениях образцовым, выходящим по сравнению с любым западноевропейским государством. Нам надо добиться того, что если сейчас мы с вами смотрим через далёкие пространства с завистью на Северо-Американские Соединённые Штаты, на их технику, на их колоссальные заводы и фабрики, то, ведь, товарищи, должен пройти известный исторический отрезок времени, и мы с вами должны смотреть на Америку уже не вперёд, а оглядываясь назад. Мы должны добиться такого состояния, чтобы обогнать эти страны во всех отношениях.

Таким образом, вы видите, что дальнейшая наша работа сопряжена ещё со множеством и множеством огром-

ных испытаний. Параллельно с преобразованием нашего промышленного хозяйства и индустриализацией нашей страны нам необходимо будет подтягивать и наше сельское хозяйство, нам надо будет отучить мужика молиться Николаю чудотворцу и пахать сохой времён святого Владимира. Нам надо сделать так, чтобы он действительно, не на словах, а на деле, приобщился к электрификации и прочим таким вещам, которые пока ещё фигурируют у нас везде только в виде диковинок, а нам надо их действительно внедрить в наше сельское хозяйство самым органическим способом.

Нам необходимо будет не забывать и о той области нашей государственной работы, которая называется культурой. Если наша страна, как и теперь, будет на 60% лаптем хлеб резать, если наша страна будет наполовину ещё безграмотной, то, конечно, ни о какой индустриализации страны разговаривать нам с вами не придётся.

Нельзя дать мужику трактор и прочие усовершенствованные орудия производства, если он всё ещё на Николая чудотворца надеется гораздо больше, чем, скажем, на бензиновый двигатель. Надо повернуть и эту область работы таким образом, чтобы она шла параллельно с основной нашей хозяйственной работой. Работа, как вы видите, огромнейшая, которая требует от нашего государства и от рабочего класса прежде всего громадных жертв и громадных усилий.

Но надо помнить, товарищи, что всё-таки основная линия нами, очевидно, взята совершенно правильно, но если мы сумели в течение такого короткого времени, что и сами не ожидали, восстановить своё хозяйство почти до довоенного уровня, то, я думаю, и на новых путях, по которым нам дальше придётся поднимать наше огромное хозяйство, мы эту задачу также осуществим.

ПОЧЁТНАЯ РОЛЬ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ДЕЛЕ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ СТРАНЫ

Здесь мне хотелось бы сказать несколько слов о тех уже более узких задачах, которые стоят непосредственно перед нами, живущими здесь, в Ленинграде.

Вы все, товарищи, понимаете ту роль, которую играла, играет и должна играть ленинградская промышленность. Но вот сейчас, когда мы переводим рельсы нашей работы

в сторону индустриализации нашей страны, здесь, товарищи, ленинградская промышленность по всем своим историческим, фактическим и каким угодно правам должна будет занять исключительное место.

Дело сложилось таким образом, что если есть действительно самый квалифицированный, самый надёжный уголок в нашем Союзе, где можно было бы с достаточным успехом создавать орудия и средства производства, то это, несомненно, Ленинград. И поэтому наша партия, а вместе с ней, конечно, и рабочий класс должны будут в последующий период нашей работы сосредоточить исключительное внимание на ленинградских заводах, на ленинградских фабриках.

Это кратчайший путь, в постановке дела машиностроения и производства всех прочих предметов оборудования, необходимых для нашей промышленности.

Отсюда, товарищи, вы понимаете, какая непосредственная задача стоит перед вами. Ясное дело, что в этой работе ленинградскому металлисту предстоит взять в руки в полном и буквальном смысле слова первую скрипку, ибо ему нужно будет взять на свои плечи главную тяжесть той работы, которая предстоит нам здесь.

Я думаю, что все объективные условия говорят за то, что эта работа будет выполнена. Во всяком случае здесь, в Ленинграде, нет ни одного учреждения, которое бы не имело того или иного соприкосновения с хозяйством и которое не заботилось бы об этих задачах завтрашнего дня. Начиная с партийных, советских, хозяйственных и всех прочих организаций, мы видим, как здесь, в Ленинграде, все учреждения ставят эти вопросы. Каждая организация со своей точки зрения взвешивает ту программу, которую она должна осуществить в этом деле. Это, конечно, должно служить лучшим залогом, лучшей гарантией того, что мы эту задачу так или иначе разрешим безусловно с успехом.

Но не надо, товарищи, отрицать того, что и здесь нам, возможно, придётся выдержать не меньшие, а в некоторых отраслях даже большие трудности, чем те, которые стоят перед рабочими всего Союза.

Мы знаем, в каком состоянии сейчас находится наш уже почти полуторамиллионный город, мы знаем, что за

период гражданской войны и разрухи он вынес на себе большую тяжесть. Всякий вопрос, который мы ставим перед собою, напоминает нам об этом. Нет сейчас ни одного собрания, ни одного разговора с рабочими, где бы не поднимался вопрос, скажем, с той огромной жилищной нужде, которая всё острее и больше чувствуется здесь, в Ленинграде.

Необходимо, конечно, будет сделать всё для того, чтобы так или иначе это дело поднять. Вы знаете, что для того, чтобы поднять его так, как этого бы нам всем хотелось, мы, конечно, не имеем пока ещё никакой объективной возможности: мы очень сильно стеснены в средствах.

Но я думаю, что той программы, которая намечена в этом отношении, будет вполне достаточно для того, чтобы сгладить остроту положения.

Встают, встанут и, конечно, всегда будут стоять в нашей работе вопросы о положении рабочего класса и прежде всего — о его заработной плате. Как вам уже указывали, в той полосе затруднений, которую мы переживаем сейчас, нам нужно проявить совершенно твёрдо и совершенно определённо чрезвычайную экономию.

ЗА ПОВЫШЕНИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА И ЖЁСТКОЕ ПРОВЕДЕНИЕ РЕЖИМА ЭКОНОМИИ

Мы сейчас делаем всё для того, чтобы сохранить тот уровень заработной платы, который у нас имеется, и, конечно, каждый сознательный рабочий согласится с нами в том, что сейчас нельзя говорить, что мы выйдем из положения, если завтра поднимем заработную плату на тот или иной процент, а всё остальное — рост цен в розничной торговле и прочее — не изменится.

Нет, каждый рабочий прекрасно понимает, что надо начинать с другого конца — с повышения производительности труда в широком смысле этого слова, с борьбы за повышение производительности труда всем фронтом, как со стороны хозяйственников, так и со стороны самих рабочих.

Упорная борьба за снижение розничных цен на наши продукты потребления является более надёжным, более верным, наилучшим способом действительного удержания заработной платы на том уровне, на каком она находится сейчас.

Я не буду говорить, товарищи, об остальных задачах, которые стоят сейчас перед нами, но я не могу не обратить вашего внимания на то обстоятельство, о котором здесь уже говорилось, а именно на то, что если мы хотим действительно по-настоящему осуществлять свои задачи в области индустриализации, то нам необходимо с завтрашнего же дня — вернее, с сегодняшнего дня — действительно развернуть всем фронтом, как можем сделать только мы, большевики, а с нами вместе и весь рабочий класс, борьбу за режим экономии.

Я на этом вопросе останавливаюсь только потому, что мне думается, что многим из нас этот лозунг — «борьба за режим экономии» — не совсем ясно представляется. Многие товарищи ставят эту задачу в достаточной степени ограниченно, на самом же деле этот вопрос имеет сейчас колоссальнейшее значение.

Мне приходилось слышать вопросы со стороны рабочих, которые говорили: «Неужели вы серьёзно думаете, что путём этой грошовой, мещанской экономии можно что-то сделать, что-то получить?»

Этот вопрос объясняется тем, что товарищи, задававшие его, недостаточно широко представляют себе это дело.

Надо вести сейчас борьбу не только в узком смысле слова за сбережение копейки, а надо сделать всё к тому, чтобы действительно создать из нашего государства такой аппарат, который работал бы по возможности с точностью часового механизма.

Только таким порядком можно будет действительно по-настоящему перелицовать наше хозяйство и действительно твёрдой поступью идти вперёд.

Что же, товарищи, мы видим? К сведению тех, которые полагают, что этот режим экономии не сможет нам дать особенно заметных, особенно реальных результатов, я много примеров приводить не буду, а приведу один.

Есть у нас такое учреждение, которое называется Часуправлением. В этом самом Часуправлении начали помаленьку проводить режим экономии, проводить, конечно, не бог знает каким военным порядком, проводить с прохладцей, как мы в большинстве случаев такие вещи проводим.

И что же оказалось? Достаточно было совершенно ничтожного нажима на это самое Часуправление для того,

чтобы у них оказалась экономия в 1 миллион 200 тысяч целковых. Вы, товарищи, подумайте, сколько у нас в Советском Союзе разного рода Чаеуправлений! Вы все знаете, что учреждений у нас разных, всяких «хозов» и прочих столько, что, если бы написать словарь, получилась бы огромнейшая книга.

Но если даже с каждого такого «хоза» получить не миллион, а на круг полмиллиона целковых экономии за год, то ясно, к чему это, товарищи, приведёт даже при самом прохладном отношении к этой самой экономии! Представьте себе, что если мы этот самый режим экономии начнём проводить по нашей большевистской привычке с некоторым нажимом, что если мы заставим каждого «хоза» и «зава» и всех прочих, вниз от них идущих, маленько крикнуть под нажимом в борьбе за режим экономии, то нет сомнений, что процент сбережений всё больше и больше будет возрастать.

Второй пример — относительно наших штатов. Вы все знаете о том учреждении, которое называется Югосталью. Это — учреждение почётное во всех отношениях. В этом учреждении полтора года назад служащих было 250, а сейчас там имеется 900 человек. Конечно, работа расширилась — это мы все понимаем, но вы смотрите, в какой прогрессии растёт штат этого учреждения.

Вы знаете также, товарищи, какую большую роль в жизни нашего государства играет наша кооперация. Каждый из нас является членом того или иного кооператива, каждый из нас, как правоверный христианин великим постом, время от времени отдаёт должное кооперации — ведёт соответствующую кампанию по вовлечению, привлечению, по взносам и прочее. Недавно был съезд уполномоченных Центросоюза и там подсчитали, что благодаря так называемому «умелому» ведению дел самые непосредственные растраты — короче говоря, самое ничем не прикрытое прямое воровство — приводят в кооперации к тому, что там разворовали в течение года 1 миллион 800 тысяч целковых.

Это, товарищи, то, что удалось записать. А вы знаете, что растрата и воровство — это такая штука, которую не всегда можно поймать, а тем более записать.

Вот, товарищи, те болячки, которые зияют на нашем теле и которые нам надо срезать, выжечь калёным железом во что бы то ни стало не только потому, что они

безобразны, но и потому, что это может дать нашему государству действительно громаднейшее обилие во всех отношениях.

Мы сумеем наряду с той экономией, которая естественным образом отсюда произойдет, сделать организм более здоровым, более подвижным, более работоспособным.

Безобразия, товарищи, доходят до того, что я не могу вам не напомнить одного случая — этот случай был описан в газетах.

Дело было в центре нашего Советского Союза, в городе Москве, в московском отделении Иваново-вознесенского текстильного треста.

Сидел там какой-то заведующий торговой частью, наверное, к стыду нашему, член нашей коммунистической партии, как это чаще всего в таких случаях бывает. И вот на-днях он сделал заказ в типографии штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии на 100 тысяч этикеток для наклейки на мануфактурные кипы. Заказ был выполнен в 20 тысячах экземпляров и принят. На этикетках была изображена крестьянка. Приняли заказ, он понравился, заказали ещё 600 тысяч этикеток. Когда весь заказ был выполнен и его преподнесли этому самому «заву» торговой части, он посмотрел, и что с ним случилось — трудно сказать, но почему-то ему крестьянка на этикетках не приглянулась, и этикетки были забракованы. Дело было брошено, но на нём потеряли несколько тысяч целковых, а в результате эти этикетки пришлось продать частному человеку за 27 целковых.

Вот, товарищи, как будто мелочь, пустой эпизод, но разве можно равнодушно об этих эпизодах говорить в тот момент, когда каждая советская копейка должна взвешиваться на вес золота, когда мы сейчас сплошь и рядом буквально задыхаемся от недостатка самых пустых вещей, когда зачастую почти на полном ходу останавливаются целые цеха на фабриках и заводах только потому, что мы не можем найти 50—100 тысяч целковых, чтобы получить из-за границы небольшие приспособления, делать которые сами, к сожалению, мы пока что ещё не в состоянии.

В тот момент, когда мы просматриваем свой государственный рабоче-крестьянский бюджет и с факелами днём и ночью ищем каждую копейку, положенную не на место, внимательным образом взвешиваем каждый расход и стараемся сделать всё, чтобы ни одной копейки не израсхо-

довать бесполезно, а тем более вредно для государства, — в этот самый момент мы в нашей советской, коммунистической печати читаем те анекдоты, о которых я вам только что рассказал.

И когда мы посмотрели, что за человек этот почтенный «зав», которому не понравилась крестьянка на этикетках, то оказалось, что это действительно субъект во всех отношениях любопытный.

Он работает в качестве «зава» не больше не меньше как 17 месяцев, из этих 17 месяцев он 11 месяцев сплошь находился в разъездах. Вы видите, вместо того чтобы действительно заниматься непосредственно тем делом, к которому он приставлен, этот человек гарцует из города в город, из села в село, собирает командировочные и всё, что вообще сопряжено с такими поездками, а в результате перед вами получаются подобные образцы работы такого солидного учреждения, как московское отделение Иванovo-вознесенского треста.

Это, товарищи, взятые на выдержку примеры тех зияющих ран, которые у нас имеются и которые вытравить нам во что бы то ни стало необходимо. Если мы к этой работе подойдём вплотную, мы это сумеем сделать несомненно. Я не говорю, что можно убить сразу нескольких зайцев одним выстрелом, но, для того чтобы это дело провести действительным образом, нам необходимо вокруг лозунга экономии сейчас мобилизовать всё внимание не только нашей партии, но всего рабочего класса, и, конечно, профсоюзов в первую очередь. Нам надо каждому зарубить себе на носу необходимость этой борьбы. Надо обдумать всяческие способы и методы, чтобы как можно плотнее и надёжнее охватить эту самую работу, и вы, товарищи, увидите, что не пройдёт много времени, как мы сумеем, во-первых, выжать эти застрявшие в разных расщелинах громадные миллионы рублей, а во-вторых, сумеем наш государственный механизм очистить от той ржавчины, которая к нему пристала на протяжении этих восьми лет. В этой борьбе за режим экономии рабочему классу надо поставить дело таким образом, чтобы поднять наше хозяйство как можно выше, потрясти его как можно покрепче, чтобы та сволочь, которая к нему присосалась, отпала раз и навсегда. *(Аплодисменты.)*

Тут нечего бояться того, что дело зайдёт слишком далеко, что мы кое-кого больно зацепим, смущаться нам ничем не приходится, если мы только хотим этот режим

экономии действительно осуществить полностью на всех фронтах. Вот, товарищи, какие основные вопросы стоят перед нами сейчас внутри нашего государства.

МЕДЛЕННО, НО ВЕРНО НАЗРЕВАЕТ РЕВОЛЮЦИЯ ЗА РУБЕЖОМ

В заключение скажу несколько слов о том, какая внешняя обстановка сейчас нас окружает. Вы все понимаете, что сейчас как будто бы мы переживаем такое время, что извне особой, непосредственной угрозы предвидеть откуда нельзя, как будто бы мы обеспечили себя достаточно полно для того, чтобы продолжать начатую работу.

Конечно, никто не может быть пророком и сказать, что мы имеем полную гарантию в этом отношении. Это не так, но рост сочувствия со стороны рабочего класса к нам на Западе, громадное сочувствие к нам со стороны угнётённых народов Востока и третий фактор — наше внутреннее состояние — все эти три силы достаточно гарантируют нашу дальнейшую более или менее спокойную работу.

Однако, если мы не видим сейчас определённого стремления устроить очередной нажим по адресу рабоче-крестьянского государства, то, с другой стороны, нет и такого отношения, чтобы нам кто-нибудь где-нибудь хотел бы за хороший или, во всяком случае, приличный процент оказать какое-нибудь содействие. Очевидно, и с этой стороны мы должны будем больше надеяться на себя. С другой стороны, надо знать и то, что если перспективы западноевропейской революции, на которую мы все в своё время весьма и весьма определённо рассчитывали, как будто теперь становятся неопределёнными, то всё-таки в общем, если посмотреть на всё окружающее нас, нельзя сказать, чтобы там была действительно тишь, гладь да божья благодать и чтобы какому-нибудь Блдуину или ещё кому-нибудь там не снились тревожные сны.

Состояние лёгких контузий западноевропейский капитал переживает непрерывно.

Правда, он делает всё к тому, чтобы заглушить волны революции. Свидетельством этому служат китайские события, о которых вы также знаете. Китайский народ сейчас оказался в таких жёстких японо-английских клещах, вырваться из которых ему будет очень нелегко.

Это верно, но так же верно и то, что прошла уже та пора, когда можно было 400-миллионный народ трепать

как вздумается совершенно безнаказанно. И даже, несмотря на то, что там наблюдается отлив революционной волны и что там пущены в ход такие жёсткие империалистические клещи, не надо быть пророком, чтобы сказать, что не пройдёт много времени, как измученный, истрадавшийся многомиллионный китайский народ сумеет эти империалистические клещи разжать и снова выйти на дорогу борьбы за своё элементарное человеческое освобождение. (*Аплодисменты.*)

Если нельзя на Западе предвидеть таких жарких вспышек в грядущие дни, то, товарищи, всё-таки каждый из вас, следя за рабочей хроникой в Западной Европе, видит то здесь, то там то забастовку, то локаут, то какие-нибудь иные неприятности для господ капиталистов, что говорит об усиливающейся там жестокой классовой борьбе.

Вот, товарищи, те общие черты, которыми характеризуется сейчас внешнее положение. В общем и целом, товарищи, выходит, что как бы медленно ни развивались революционные события, какими бы осторожными шагами, на первый взгляд, история сейчас ни шагала, но все-таки, если мы взвесим все за и против, дело исторически складывается таким образом, что время как работало, так и продолжает работать на нас. Наша революционная коммунистическая мельница работает быстрее, надёжнее, веселее, чем мельница капитализма.

Очевидно, тот исторический приговор, который рабочий класс России восемь лет назад произнёс над капиталистическим стросм, — этот приговор историей оправдывается всё больше и больше.

Нам, как непосредственным деятелям революции, непосредственным строителям социализма в нашей стране, хотелось бы, конечно, видеть большее, хотелось бы, чтобы революционные волны вздымались выше и возможно скорее поглотили бы в бездну проклятый капиталистический строй.

Но что история идёт в эту сторону — в этом нет ни малейшего сомнения. Всё остальное, товарищи, будет зависеть от нас с вами и прежде всего, товарищи, от вас, рабочих-металлистов. Вы в великие Октябрьские дни вышли в первой шеренге к той исторической баррикаде, которая была взята здесь, в Ленинграде.

Вы заняли первые, самые ответственные позиции в этой, тогда, казалось, ещё неравной борьбе. Вы, товарищи, победите, я думаю, и впредь, если вас не покинет та

металлическая твёрдость, которая вам принадлежит по праву, и если и впредь вы сумеете сохранить ту же железную выдержку и спокойствие, если вы сумеете сохранить хладнокровие даже в самые жестокие моменты, которые всё ещё возможны впереди. Не подлежит никакому сомнению, что победит то великое дело, ради которого мы здесь, в городе Ленина, восемь с лишним лет назад вышли на борьбу и провозгласили величайший лозунг освобождения всех обиженных, угнетённых и поработённых. Не подлежит никакому сомнению, что наш призыв к борьбе будет, наконец, услышан и теми, которые гнут свою спину под тяжестью империализма на Западе, и теми, которые проливают сейчас свою кровь под натиском того же империализма на Востоке. (*Аплодисменты.*)

1927 год

В УПОРНОЙ БОРЬБЕ С ОППОЗИЦИЕЙ МЫ ДОСТИГЛИ ПОЛНОГО ЛЕНИНСКОГО ЕДИНСТВА

*Из доклада о работе Ленинградского губкома ВКП(б)
на XXIV губернской партконференции
27 января 1927 года¹*

Товарищи! Прежде чем доложить о практической работе губернского комитета партии за истекший год, я считаю необходимым изложить перед вами общую обстановку, в которой приходилось работать губернскому комитету. По этому поводу говорилось у нас достаточно много и достаточно часто, поэтому я буду краток. То время, которое мы пережили, войдёт в историю не только нашей организации, но и нашей партии в целом, ибо эта эпоха действительно во всех отношениях является исключительной. Ещё до XIV съезда нашей партии мы вступили в новую полосу партийной работы. Вы знаете, что эта полоса первое время сопровождалась целым рядом хозяйственных затруднений, и я думаю, товарищи, что эти затруднения явились основной предпосылкой того перелома, который пережила впоследствии наша партия. Теперь уже полностью мы дали себе ясный и точный отчёт в тех новых задачах, которые стояли перед нашей партией. И как раз тогда в отдельных рядах нашей партии стали замечаться совершенно определённые колебания.

Вы помните, с чего всё началось. Началось с того, что отдельные товарищи, представлявшие тогда ещё не совсем отчётливо организованную оппозицию, стали нам указывать на якобы происходящее совершенно определённое перерождение отдельных членов ЦК; потом мало-помалу оппозиционная фантазия стала развёртываться, и перерождение приписывалось уже Центральному Комитету в целом. В дальнейшем на фоне всё более и более ярко выступавших хозяйственных затруднений стали раздаваться голоса о том, что не только Центральный

¹ Печатается по сокращённой стенограмме. — *Ред.*

Комитет, а и вся партия, дескать, переживает страшную болезнь перерождения. Оказалось, что во всей нашей миллионной партии только несколько человек ясно представляли себе те задачи, которые стояли перед партией, все же остальные уклонились в сторону заигрывания с кулаком, с нэпманом.

«Зоркий» глаз наших оппозиционеров, вы помните, видел, как постепенно эта волна мелкобуржуазной стихии стала захлёстывать сначала нижние, подвальные, этажи нашей социалистической храмины, а потом помаленьку полезла и в первый этаж. И нам предрекали, что пройдёт немного времени, как мы, чудачки, не замечающие процессов нашей жизни, окажемся на чердаке этой социалистической храмины и, высываясь из окон, будем с растерянными жестами кричать «караул».

Всё это, товарищи, не басни, не сказки, а действительное изображение оппозиционных взглядов. Как ответила наша партия на это? Помимо той работы, которую мы вели внутри нашей партии для защиты основных положений ленинизма, для защиты нашей партии от раскольнической политики, ЦК нашей партии, вместе с огромным, подавляющим большинством её, вёл кропотливую, упорную работу по преодолению хозяйственных затруднений.

Затруднения были в достаточной мере серьёзные. Но ЦК партии и вся наша партия не шарахались из стороны в сторону в обстановке этих затруднений, а постепенно, идя от одного хозяйственного фронта к другому, составили себе достаточно точную, достаточно отчётливую программу того, как вывести на новые рельсы дальнейшего развития наше народное хозяйство. И, несмотря на то, что оппозиция обстреливала наши основные командные высоты, ЦК нашей партии сумел в достаточной степени отстоять их.

Вы помните, мы выдерживали натиск и на политику внешней торговой монополии, и на нашу внутрихозяйственную линию, и на другие звенья нашей работы. И вот, товарищи, со времени XIV съезда нашей партии, когда эта борьба приняла особенно острые формы, ничем уже не прикрытые, когда представители нашей оппозиции достаточно развернули свой махровый символ веры, — за год, который прошёл, сейчас это можно уже твёрдо и определённо сказать: мы не только поняли, какие вопросы являются узловыми в нашей хозяйственной жизни, но мы, несомненно, наметили совершенно правильное, совершенно отчётливое разрешение этих вопросов. Я не

хочу сказать, что сейчас у нас на фронте хозяйственной работы, которую я считаю основной в данную эпоху, над всеми «i» поставлены точки, уже совершенно ясные для всех и каждого. Отнюдь нет. Вопросов ещё масса. О них мы слышали и услышим ещё не один раз. Каждый новый наш шаг будет выдвигать новые и новые задачи. Но я хочу сказать, что основная линия этой переходной эпохи к социализму намечена нами, несомненно, совершенно правильно, твёрдо и определённо.

Я думаю, что это обстоятельство явилось решающим в деле окончательной ликвидации того относительного влияния, которое в некоторых частях нашей партии имела оппозиция. Не буду скрывать, товарищи, — это факт совершенно определённый, — что было время, когда представители оппозиции свили себе гнездо здесь у нас, в Ленинграде, на первый взгляд, казалось, достаточно прочное гнездо. После того как мы в организации проработали итоги XV конференции нашей партии, мы сумели окончательно выяснить, каково же было влияние оппозиции в нашей организации. Я приведу небольшую справку о том, во что вылились в конечном счёте надежды объединённой оппозиции.

Мы провели широчайшую кампанию по разъяснению и популяризации решений XV Всесоюзной партконференции. На всех фабриках и заводах мы самым тщательным образом разъясняли членам нашей партии эти решения. Что же оказалось? Оказалось, что против решений XV конференции голосовало во всей нашей более чем стотысячной организации всего-навсего 27 человек, воздержалось при голосовании этих решений 69 человек. Таким образом, во всей нашей свыше чем стотысячной организации не разделяло точку зрения нашей партии после XV конференции всего-навсего 96 человек.

Но, товарищи, какая бы хорошая семья ни была, по нельзя себе представить такую семью, чтобы не было в ней уродов. Мы не будем стыдиться того, что в нашей огромной, стотысячной семье после XV конференции оказалось ещё 96 маленьких уродов, которые не разделяли общей линии нашей партии, нашей организации.

Я всё-таки думаю, что, несмотря на такую «устойчивость» этих 96 человек, не все они неизлечимы. Я думаю, что мы всё-таки сумеем ещё принять кое-какие меры и порядочное количество из этих 96 человек постараемся вылечить.

Я не думаю, что они окончательно искалечены, тем более что опыт нашей работы показал, что иные, как будто безнадежные в этом отношении люди потихоньку-помаленьку, при свете той работы, которую мы здесь проделали, всё-таки усвоили настоящую ленинскую линию нашей партии. Тут, товарищи, дело не в нашей ловкости, не в нашем искусстве обращать на путь истинный этих заблудившихся товарищей, возвращать их в наше ленинское лоно. Дело заключается в конечном итоге в самой реальной объективной обстановке.

Можно сказать одно. Вся наша девятилетняя работа совершенно отчётливо показывает, что других путей работы и деятельности, чем те, которые практиковались партией и ЦК, найти нельзя. И все те рецепты, которые предлагали нам старая, новая, новейшая и всякие прочие оппозиции, всё-таки, в конечном итоге, оказались фальшивыми, поддельными рецептами, и как наша партия, так и рабочий класс в целом достаточно быстро в этом деле разобрались. Но было бы, конечно, товарищи, совершенно неправильно, не по-большевистски, не по-ленински, успокоиться на том, что объективное соотношение сил, дескать, говорит за нас, наше дело обеспечено и мы можем сидеть совершенно спокойно. Это, конечно, было бы неправильно, и мы — губернский комитет партии — отнюдь не поступали так.

После XIV съезда нам в Ленинграде прочили развал и распад, всякое партийное столпотворение. Нам говорили, что пройдёт энное количество времени, пока мы сумеем создать нечто похожее на организованное партийное целое здесь, в Ленинграде. Невзирая на все эти предрекания, невзирая на то, что многие из испытанных старых специалистов организационной партийной работы от нас отвернулись, — правда, часть из них нам пришлось самим «отвернуть» от нашей партийной работы, — мы всё-таки терпеливо занялись восстановлением рядов нашей Ленинградской организации. И здесь, товарищи, необходимо отметить, что, несмотря на всю сложность обстановки, мы всё-таки находили время для того, чтобы не забывать и другие отрасли нашей работы. Но упор мы взяли главным образом на эту внутреннюю партийную работу.

И вот, подводя сейчас итоги этой работы, мы видим её результаты. Я бы хотел обратить ваше внимание на прошедшие недавно районные конференции нашей организации. Старожилы, которые хорошо знают Ленинградскую

организацию, говорят, что происходившие районные конференции действительно чрезвычайно отличались от прошлых конференций. Первое и главное, что бросается в глаза, это громадная активность и действительно настоящая ленинская организованность, которую мы наблюдали на этих конференциях. Чем губернский комитет достиг этого? Прежде всего тем, что мы после той встряски, которая происходила в Ленинграде, взяли настоящий, ленинский курс на проведение внутрипартийной демократии.

Мы сделали всё для того, чтобы дать возможность всей организации понять настоящую сущность этой самой внутрипартийной демократии. Мы начали с того, что стали держать в курсе дел всей нашей партийной жизни не только верхушку, не только организационных командиров, но мы старались жизнь и деятельность Центрального Комитета сделать достоянием всей нашей организации. И вы помните, — мне это неоднократно приходилось говорить, скажу и здесь, — что, когда оппозиционеры упрекали нас из-за угла, что мы учиняем всякие нажимы, прижимы, зажимы, что мы держим постановления ЦК в кармане, что мы по особому отбору знакомим членов партии с его постановлениями, — мы отвечали, что эти обвинения вздорны. Мы старались поставить дело так, чтобы каждый член партии по возможности и, само собой понятно, каждый активный член партии обязательно был знаком не только с решениями, вынесенными ЦК и Политбюро нашей партии, но чтобы каждый знал, чем продиктованы эти решения, чем они вызваны.

Вот эта работа наряду с тем, что мы действительно развернули выборную систему в нашей организации, позволила нам в сравнительно короткий срок сделать так, чтобы всё, что проделано нашей партией, было сознательно воспринято всеми членами нашей организации.

И вот, когда мы на районных и уездных конференциях подводили итоги нашей работы, то видели, что ни один из членов партии не пожаловался на то, что он недостаточно осведомлён или что та организация, которую он представлял, недостаточно осведомлена о жизни и деятельности нашей партии, — таких заявлений мы на наших конференциях не слышали. Из многочисленных выступлений, которые были по докладам о работе губкома и райкомов, — а выступавших было 11% по отношению ко всем присутствующим, — мне помнится, только один товарищ на одной из райконференций пожаловался на недостаточную

внутрипартийную демократию у нас в организации, но этот товарищ решительно никем не был поддержан. Каждый видел, что тут что-то не так, что это заявление не соответствует действительности.

Сейчас мы имеем в Ленинграде хорошо организованный партактив. Вы помните, что по адресу нашего партактива тоже раздавались чрезвычайно нелестные характеристики. Говорили, что мы опираемся на каких-то молокососов, что мы ничего не понимаем во внутрипартийной «механике». Второй упрёк был совершенно правилен. Бывшие руководители Ленинградской организации слишком большое внимание уделяли этой внутрипартийной механике. За этой механикой они проглядели самое ценное. Когда мы эту механику немного ковырнули, то оказалось, что на ней далеко не уедешь. Поэтому мы, воспитывая наш актив, не делали упора на внутрипартийную механику, хотя её не забываем и забывать её нельзя. Мы всю работу направляли вглубь, и сейчас мы имеем достаточно твёрдый кадр людей, которые являются проводниками наших партийных заданий в наших цехах и в наших звеньях.

ОППОЗИЦИЯ ПРОДОЛЖАЕТ АНТИПАРТИЙНУЮ БОРЬБУ

Но всё-таки было бы ошибкой думать, что как в отношении разрешения хозяйственных, так и внутрипартийных задач всё было сделано на все сто процентов. Я думаю, что этого нет. Верно, что представители так называемой объединённой оппозиции пребывают в исключительном одиночестве, это верно, но сказать, что они, сидя в этом одиночестве, совершенно разочаровались и что они не смогут лишний раз воспользоваться какими-нибудь новыми затруднениями, нельзя.

Я знаю, что мы имеем целый ряд разного рода документов, в которых люди говорят, что они впредь будут партийными пайныками и что если они не будут стоять перед партией во фронт, то будут достаточно вежливы по отношению к большинству и к ЦК партии. Но время от времени появляются признаки, которые показывают, что работа в подполье совершается.

На днях, накануне нашей губпартконференции, мы от одного из наших товарищей получили заявление, где он рассказывает, что приехал из Ульяновска (в Ленинграде действуют главным образом приезжающие) испытанный, старый троцкист, который теперь является твердокамен-

ным «объединённым» оппозиционером, и рассказывал здесь следующее (у меня есть официальное заявление): «Мы вовсе ещё не смотали удочки, как любил выражаться Зиновьев; нет, мы, видя, что погода неблагоприятна, решили, что нужно выждать и отдышаться». И вот этот человек рассказывает о плане оппозиции, примерно, в таких выражениях: «Мы получили директиву, — говорит он, — никогда открыто не выступать, а вести подготовку к XV съезду партии и притом так, чтобы это не было ни для кого заметно. Мы имеем директиву выдавать себя за стопроцентных сторонников большинства ЦК, с тем чтобы получить доверие, добиться мандатов на партсъезд, а там голосование покажет».

Какое будет голосование, что оно покажет на XV съезде, я думаю, мы гадать не будем. Мы знаем, что показало голосование на XIV съезде, на XV партконференции. Не в этом, конечно, дело. Дело в том, что, как видите, надежда ещё теплится помаленьку. Вы, конечно, как достаточно испытанные большевики-ленинцы, понимаете, что такого рода тактика — мы сейчас себя выдадим за стопроцентных большевиков-ленинцев, нас выберут на партсъезд, а там мы покажем, — недопустима. Мы тоже достаточно стреляные зайцы во всех отношениях, и только потому, что ты сейчас заорёшь на всех углах и перекрёстках о том, что ты стопроцентный большевик, мы тебя прямо на съезд, а потом в ЦК, потом, быть может, в Политбюро не выберем. Таких чудачков у нас в партии нет. По-моему, это продиктовано больше отчаянием, чем твёрдой надеждой добиться успеха. Но так или иначе, сказать сейчас, что теперь всё гладко и спокойно, этого сказать нельзя. Конечно, надо как на хозяйственном фронте, так и на внутривнутрипартийном в достаточной степени быть на-чеку, продолжать работу, которую мы вели. Надо вести последовательную работу по всё более глубокому внедрению основ ленинизма в сознание широких слоёв нашей партии. Эту работу мы должны продолжать по-прежнему.

ПРОВЕРЯТЬ ВЫПОЛНЕНИЕ РЕШЕНИЙ. ЧЁТКО ОРГАНИЗОВАТЬ ВСЮ РАБОТУ

Теперь, в заключение, об основном правиле всей нашей работы. Все наши задачи мы будем разрешать хорошо при одном неслучайном условии, о котором нам напомнило недавно оглашённое письмо товарища Ленина — письмо,

написанное ещё в 1922 году. В письме этом товарищ Ленин говорит о той важнейшей части в нашей работе, которая называется проверкой решений. Я думаю, что не будет ошибкой сказать, что наверное и Адаму было известно, что можно на досуге посидеть и вынести то или другое решение по поводу того или другого вопроса. Правда, иногда трудно бывает вынести решение, но не так трудно всё-таки, как провести его в жизнь, — тут выходит сложнее. Не знаю, по этим ли причинам или по другим, у нас на практике сплошь и рядом бывает так: решаем сдать в комиссию; комиссия выбирается, собирается, обрабатывает вопрос, выносит решение, мы ставим штамп — и дело готово. А как дальше дело идёт — это вопрос, и большой вопрос.

Не подлежит никакому сомнению, что из тех многочисленных постановлений, которые вынес губернский комитет партии даже по чисто партийным делам, наверное пряслочный процент лежит втуне: повертели, посмотрели, решили, что больно длинно написано, когда-нибудь в другое время проведем. И так по всем линиям. От проверки решений мы в ближайшее же время перейдем к настоящей постановке работы. Если бы можно было поставить дело таким образом, чтобы по каждому ответственному решению сверху донизу проследить, как идет дело, где надо урезать, где, наоборот, нажать и всё такое прочее, то мы прекрасным образом овладели бы громадным механизмом, который у нас имеется, и это было бы лучшей формой борьбы с бюрократизмом. Сидя в кабинете, не всё представляешь, как где происходит дело. Выходит: дал задание — и до свидания. Записал для статистики, что этим вопросом занимался. Если действительно будем проверять, по крайней мере, главные решения, проверять прохождение исполнения этих решений, то дело пойдёт покрепче: если исполнено — хорошо, если не исполнено — то почему, что мешает, где неладно, где жмёт?

Тут перед нами встаёт вопрос о подборе работников и более подходящей расстановке сил. Если неправильна организация, сама по себе она тормозит дело, надо её пересмотреть. В той работе, в которой всё расставлено по своим местам, нечего открывать новых Америк и заниматься сверхпроблемами, а нужно повседневно строить наше социалистическое общество. На фабриках, заводах, мастерских, дорогах — где угодно эта повседневная работа по проверке решений имеет колоссальное значение.

Если мы с вами сумеем эту работу поставить, — а её надо поставить, — это будет лучшей формой изучения всего нашего советского механизма и борьбы со всеми болячками, которые у нас есть.

С этими болячками бороться надо правильно. На XV партконференции говорили, что, если дело останется в таком же положении, мы можем прямо задохнуться, — слишком большая страна и слишком сложный, запутанный механизм создали мы. Надо как-то его привести в более, как теперь принято выражаться, чёткое состояние, чтобы в этой огромной машине, которая управляет по всем линиям нашей 150-миллионной страной, каждый механизм и каждая шестерёнка были отчётливо видны не только контрольным органам, но и всем трудящимся. Только при этом условии мы сумеем действительно ещё и ещё больше привлечь к нашей тяжёлой и в высокой степени ответственной работе ту громадную, многомиллионную массу трудящихся, которая имеется в нашей стране.

Если такую задачу выполним, это будет настоящей похоронной песней тем, которые квакали, что всё у нас валится, что всё рушится, перерождается и термидор на голову сыплется. Избавились, никаких термидоров! Помаленечку из хозяйственных ухабов выходим. Даже в таком вопросе, как с мужиком, который зажал хлеб, вышли. Теперь ничего, — как бы не сглазить. Я думаю, что не сглажу. Дело наладится, потому что стали смотреть в глаза действительности — такой, какая она есть. Ещё увидим впереди не такие вещи. Если от каждой штуки будем шараться в сторону, будем кричать, что перерождаемся, что рабочий класс стал консервативным, — тогда нужно искать другой рабочий класс. Подожди, мол, когда народится другой, и с ним делай революцию.

Не надо шараться в сторону от каждого бревна на дороге, а нужно приковать внимание всех рабочих к тому участку работы, который под угрозой, сказав им: будьте на-чеку, помогите партии, помогите власти преодолеть это зло. Если и впредь мы так поведём работу, — а это один из заветов Ленина, — то мы сумеем справиться с затруднениями, с теми кознями, которые стараются создать вокруг да около нас.

Вот, например, эта чёрная цепочка, которая лезет с юга на север по нашей западной границе. Конечно, можно испугаться, ещё, пожалуй, родимчик схватишь или

какую-нибудь другую болезнь, если будешь нудить около этого дела. Я думаю, что этого не надо делать, а надо притти и рассказать рабочим: так-то и так-то. Конечно, не горит, не гудит, набата нет, но будьте готовы.

Девять лет нашей работы — это лучший экзамен и лучшее свидетельство правоты нашего дела. Если, действительно, — сплошь всё ошибка, соглашательство, оппортунизм и прочее, то как же это так вышло, что мы сидим десятый год и не только ничего не растеряли, а, наоборот, каждый чувствует себя гораздо более сильным, гораздо более крепким, гораздо более уверенным в своей работе.

Таким образом, товарищи, я думаю, что сейчас, вступая в десятую годовщину нашего существования, нет решительно никаких оснований терзаться о нашем прошлом. Ошибки, конечно, были, ошибки есть и сейчас, но в основном линия, которую мы ведём, безусловно правильна, и, сколько бы ни квакали наши отечественные «неверующие», сколько бы ни клеветали на нас враги за границей, дело, к которому мы призваны девять с лишком лет тому назад, мы в общем и целом решаем правильно. И пусть умолкнут, наконец, те, которые говорят, что мы замкнулись в рамках нашей национальной скорлупы. Нет, действительно интернациональное дело, которое делается у нас в Союзе, — это творчество, это деятельность нашей коммунистической партии. Это настоящее международное, настоящее интернациональное дело.

Каждый шаг нашей работы — это победа мировой революции, каждое ущемление нас — это болячка для мировой революции. Ни капли, ни тени сомнения в той работе, которая вся рассчитана на то, чтобы освободить всех трудящихся и всех угнетённых! *(Аплодисменты. Зал встаёт и приветствует товарища Кирова.)*

ДЕСЯТАЯ ГОДОВЩИНА ОКТЯБРЯ — ВЕЛИКИЙ ПРАЗДНИК СОТЕН МИЛЛИОНОВ ТРУДЯЩИХСЯ И УГНЕТЁННЫХ ВСЕГО МИРА

*Речь на торжественном заседании Ленсовета,
посвящённом десятилетию Октябрьской
социалистической революции,
6 ноября 1927 года¹*

(Появление тов. С. М. Кирова встречается продолжительными аплодисментами.)

Товарищи! Всего несколько часов отделяют нас от десятилетия той великой исторической даты, когда ленинградские рабочие, руководимые вождём нашей партии и рабочего класса товарищем Лениным, подняли знамя восстания против капитала.

Товарищи, мы с вами вступили в такую полосу, когда не только рабочие нашего Советского Союза, но и трудящиеся всего мира видят наглядно результаты того великого, того огромного дела, которое мы здесь совершаем. Тот праздник, который мы с вами празднуем сейчас, является праздником рабочего класса, праздником трудящихся всего мира. Говорить, товарищи, об истории Октября, это значит говорить об истории революционного движения не только нашей страны, но и об истории революции во всём мире. История Октября — это есть история освобождения всего трудящегося человечества. В этом главное, основное, великое значение нашей Октябрьской революции.

Вы все, товарищи, помните, как развернули мы наше красное знамя десять лет тому назад. Вы все, товарищи, помните, что первый наш выход на баррикады явился, прежде всего, ударом по международному империализму. Огромная страна, находящаяся вместе с другими великими державами в тисках империалистической войны, оказалась выбывшей из мировой бойни. Наши рабочие, солдаты и крестьяне прорвали железный империалистический фронт и этим положили начало наступающим великим

¹ Печатается по сокращённой стенограмме. — *Ред.*

мировым потрясениям. Октябрьская революция разнеслась глубокими раскатами по всем странам. Она не только сбросила власть империалистов внутри нашей страны, она пошла гораздо дальше. Она расшатала ту огромную империалистическую цепь, которая своею тяжестью сковывала весь мир. Значение Октябрьской революции во всех её последствиях в ту пору, быть может, далеко не для всех было понятно. Мы все помним, как тогда наши противники, люди, стоящие по ту сторону баррикады, находившиеся как внутри, так и за пределами нашей страны, приняли то великое дело, ради которого мы вышли на улицу. Многим и многим из них казалось это временным эпизодом, временной волной, которая должна будет скоро схлынуть. Но не прошло много времени, как раскаты революции, раздавшиеся из нашей страны, разливаясь, постепенно, повсюду, стали подтачивать основы империализма в других странах. В целом ряде европейских государств в сравнительно скором времени мы стали свидетелями глубочайших потрясений. В ряде стран мы наблюдали серьёзные революционные бури, правда, закончившиеся не так победоносно, как у нас, но во всяком случае решительным образом всколыхнувшие капиталистические устои этих государств. Именно наша революция послужила величайшим толчком к организации рабочих всех стран мира. Особенно потому, что империалистическая война уже создала почву для объединения рабочих вокруг подлинных освободительных революционных знамён. Вы знаете, что с первых же дней империалистической войны, главным образом благодаря настойчивой работе товарища Ленина, во многих странах стали организовываться и усиливаться коммунистические партии. Но решающий толчок был дан нашей Октябрьской революцией. Прошло немного времени со дня Октябрьской революции, как организация передовых рабочих всех стран в коммунистические партии и создание Коммунистического Интернационала стали фактом. Это явилось как бы формальным завершением того великого коммунистического движения, которое началось как отклик нашей Октябрьской революции.

Но и этим, товарищи, не ограничилось великое значение Октябрьского переворота. Раскаты его вскоре почувствовались в тех далёких странах, которые питали и до сих пор ещё питают своими соками современный империализм. Миллионы, сотни миллионов рабов, живущих в колониальных и полуколониальных странах, непосредственно

восприняли уроки Великого Октября, и в целом ряде этих стран, главным образом на Востоке, мы стали наблюдать развивающееся глубокое национально-освободительное движение. Это создало ещё новую угрозу устоям империализма. Империализм оказался подтачиваемым не только изнутри, в своих собственных странах, но он оказался лицом к лицу с угрозой революционной освободительной борьбы в своих колониях. Победоносная борьба рабочего класса в России разбудила громадную толщу до той поры забитых, отсталых, некультурных народов. Великий Октябрь, между прочим, потому, что он совершился в стране, стоящей на грани Европы и Азии, не мог не сыграть исключительной роли в истории восточных стран, восточных колониальных и полуколониальных народов. Угроза современному капиталу, угроза империализму выросла в полном своём объёме.

Тогда даже маловерному, считавшему скоропреходящим эпизодом или случайной вспышкой великие октябрьские события в нашей стране, стало ясно, что история вступила в какую-то новую полосу, перешла какой-то рубикон, что открываются новые перспективы, которые ставят человечество перед новыми судьбами.

Товарищи, вы знаете, что и до Октября в истории человечества было много революций. Вы знаете, что эти революции потрясли до самого основания организованные, исторически сложившиеся государства, но ни одна революция в мире не имела такого исключительного значения, какое имела наша Октябрьская революция.

Вы знаете, что человечество за долгие годы своего существования не раз и не два выдвигало величайшие умы, работавшие над вопросом освобождения угнетённых. Вы знаете, что трудящиеся не раз выходили в бой против своих угнетателей, свергали троны, разрушали устои власти господствующих классов, но всё же ни одна революция не сделала того, что сделала Октябрьская революция.

Единственная революция в истории народов — Парижская коммуна — на короткое время сумела сбросить угнетателей и сделать серьёзную попытку к установлению власти трудящихся. Но вы знаете, что эта попытка была слишком кратковременной, вы знаете, что она закончилась поражением. Для народа эти революции в истории прошлого заканчивались тем, что вместо одних господ у власти оказывались другие, вместо одного угнетателя трудящихся приходили другие. Угнетение и рабство оставались.

Человечество не переставало делиться на угнетённых угнетателей. И только после Великого Октября, после революции, совершённой нами десять лет тому назад, мы действительно сумели до основания разрушить всё то, в чём покоилась власть угнетателей. Мы сумели действительно разметать всё то, что создавалось помещиками и капиталистами веками, и установить подлинное освобождение трудящихся. Мы с вами впервые в мире организовали рабочее государство в форме наших советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. *(Аплодисменты.)*

Мы действительно сумели осуществить тот великий демократический уклад, который позволил нашему рабочему классу стать хозяином в своей стране.

Вы помните, товарищи, с каким ожесточением наши враги встретили провозглашение диктатуры рабочего класса в нашей стране? Вы помните, какой горячий спор вели с нами представители так называемой «революционной демократии» на тему о том, сумеют ли рабочие удерживать государственную власть в своих руках?

Рабочий разметал препятствия, стоявшие на его пути, и доказал всему миру, что он способен к бою и к победе, что он способен, идя под красными знамёнами, взять власть в свои руки.

Но это, казалось, не решало дела, и наши враги на всех углах и перекрёстках кричали о том, что «отсталому», «некультурному», недостаточно вышколенному в капиталистических условиях рабочему если и удалось взять власть, то ему не удастся этой власти удерживать. Прошли месяцы, и наш рабочий показал всему миру, что он способен не только взять власть, но и удерживать её под руководством коммунистической партии, под руководством нашего великого учителя Ленина. Рабочие нашей страны, в союзе с солдатами и беднейшими крестьянами, взявшие власть и удержавшие её, сумели найти в себе силы для того, чтобы начать организовывать новое рабочее государство, начать закладывать основы социалистического переустройства нашего государства.

Вы помните первые декреты, которые издала наша Советская власть. Вы помните декрет о мире, который потряс все армии на фронте мировой войны. Вы помните декреты о земле. Вы помните декреты о свободах. Вы помните декреты, которыми мы сумели в короткий срок привлечь к государственной работе широкие слои женщин, наших работниц, трудящихся всей нашей страны. Вы

помните декреты об освобождении тех народов, которые претерпевали особое угнетение под сенью царского самодержавия, решение национального вопроса, который как будто старалось, но отнюдь не сумело «разрешить» Временное правительство. Сто пятьдесят народностей, говорящих на разных языках и населяющих нашу страну, действительно, по-настоящему почувствовали полное, решительное освобождение и получили возможность принять непосредственное участие в великой государственной творческой работе.

Это дало нам возможность успешно приняться за осуществление тех гигантских задач, которые стояли тогда перед нами. А задачи, как вы знаете, действительно были необъятны. Владимир Ильич Ленин, руководитель нашей борьбы за социалистическую революцию, в самом начале предостерегал нас, что нам сравнительно легко будет покончить со всем прошлым, раскатать и разбить оковы капиталистов и помещиков, но нам неизмеримо труднее будет строить на этих развалинах рабочее государство, утвердить начала социалистического общества.

Так, товарищи, и произошло. Когда наши враги, как внутренние, так и внешние, убедились во всей серьёзности того великого дела, которое мы с вами начали, когда они поняли, что имеют дело не с кратковременной вспышкой, не с коротким историческим эпизодом, а с началом новой великой эпохи, они не преминули мобилизовать все свои силы против рабочих, против пролетарского государства. И вы знаете, как со всех сторон на нашу рабоче-крестьянскую страну двинулись многочисленные полчища наших врагов. И вот отсюда начинаются невероятные тяжёлые, исключительные по своей трудности, страницы нашей Великой Октябрьской революции.

Чёрные волны нахлынули на нашу страну. Они захлёстывали не только наши окраины — был момент, когда гребни этих чёрных волн подкатывались к самой столице рабочего государства. Огромные хлеботорные пространства нашей страны оказались в руках противника. Железные дороги, фабрики и заводы, водные пути — всё было парализовано. Наше молодое рабоче-крестьянское государство, рождавшееся в крови рабочих и крестьян, казалось, доживало свою последнюю историческую минуту. Не было той враждебной нам партии внутри нашей страны и за пределами её, которая не пела бы отходную первому рабочему государству в мире. Момент был настолько

тяжёл, что рабочим и крестьянам нашего государства приходилось напрягать свои последние усилия, жертвовать своим последним достоянием для того, чтобы сделать новые и новые попытки отстоять то государство, которое мы с вами организовали.

Когда оказывалось недостаточно внутренних сил контрреволюции для разгрома молодого рабочего государства, на помощь белым бандитам приходили великие и малые капиталистические державы. Не было ни одной из них, которая не принесла бы свою чёрную лепту на дело удушения рабочих и крестьян нашей страны. Не было ни одного правительства в то время, которое не позаботилось бы отведать живой, горячей крови русских рабочих и русских крестьян. Не было ни одной капиталистической державы, которая не протянула бы свой отравленный меч для того, чтобы вонзить его в сердце наших рабочих и наших крестьян.

Было мобилизовано всё, было всё сделано для того, чтобы потопить в крови Великую Октябрьскую революцию. Внутри страны свирепствовал голод, свирепствовали эпидемии. Рабочие и крестьяне погибали не только на фронтах гражданской войны — они умирали от голода, холода и эпидемий. Были такие мрачные минуты в истории героической борьбы наших рабочих и наших крестьян, когда нашу страну, казалось, должна была погубить тифозная вошь. И тем не менее наши рабочие и крестьяне под руководством коммунистической партии находили в себе всё новые и новые силы, чтобы выбираться из этих невероятных теснин. В стране замолкли фабрики, перестали работать заводы, замерзали железные дороги, прекратилось почти всякое общение между отдельными районами нашей страны. Но тем не менее работала великая освободительная коммунистическая мысль, которая находила доступ к самым отдалённым уголкам нашей страны, непрестанно будила, звала на борьбу рабочих, крестьян, трудящихся нашего огромного, занимающего шестую часть земной суши государства.

И несмотря на то, что наша страна была ввергнута в глубокую пропасть, несмотря на то, что уже торжествовали победу все государства капиталистического мира, старавшиеся похоронить нас во что бы то ни стало, мы мало-помалу всё же выбирались из этой трясины, из этой глубочайшей пропасти.

Мы знали, что мы вышли на последний и решитель-

ный бой, и это, товарищи, решало дело. Каждый рабочий, каждый честный трудящийся крестьянин понимал, что, взявши фабрики и заводы у капиталистов, отняв землю у помещиков, вернуть обратно эти фабрики и заводы, отдать обратно эти помещичьи владения — значит ввергнуть себя снова в такую кабалу, перед которой прошлая кабала покажется раем. Мы знали, что если мы не сумеем противостоять натиску наших врагов, на наших спинах будут совершать победную тризну не только наши отечественные капиталисты и помещики, но что нам отомстят, смертельно отомстят и капиталисты всего мира. Мы знали, когда выходили на первые баррикады Великого Октября, что мы выходим на последний и решительный бой. На наших знамёнах кровью лучших из нас было написано: «Смерть или победа», и мы смело шли туда, где была смерть, но мы твёрдо знали, что, умирая, мы обеспечим победу. (*Аплодисменты.*)

И мало-помалу, товарищи, в этом стали убеждаться и наши враги. На протяжении долгих и долгих месяцев, которые в конечном счёте вытянулись в целые годы, капиталисты всех стран на опыте убедились, что перед ними действительно стоит такая стена сопротивления, преодолеть которую одним вооружённым вмешательством не удастся. Убедившись в этом на опыте, наши противники мало-помалу стали переходить к иным методам борьбы против молодого государства рабочих и крестьян. Они стали пробовать обходные пути, стали искать таких способов, с помощью которых можно было бы незаметно, с тыла, изнутри отравить нас капиталистическим ядом и тем самым вернуть нас в дооктябрьское состояние. Вы помните, что над этой задачей работали как каждая страна в отдельности, так и все они вместе взятые. Мало-помалу из объекта военного вмешательства в наши внутренние дела мы с вами постепенно стали обращаться в объект более сложных международных построений: к нам пытались применить метод «мирного» удушения.

Вы помните международные конференции, которые были, скажем, в Генуе и в Гааге, где в центре внимания империалистических держав стоял наш молодой Советский Союз. Вы помните, как постепенно с нами стали разговаривать несколько иным языком, а не только языком оружия, как стали искать других путей решения той исторической проблемы, которая не могла не являться угрозой для империалистов всех стран. Для них было

ясно, что на одной шестой части земной суши действительно строится что-то принципиально новое, совершенно не похожее на всё то, что было до сих пор, что та революция, которую начали мы с вами, имеет не только чисто русское значение, но что эта революция является международной, и симпатии к ней со стороны трудящихся всего мира с каждым днём усиливаются всё более и более. Чем больше зверств проявляли капиталисты по отношению к нам, тем большие симпатии со стороны трудящихся всего мира возбуждали они к нашему молодому Советскому Союзу.

Я напому вам, товарищи, ту работу, которую проделали империалисты, скажем, на знаменитом историческом совещании экспертов Антанты, происходившем в Лондоне в 1922 г., когда самые просвещённые, самые образованные экономисты Антанты, умевшие разрешать самые сложные международные хозяйственные проблемы, взялись разрешать и ту проблему, которая называлась социалистической революцией в нашей стране. На это совещание экспертов были приглашены люди, самые испытанные в деле удушения народов, в деле закабаления так называемых «отсталых» сотен миллионов колониальных и полуколониальных народов. На этом совещании, как вы, вероятно, помните, была выработана большая программа разрешения того вопроса, каким образом можно приобщить нашу молодую рабоче-крестьянскую страну к «счастливому лону» капиталистических держав, вернуть нашу страну из того «нечеловеческого», по их мнению, состояния, в котором мы с вами оказались. И эти испытанные в деле экономического порабощения народов эксперты записали в своей программе основной и главный пункт, с помощью которого они надеялись пресечь развёртывающуюся социалистическую революцию в нашей огромной стране, — под заглавием: «Меры, способствующие быстрому восстановлению России». Они не постеснялись написать пункт, в котором, между прочим, говорится: «В жилище или учреждении иностранца, проживающего в России, не может быть сделан обыск, он сам не может быть арестован без участия или согласия консула. Если иностранец привлекается к русскому суду по уголовному делу, приговор над ним приводится в исполнение только с согласия консула».

Я, товарищи, умышленно воспроизвёл перед вами эту справку. Я это сделал для того, чтобы сопоставить перед

вами всё то действительно непроходимое и невероятное идейное убожество, которым страдает современный капитализм, с тем величием революционной, социалистической мысли, которая развёртывалась тогда и которая продолжает развёртываться сейчас в нашей стране. И это — просвещённые люди, имеющие вековую тренировку в деле управления государством, люди, которые прошли, как говорится, огонь и воду и медные трубы в деле разрешения международных проблем. И вот в то время, как уже целые годы развёртывается в нашей стране революция, расчищая путь для построения нового социалистического общества, революция, которая уже сумела совершенно и окончательно потопить в пропасти истории класс капиталистов и помещиков, в стране, которая закладывала мало-помалу основы нового человеческого общества, в огромной стране, населённой десятками миллионов людей, в стране, которая, как магнит, притягивает к себе внимание рабочих всех стран и угнетённых всего мира, — к этой стране люди, сидящие в своём империалистическом «раю», предлагают применить столь жалкие рецепты для скорейшего «восстановления» России, восстановления на условиях существующей у них капиталистической системы. Казалось, что у них историческая слепота и они не видят, что нет уже в нашей стране тех элементов, с которыми можно было бы разговаривать на их языке, на языке буржуазных экспертов, и что наша страна забыла даже в своих поминальных записях записать тех, с которыми можно было бы разговаривать на том языке, на каком с нами хотели разговаривать на Генуэзской и Гаагской конференциях, что наша страна давным-давно отбросила в область прошлого весь тот лексикон, который доступен только капиталистическим и империалистическим державам. Они забыли, что нашей стране удалось действительно заново строить жизнь, что хозяином нашей страны является рабочий, для которого угнетатель, какой бы он национальности ни был, представителем какой бы державы ни являлся, является противником, с которым он готов бороться так же, как со своим собственным, отечественным угнетателем. Они забыли, что наши рабочие, взяв власть, начали строить свою жизнь на совершенно других, на совершенно небывалых началах, и что нам вовсе не нужны те консулы, которые призваны оберегать устои капитализма и империализма. Мы вокруг нашего Коммунистического Интернационала

воспитываем новых консулов (*бурные аплодисменты*), консулов, которых ещё никто не знает, консулов, которые будут выполнять не постановления экспертов Антанты, а тех консулов, которые будут проводить в жизнь начала Великой Октябрьской революции. Начало этой революции было положено у нас, но она пределами нашего социалистического отечества ни в какой степени не ограничивается (*бурные аплодисменты*), она рано или поздно, но выйдет за пределы нашей страны и несомненно захлестнёт своими красными волнами страны всего мира (*бурные аплодисменты*), и несомненно сметёт в историческую преисподнюю капиталистов и империалистов, угнетателей всех стран света.

Вот этого, товарищи, нового исторического обстоятельства в ту пору империалисты не заметили; они предусмотрели, казалось, всё, однако не сумели предусмотреть главного. А здесь-то и была гарантия того, что мы с вами из этой невероятно тяжёлой, нечеловечески трудной полосы, в которой мы тогда пребывали, освободимся. И действительно, мы понемногу, постепенно начали освобождаться. В то же время, несмотря на кратковременность пребывания у власти, несмотря на очень ограниченный исторический и государственный наш опыт, всё-таки мы поняли, что должен быть такой промежуток времени, когда нам волей-неволей придётся жить среди волков и поэтому нам надо будет время от времени прибегать к некоторым «волчьим» приёмам по отношению к нашим ближним и дальним соседям. (*Аплодисменты.*)

Мы точно так же, несмотря на всю нашу политическую незрелость (по мнению политиков буржуазии), несмотря на всё наше государственное младенчество, всё-таки учли этот опыт и воспользовались соответствующим образом теми маневрами, которые были применены в отношении к нам.

Мы также понимали, что беспредельно вести гражданскую войну мы не можем. Мы знали, что, обороняясь на всех фронтах, мы жертвуем последним своим достоянием. Мы знали, что бесконечно пребывать в тех тисках, в которых мы находились, нельзя. Естественно, что мы решились, со своей стороны, воспользоваться и обходными путями, путями обходной войны с нашими врагами.

Вы помните, что именно с этого периода, после этих конференций, а частью и на них, постепенно, понемножку у нас начинаются так называемые деловые отношения с

капиталистическими государствами. Я не буду перечислять вам всей этой длинной истории, тех путей, по которым мы с вами шли, тех средств, при помощи которых мы сумели добиться того, что с некоторыми державами мы установили более или менее деловые, более или менее человеческие взаимоотношения.

Некоторая передышка в нашей голодной поре в результате относительного урожая 1922/23 года дала нам возможность по окончании гражданской войны приступить к укреплению нашего внутреннего хозяйства. Историю этой работы вы все, товарищи, прекрасно знаете; история нашей работы на наших хозяйственных фронтах известна в полной и достаточной мере каждому рабочему. Все мы помним, как, выбираясь из той глубокой ямы, в которой мы были в 1920 году, вначале постепенно и очень медленно, а затем быстрее, из года в год мы стали поднимать наше народное хозяйство, осваивать огромные поля, перешедшие от помещиков к нашим крестьянам. Постепенно мы стали эти находившиеся в безнадёжном состоянии хозяйства приводить в некоторый порядок.

Тяжёлая это была пора, товарищи! Многие с большим сомнением смотрели на то, удастся ли нам среди этой разрухи, среди этой нищеты оживить, привести в действие то достояние, которое мы отвоевали у наших классовых врагов. Но здесь снова и снова настойчивость наших рабочих, твёрдость нашей пролетарской диктатуры и исторический опыт нашей коммунистической партии дали нам возможность успешно справляться и с этой стороной нашей задачи. Правда, здесь дело шло гораздо труднее, чем в тот первоначальный период нашей революции, когда мы расчищали дорогу для нашего строительства. Здесь положение было иное. Здесь нужно было камень за камнем собирать всё то, что уничтожалось во время империалистической и гражданской войны.

Но тем не менее мы всё-таки сумели подняться на ноги. В нашей промышленности, по сравнению с тем, что было, скажем, в 1913 году (если считать уровень 1913 года за 100), мы в 1920 году, в период максимальных разрушений в нашей стране, сумели скатиться всего-навсего до 17%, а в последующие годы мы стали из года в год подниматься всё выше и выше по хозяйственной лестнице: в 1921/22 году мы поднялись уже на 25%, в 1922/23 году — на 35%, в 1923/24 году — на 46% и, наконец, в 1926/27 году мы с вами сумели отпраздновать полное

хозяйственное восстановление нашей страны. (*Аплодисменты.*)

Мы знаем, товарищи, что империалистическая и гражданская войны в страшной степени разорили наше сельское хозяйство. Вы знаете, что лучшие из наших хлебных районов непрерывно переходили в период гражданской войны из рук в руки. Крестьянину не до того было, чтобы бережно смотреть за своей крестьянской полосой. И действительно, мы стояли лицом к лицу с тем, что урожайность наших советских полей к периоду 1920 года упала до чрезвычайно мизерных размеров. Если в так называемое мирное время наш крестьянин имел со своей десятины 62—65 пудов, то в тяжёлый период гражданской войны эта урожайность снизилась ровно вдвое; если наш крестьянин получал в мирное время с десятины 80 пудов хлопка, то в период наибольшей тяжести гражданской войны эта десятина давала всего 14 пудов.

Все эти цифровые данные, которые я считал необходимым привести, должны нам ещё и ещё раз напомнить то состояние, в котором мы так недавно ещё находились, для того чтобы лучше понять и уяснить те достижения, которые мы в настоящее время, товарищи, имеем.

Я думаю, что не грех нам, празднующим наш великий Октябрьский праздник, вспомнить не только о том, где у нас давит, что у нас плохо и не устроено. Я думаю, что по законам всех праздников полагается нам вспомнить и о тех достижениях, которые мы, товарищи, имеем. Я бы спросил вот хотя бы тех же экспертов, заседавших в своё время в одной из лучших капиталистических столиц, пусть бы они порылись в своей просвещённой памяти и напомнили нам, отсталым русским рабочим и русским крестьянам, хотя бы один пример в истории человечества, в истории капиталистического периода существования этого человечества, когда бы народ — пусть он будет дважды европейским — сумел бы из такой трясины, из такой глубокой пропасти, в которой мы находились в 1920—1921 годах, выбраться в такой короткий срок на тот уровень достижений, который мы имеем к десятилетию годовщины нашего Великого Октября. (*Бурные аплодисменты.*) Было бы, товарищи, очень хорошо, если бы они, эти почтенные буржуазные эксперты, рассеяли наши недоумения и привели бы нам пример того, чтобы народу, разорённому внутренними и внешними врагами, народу, который находился одной ногой буквально в могиле, народу, управляе-

мому рабочими, решительно без всякой внешней помощи, а, наоборот, при самом зверском, при самом бешеном противодействии работе со стороны всех других правительств, удалось бы изжить все те болезни и печали, залечить все те раны, которые у нас были в 1920—1921 годах. Наша пролетарская память такого примера в истории человечества не знает. Наша пролетарская наука, перерыв все фолианты самых героических, самых возвышенных периодов существования человечества, таких успехов в построении нового общества не видела. Не было ещё в истории человечества такой поры, когда жизнь трудящихся строил бы своими руками новый, молодой, не бывавший ещё у кормила правления класс — класс рабочих. (*Аплодисменты.*)

У наших просвещённых противников существует мнение о диктатуре пролетариата, как о чём-то только уничтожающем, разрушающем, сокрушающем. Пролетарская диктатура, действительно, имеет за собой много сокрушённого, много разрушенного — ровно столько, сколько надо для того, чтобы молодому классу рабочих победить. Молодому классу, классу рабочих, для того чтобы добраться к своей диктатуре, нужно, действительно, очень основательно и решительно разрушить всё то, что стоит на его пути. (*Аплодисменты.*) Но когда пролетарская диктатура переходит к своей творческой, положительной работе, она не знает границ своему молодому, возвышенному творчеству, она не знает таких препятствий и таких трудностей на пути этой творческой работы, которые бы были непреодолимы. Только этим, и ничем иным, объясняются те действительно исторические успехи, которые мы, товарищи, к десятой годовщине нашего Октября имеем.

Мы, товарищи, строим наше общество не только так, чтобы умножать наши национальные богатства. Нет, перед нами стоят гораздо более сложные и серьёзные задачи. Мы каждую минуту должны смотреть за тем, чтобы в этом умножении богатств всё большую и большую роль играли те начала, ради которых мы поднимали великое Октябрьское знамя, те начала, которые называются социалистическими началами. И в области промышленности, и в области сельского хозяйства, и в области нашей торговли — во всех отраслях нашей работы мы ни на одну минуту не должны забывать и не забываем того, что мы не просто строим новое общество, но мы строим социа-

листическое общество, мы строим такое общество, где действительно будет настоящее царство свободного труда, где будет действительно полное, настоящее равенство, где уничтожится без остатка всё то, что называется неравенством между людьми. Раз это так, то, очевидно, все линии, все грани нашей работы должны определяться под этим углом зрения.

К десятой годовщине нашего Октября мы в этом отношении можем совершенно спокойно, совершенно твёрдо подвести итоги нашей работы. Мы сумели, товарищи, обобществить во всём нашем народном хозяйстве — не только в промышленном, но и в сельском хозяйстве — к 1927/28 году свыше 40% того валового дохода, который мы из года в год получаем¹. Конечно, сорок процентов — не сто процентов, но, товарищи, и годы нашей работы исчисляются ведь пока что только единицами. Мы с вами, товарищи, празднуем десятилетие Октябрьской революции, но на протяжении этих десяти лет мы добрую половину времени употребили на то, чтобы отстаивать нашу рабоче-крестьянскую страну от покушений на нас с разных сторон, и только половину десятилетия мы сумели использовать для так называемой положительной творческой работы. И за это время мы сумели обобществить, как я вам говорил, свыше сорока процентов всего нашего общего национального дохода. Вы знаете, что, заканчивая наше десятилетие, партия и правительство намечают новые пути для дальнейшего более быстрого и более энергичного обобществления нашего национального достояния. Вы знаете, мы принимаем ряд мер в деле более решительно-го развития нашей промышленности на уже совершенно новых основаниях. Мы не просто идём по пути индустриализации нашей страны, но мы в ближайшие годы должны, как вы знаете, совершенно реконструировать наше промышленное хозяйство. Мы должны также принять и принимаем ряд мер к более энергичному обобществлению нашего сельского хозяйства. Это также стоит в порядке дня работы как нашей партии, так и нашего советского правительства. И я думаю, что у нас нет решительно никаких оснований сомневаться в том, что мы сумеем должным образом справиться с этой задачей при той огром-

¹ Удельный вес обобществлённого сектора в народном доходе в 1927/28 г. равнялся 51,70% («Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929/30 г.», изд. Госплана, стр. 468). — *Ред.*

ной поддержке, которую имеют в стране наша партия и наше правительство, при активной поддержке населения, рабочих и крестьян, при твёрдости рабочего класса, уверенно держащего в своих руках диктатуру. Я думаю, что мы сумеем разрешить эти наши задачи достаточно полно и достаточно успешно.

Товарищи, около нас, как вы знаете, не прекращаются ещё разговоры на тему о том, что мы всё-таки не сумеем разрешить тех исторических задач, которые мы выдвинули, прежде всего потому, что мы слишком некультурны, слишком отстали. Что мы, товарищи, недостаточно культурны — об этом никто не будет спорить, что мы ещё недостаточно опытни в деле строительства нового общества — это также всем известно. Это известно и нам. Но что мы не забываем и ту сторону дела, которая называется поднятием культурного состояния нашего населения, — это тоже вне всякого сомнения. Несмотря на все наши недостатки, несмотря на нашу бедность, несмотря на то, что ни один «американский дядюшка» нам до сих пор не оказывает никакой помощи, мы всё-таки умеем находить средства не только для того, чтобы возводить гиганты в нашей промышленности, подводить новые фундаменты под нашу промышленную технику, но мы также находим силы и средства для того, чтобы реконструировать мозги нашего населения. Мы уже делаем всё к тому, чтобы не только перестроить наше хозяйство, перестроить наш быт, но мы также немало уделяем средств и внимания тому, чтобы перестроить и умы не только того населения, в руках которого находятся основные знамёна нашего государства, но и того, которое ещё в отдельных своих звеньях недостаточно притёрлось к режиму пролетарской диктатуры в нашей стране.

Мы ни на минуту не забываем того, что до тех пор, пока наша страна не будет поголовно грамотной, нам переустраивать жизнь будет вдвое тяжелее. Вслепую идти, хотя бы и с каким угодно энтузиазмом, нельзя за нашими великими знамёнами. Нужно не только сердцем, но и умом охватить те великие заветы, которые нам оставил Владимир Ильич. Теперь, к десятому году нашего существования, мы достигли того, что сумели выделить из нашего государственного бюджета на дело народного образования ровно вдвое больше на душу населения, чем это делалось тогда, когда у власти стояли капиталисты и помещики. Мы, товарищи, делаем всё к тому, чтобы

возможно шире и возможно глубже распространить в нашей стране и печатное слово. Если в 1913 году в старой царской империи все газеты имели тираж в 2½ миллиона экземпляров, то наши советские, коммунистические газеты расходятся сейчас по всей стране в три раза бóльшим тиражом. То же самое и с книгой.

Товарищи, почему я останавливаюсь на этой, казалось бы, небольшой детали нашей общей работы? Есть, скажут, более серьёзные и более яркие звенья нашей работы. Не подлежит никакому сомнению, что, переходя во второе десятилетие нашего социалистического строительства, мы должны о культурном фронте вспоминать всё чаще и больше. Если мы сумели не только наших друзей, но и наших врагов убедить в том, что мы достаточно опытные зодчие, для того чтобы строить Волховстрой и Днепрострой, то нам надо точно так же подготовить себя и в культурном отношении в самом широком смысле этого слова.

Нам нужно сделать всё к тому, чтобы наше огромное 150-миллионное население действительно имело в своих руках ключ ко всем тем достижениям, которые имеются у современного человечества. Подобно тому как на фабрике и заводе мы используем с вами сейчас технические достижения всех и каждого, для того чтобы применить всё это у себя, то же самое мы должны сделать и в отношении культурных достижений по всем разветвлениям человеческого ума и науки. Мы должны всё ценное брать и пересаживать на нашу плодородную молодую советскую землю, возвращая это в условиях нашей советской жизни. В ближайший период нашей работы мы должны этому уделить максимум внимания. Попутно мы рассеем окончательно те легенды, которые, правда, мало-помалу уже начинают замирать даже в среде наших врагов, где уже перестают изображать нас первобытными троглодитами.

Дальнейшая наша работа, будем надеяться, покажет нашим врагам, что и в этой области работы, в этой полосе нашего строительства мы также будем не последними. При всей нашей отдалённости от признанных культурных центров, невзирая на все препятствия, мы найдём в себе силы и средства для того, чтобы и здесь открыть новые перспективы и новые горизонты для нашей дальнейшей работы.

Мне необходимо отметить ещё одно обстоятельство, которое, как мне приходилось слышать, особенно сильно и

особенно, так сказать, осязательно поражает наших противников.

Вы знаете, что наша страна за последние годы явилась в полном смысле Меккой для всех угнетённых. Вы знаете, что в наших городах и вообще в нашей Советской стране перебивало за последние годы большое количество разного рода делегаций. В составе этих делегаций были не только рабочие, но и люди разных классов, разных партий и разных убеждений. И всех их, помимо всего прочего, поражает цветущее физическое состояние нашего населения. Хотя мы с вами далеко ещё не имеем всего того, что мы хотели бы иметь, хотя у нас изъёнов, невзгод, недостатков, безработицы и т. д. ещё очень много, хотя нужда у нас веет ещё из всех щелей, — это мы видим лучше всякого дальнзоркого иностранца, — но тем не менее их поражает то, что не только прекратилось вымирание населения нашей страны, а наоборот, не в пример прочим, чрезвычайно крепко как будто бы стоящим капиталистическим державам, где каждый лишний родившийся младенец считается большим достижением, не в пример этим странам, повторяю, у нас не только не замечается убыль нашего советского населения, нашего рабочего, крестьянского, в том числе беспартийного и коммунистического (*смех*) населения, а наоборот — идёт совершенно исключительный рост, идёт быстрое умножение населения нашей страны. (*Бурные аплодисменты. Смех.*)

Если, товарищи, при царе, несмотря на всё тогдашнее «благоденствие» (тогда ведь было всё тихо, народ, что называется, «благоденствовал»), если при царе на 1 000 человек в год в 1913 г. родилось 45,3 младенца, то у нас, в Советской стране, на 1 000 родилось 46,9 (*Аплодисменты.*) Если в 1913 г., несмотря на всё внешнее благополучие тогдашней царской России, на 1 000 умирало 29 человек, то у нас в 1925 г. умерло на 1 000 только 25 человек. Если в 1913 г. прирост населения составлял 1,6%, то у нас прирост равняется 2,1%. Эту справку, товарищи, я вам даю для того, чтобы привести, так сказать, ещё свидетельство того, что действительно выходит даже и по чисто физиологическим законам, что дело, ради которого мы боремся десять лет, даже по этой линии показывает плюсы. (*Аплодисменты.*)

И мы, товарищи, знаем, что чем дальше мы будем углубляться в дело непосредственного устройства нашей

новой жизни, тем всё больше и больше будем убеждаться в нашей не только хозяйственной, не только экономической, не только классовой, но и общен исторической правоте. Это, товарищи, является бесспорным давно, с тех самых пор, как была написана Марксом его великая книга.

Наша задача заключается в том, чтобы на опыте, на практике всё, что там написано, претворить в жизнь и показать трудящимся всего мира, что мы действительно строили не временное, не эфемерное, а настоящее, подлинное новое общество, которое зародилось десять лет тому назад. Мы будем иметь величайшее счастье присутствовать на похоронах того старого общества, на смену которого пришло наше новое общество, и не только в нашей стране, но и во всём современном капиталистическом мире. *(Продолжительные аплодисменты.)*

На днях, товарищи, в одной из польских газет, в «Польска-Сбройна» (орган польского военного министерства), была помещена статья, посвящённая нашему десятилетию. Автор этой статьи — пожелаем ему долголетия — за десять лет убедился в той истине, которую он сообщил в своей статье: «Десятилетие. Советов — это не пустой звук». *(Смех.)* Слава тебе, создатель, добились мы всё-таки, что десятилетие нашего существования оканчивается не пустым звуком. Я думаю, что будет время, когда убедятся в том, что десятилетнее наше с вами существование не только не пустой звук, но что это такой полный и громогласный звук, который разбудит наконец все те огромные миллионы трудящихся всего света, которые, организуясь вокруг великих Октябрьских знамён, присоединяясь к ним не только платонически, сердцем и умом, выйдут наконец активно на ту великую дорогу, которая называется О к т я б р ё м. *(Продолжительные аплодисменты.)* Все народы, товарищи, трудящиеся всего мира знают, что Октябрьская революция — это не только наша революция, что Октябрьская дорога — это не только наша дорога; каждый угнетённый, каждый эксплуатируемый, если он действительно всерьёз хочет выйти на дорогу, где он будет ломать и разрушать цепи рабства, должен знать, что это д о р о г а О к т я б р я — и никакая другая. *(Продолжительные аплодисменты.)*

Всем вам известна, товарищи, роль ленинградского пролетариата в Великой Октябрьской революции — я думаю, что об этом нам долго и много говсрить не пристало. Я

думаю, что не только мы, но и все те, которые знают историю Октября, они знают и историю ленинградского пролетариата. В первой когорте вышел ленинградский пролетариат на октябрьские баррикады, вышел, казалось, один, но не прошло много дней, как следом за ним громадные миллионы трудящихся всей нашей страны пошли на дело великого освобождения. С той поры ленинградский пролетариат, живущий в том городе, который носит имя основоположника нашей партии, великого учителя и воспитателя нашего рабочего класса, ленинградский пролетариат всё это десятилетие шёл в первой колонне.

Я думаю, что, не вдаваясь в дальнейшие воспоминания о значении и роли лучшей когорты наших рабочих — ленинградских рабочих, мы должны сказать только одно: десять лет ленинградский рабочий шёл в первых рядах, в первых рядах он пойдёт и впредь. *(Аплодисменты.)*

И, наконец, товарищи, последнее — то, о чём нам, невзирая на весь наш праздник, необходимо помнить. Те достижения, которые я, как мог, старался напомнить вам, приковывают внимание не только наших друзей, но, как вы знаете, и наших врагов. Я вам указывал на тот период нашей революционной истории, когда внимание всех капиталистических стран было сосредоточено вокруг нашего Советского Союза.

За последнее время, именно как раз на рубеже этого нового десятилетия, против нас, как вы знаете, снова и снова собирают силы разные державы, разные правительства капиталистического мира для того, чтобы ещё и ещё раз попробовать пресечь победоносное шествие нашей революции. Они основательно заботятся о мобилизации и организации сил против нашего Советского Союза. Вы также знаете, товарищи, что наше правительство чрезвычайно бдительно следит за этой новой расстановкой сил и делает всё к тому, чтобы сохранить мир.

Но, товарищи, надо знать, что существование мира зависит не только от нас, но и от наших противников. И поскольку мы видим подготовку там, нам ни одной минуты не нужно почивать на лаврах, хотя бы и в день нашего десятилетия, а наоборот, каждую минуту думать о возможной новой вооружённой интервенции по отношению к нашему Советскому Союзу.

И вот здесь, товарищи, самой конкретной, самой близкой, самой непосредственной для нас должна явиться работа о нашей дорогой Красной армии. *(Аплодисменты.)*

Наша Красная армия, товарищи, родилась в огне и в буре. Эту Красную армию рабочие и крестьяне вынесли на своей горячей груди. Эта армия сейчас организована в железную, твёрдую, проникнутую пролетарским сознанием когорту. Около неё нам нужно сейчас сосредоточить самое исключительное, самое большое внимание. Надо сделать всё к тому, чтобы наша армия чувствовала себя ещё крепче, ещё лучше, ещё более близкой к тем миллионам наших трудящихся, из сыновей которых состоят наша Красная армия и наш Красный флот.

Дальнейшая наша усиленная работа на хозяйственном фронте и на всех остальных фронтах будет являться лучшим ответом на новые угрозы, которые нам сейчас готовят.

И, наконец, товарищи, если мы с вами в великие Октябрьские дни были не одни, то за десять лет нашей тяжёлой работы мы приобрели множество сторонников. Вы видите здесь сидящих представителей многих и многих отрядов рабочей армии. (*Аплодисменты.*) На наш великий революционный Октябрьский праздник съехались представители трудящихся и угнетённых буквально со всего света, жаждающих побывать у нас, отпраздновать с нами десятилетие Великого Октября. Один из наших друзей в Англии говорил, что если бы двинули на праздник советов всех тех рабочих и трудящихся Англии, которые желают поехать, нехватило бы всего огромного английского флота, для того чтобы их перевезти на Советскую землю. (*Аплодисменты.*) И это, товарищи, несомненно так. И на Западе, и на Востоке, на самых далёких и забытых островах, сегодня, завтра и в ближайшие дни, когда будет раздаваться набат наших октябрьских призывов, трудящиеся всех уголков земного шара, несомненно, будут смотреть только туда, где развевается красное знамя Великого Октября. Это новые наши союзники, товарищи, это новые помощники в том великом деле, которое мы с вами начали десять лет тому назад.

Я начал, товарищи, с того, что сказал: Октябрьская революция это не только наша революция, это революция, открывающая двери к свободе трудящимся и угнетённым всех стран света.

И вот, товарищи, завтра, — вы слышите уже, как история начинает отбивать удары на своих тяжёлых часах, — когда она будет бить эти исторические десять лет, не забывайте, что сотни миллионов трудящихся и угнетённых

всего света вместе с нами будут петь великий интернациональный гимн, объединяющий трудящихся и угнетённых всего мира против вековых угнетателей и эксплуататоров. Помните, товарищи, что те, кто за этот десятилетний путь оказались лишёнными такого великого счастья, которое мы сейчас с вами переживаем, те, жизнь которых порвалась раньше, чем наша, те, которых мы похоронили преждевременно, так же как преждевременно похоронили нашего великого учителя Ленина, — все наши жертвы, все наши невзгоды, вся кровь, которую мы пролили, послужат великому оплодотворению той земли, которую мы с вами десять лет тому назад вышли освобождать от темноты, невежества, несправедливости, угнетения и издевательства со стороны сильных всего капиталистического мира.

Да здравствует же мировой Октябрь! (*Бурные аплодисменты. «Интернационал».*)

**ВСЁ, ЧТО ПУТАЕТСЯ ПОД НОГАМИ, ДОЛЖНО
БЫТЬ ОТБРОШЕНО, А НАМ С ВАМИ ДОРОГА
ТОЛЬКО ВПЕРЁД И ТОЛЬКО К ПОБЕДАМ!**

Речь на XV съезде ВКП(б) 5 декабря 1927 года

Товарищи, у нас список ораторов непрерывно претерпевает неожиданные изменения. (*Микоян:* «Аварии!») Предупреждают одного оратора, а приходится говорить другому. Происходит это потому, что мы слишком, так сказать, добросовестно хотим выслушать представителей оппозиции. (*Голоса:* «Правильно!») Предоставили слово Смильге, но вы знаете, что этот бывший вождь оппозиции давно разучился ходить своими собственными ногами (*возглас:* «Его Троцкий носит!»), поэтому он даже на трибуне партийного съезда не желает появиться по первому приглашению. (*Смех.*)

Товарищи, прежде всего следовало бы парочку слов сказать об оценке общей политики ЦК. Здесь по этому поводу говорилось довольно много, достаточно много о политике ЦК говорили на губернских и областных партийных конференциях. Не подлежит ни малейшему сомнению, что, несмотря на все злобные пророчества и предрекания, идущие со стороны оппозиции, два года, прожитые нами, являют собой огромный кусок исторического дела, которое мы с вами делаем десять лет.

Я понимаю нервность представителей оппозиции. Помоему, здесь многие товарищи выражали простую несправедливость по отношению к ним. Ведь вовсе не за три месяца до съезда, тем более — не за месяц до съезда, тем более — не во время дискуссии, а два года тому назад оппозиция предрекала нашей партии, её политике неизбежную гибель. Люди спали и во сне видели всякие новые, чрезвычайно сложные и серьёзные затруднения, которые дадут им почву, чтобы развернуть свою платформу, свою программу. Представьте себе их положение: про-

ждавши с таким огромным напряжением и с жадностью этих особо серьёзных затруднений и невзгод над головою Советского Союза и нашей партии, теперь, через два года, они приходят на съезд — и что они должны сказать? Раковский, выйдя на эту трибуну, начал рассказывать о таких вещах, о которых мы до некоторой степени осведомлены. Как он начал речь? «Товарищи, — сказал он, — земля имеет форму шара (*смех*); на этом шаре мы занимаем одну шестую часть, а наши противники — пять шестых частей; подумайте, во сколько раз противник нас превосходит по численности, по капиталу и по прочему». (*Смех. Аплодисменты.*)

В докладе генерального секретаря ЦК говорилось достаточно о международном положении. Раковский, если не ошибаюсь, знает не только западные, но и восточные языки, и он должен был знать, что эту шестую часть мира ни в какой степени просто, арифметически с пятью шестыми нельзя сопоставлять. (*Смех. Возгласы: «Правильно!»*) В том-то и секрет, глубокоуважаемый дипломат, что мы — шестая часть, против нас пять шестых, и пока что мы побеждаем. Я думаю, товарищи, что всем вам известно, почему и как это происходит.

Чем объяснить такую беспомощность оппозиции? Тем достижениям, той линии партии, которую мы проводили, противопоставить решительно нечего. Полагаю, мы сумеем ещё выслушать последних ораторов из оппозиции, но я думаю, что нового они ничего не прибавят. Не прибавил ничего и Евдокимов, хотя он, как говорится, человек прожжённый в таких делах, но тут у него язык отнялся. Человек он в достаточной мере тренированный, а тут пришлось по бумаге излагать те обвинения, которые они предъявляют нам, и те нужды, которыми, видите ли, болеет рабочий класс. Мы, правда, должны уступить пальму первенства представителям оппозиции: они о нуждах рабочего класса знают, конечно, неизмеримо больше, чем мы все вместе взятые! Потому что вот вы заседаете в таком блестящем дворце, а Зиновьев пребывает в рабочем квартале, в рабочих квартирках; за постненьким чайком! Он непосредственно ощущает, какой сапог и в каком месте жмёт рабочему классу. И вот он устами Евдокимова изложил, что вот — заработная плата, 7-часовой рабочий день, против которого они, как известно, голосовали, что вот жилищная нужда и прочие вещи, — всё это такая новость, что дальше, как говорится, и ехать некуда.

А куда же всё-таки делось всё то, что было изложено представителями оппозиции в том самом знаменитом «евангелии», которое называется платформой оппозиции, ибо в Ленинграде заявляют, что это евангелие имеет особо авторитетный источник? Говорят, что в его составлении участвовало не более, не менее как 200 оппозиционных «евангелистов», и поэтому, действительно, там сосредоточена вся соль оппозиционной мудрости, хотя количество здесь не находится ни в каком соответствии с идейным качеством! (*Голос с места*: «Талмуд!») Повторять всё изложенное в платформе не приходится. Но я напому вам одно место из этой самой платформы, которое суммирует весь символ веры оппозиции, все те обвинения, которые она предъявляет ЦК партии, нашему партийному руководству. Оппозиция говорит: ЦК партии готов платить долги. Не сказано, какие — иностранные, конечно, но не сказано — военные, довоенные или какие-либо другие (*голос с места*: «Для них всё равно!»); ЦК, мол, ведёт такую политику, что готов не сегодня-завтра сдать в архив монополию внешней торговли; ЦК партии будто бы склонен отказаться от той позиции, которую наша партия занимала до сих пор по отношению к национально-революционному движению против империализма. И, наконец, ЦК обвиняется в расширении политики нэпа, в переходе на рельсы неонэпа, а отсюда, конечно, два шага до расширения политических прав нэпмана. И дальше, если признать эти пункты, тогда делается следующий вывод: мы стоим, дескать, накануне ликвидации диктатуры пролетариата, накануне ликвидации Советской власти.

Что нам теперь преподносят, товарищи? Где их разговоры о том, что мы термидорианцы, что мы и то и другое? Выходят и начинают разводить философию насчёт заработной платы, 7-часового рабочего дня и насчёт таких вещей, которые будто бы сейчас жмут рабочих.

В чём же дело? Дело в том, что банкротство их к XV съезду выявилося полное, абсолютное и решительное. Евдокимов всё ещё по инерции говорит: вот мы за единство, вот наш «левый сектор», как сегодня говорил Раковский, вот он готов принять все меры к тому, чтобы сохранить единство. Товарищи, ведь это всё пустой разговор! Об этом можно было на не совсем квалифицированных собраниях три месяца тому назад разговаривать, но здесь, сейчас — о каком единстве можно говорить? О какой угрозе расколом нашей партии?

Что, товарищи, здесь на съезде, имеется? Что это вот здесь, разве это не единство среди сотен и сотен наших делегатов? Где же после этого партия? И после этого выходят и болтают, что они с удовольствием готовы стоять за единство, что рабочий класс только и дышит тем, как бы Евдокимов не оказался вне партии. Беспокоит это, товарищи, и тех, которые уже за пределами партии. Наряду с тем заявлением, о котором здесь рассказывалось, в президиуме есть ещё другое заявление за подписью лиц, которые теперь не состоят в партии. Они там, присоединяясь ко всему вышеизложенному в заявлении 121, просят съезд о восстановлении их в партии. Конечно, молчаливо, они, вероятно, думают, что ежели это событие не совершится, то рабочий класс будет метаться из стороны в сторону, революция получит новую угрозу и прочее и прочее. Здесь не присутствует Троцкий, его следовало бы при этом вспомнить. Он был большим мастером измерять одинаковые расстояния разной величиной. Я думаю, что здесь это точно применимо. Товарищи, за последнее время, за год-полтора, оппозиция сделала для партии, для рабочего класса, для диктатуры столько, что оказаться ей за пределами партии — дорога очень не большая, но вернуться обратно — дорога бесконечно длинная. (Аплодисменты.) И я не знаю, хватит ли жизни даже у такого молодого из оппозиционеров, как, скажем, у Саркиса, чтобы эту долгую дорогу возвращения в партию преодолеть. Так, товарищи, дело сейчас обстоит. (Голоса: «Правильно!»)

Ведь в самом деле, мы за время внутривнутрипартийной борьбы, за время долгой дискуссии на протяжении двух лет привыкли ко многому! Нас совершенно не трогают такие вещи, как нагорная проповедь Лашевича в лесу; мы не обращаем внимания на то, каким образом, скажем, был вознесён на руках «видных вождей» Смилга в вагон; мы также не интересуемся и тем, как реагировал ленинградский пролетариат, о котором здесь так горячо зывал Евдокимов и о котором он говорил, что пролетариат только и жаждет, когда же Евдокимов и Смилга снова будут руководителями; мы не интересуемся тем, как в великую годовщину Октября этот самый пролетариат вознёс Зиновьева не больше, не меньше как на 4-й этаж небольшого осбняка, вместо того чтобы дать ему непосредственную возможность ощущать всё величие нашего большого праздника! Товарищи, дело действительно зашло

очень далеко и приучило нас к самым невероятным событиям в нашей партии, — к таким, которым Владимир Ильич, конечно, дал бы немедленный решительный отпор. И вот они сейчас здесь, бия себя в оппозиционные перси, взывают: вот если бы был Ленин, то, конечно, не было бы того-то и того-то. Во-первых, Ленин беспощадно боролся бы за уничтожение оппозиции, и я думаю, что вне партии представители оппозиции оказались бы, несомненно, раньше, чем это произошло без Ленина. (*Аплодисменты.*) Это вне всякого сомнения. Можно, конечно, товарищи, на многом играть, но есть всё-таки у нас в партии такие вещи, по поводу которых злословить недопустимо ни для кого, даже для самых старейших и самых заслуженных из нас. Я говорю об единстве партии. Об этом ведь здесь так же взывал и Раковский, он тоже говорил, что весь мир, весь международный пролетариат жаждут единства и прочее. Это, товарищи, лицемерие! А что есть на самом деле? Они выходят сюда и со слезой, лживой, оппозиционной слезой говорят о том, как им дорога партия, как им трудно закрыть дверь, выходя из партии, и т. д. Есть из них, конечно, и такие, которые хлопнут, но есть и такие, которые осторожно будут закрывать дверь. Но что делают они одновременно сейчас?

Сейчас у них в Ленинграде находится Сафаров, который в то время как они писали вот эту бумагу, где они «болеют» за единство, — в то время Сафаров в Нарвском районе, в Ленинграде, собирает нелегальное подпольное собрание, нашпаргаливает публику и говорит: у наших вождей хребты разные — есть такие, которые могут и готовы на рожон переть до последней степени, но есть и не особенно смелые: написать могут всё, что угодно, но как доходит до дела, то хотя среди них есть и старые, заслуженные, которые состояли одно время в учениках Ленина, но насчёт гаек у них дело слабовато.

Так вот, чтобы не произошло что-нибудь неожиданное, — а у нас есть сомнения насчёт некоторых (я не знаю, кого Сафаров имеет в виду, но злые языки говорят, что будто бы некоторых наших ленинградских земляков), — так вот, чтобы этого не произошло, необходимо организовать демократию и пододвинуть эту демократию отсюда, из Ленинграда, на Москву, чтобы подпереть вождей на эти ультраоппозиционные действия. Вот как складывается единство в делах и в словах почтенной оппозиции! Я думаю, что это лишняя иллюстрация, чтобы

С. М. Киров и Ф. Э. Дзержинский.
1926 г.

судить о значении тех бумажек и документов, которые нам здесь предлагают. Правда, мы здесь видели большое количество документов, мы слушали их присягу, мы неоднократно приводили их к присяге, и эта присяга была даже с свидетелями, но всё это перевёртывалось. Перевёртывается это, товарищи, и теперь. Нужно быть дважды смелым Троцким, чтобы явиться на такой съезд и сказать: вот как я до сих пор делал — устраивал нелегальные собрания, нелегальные типографии и всякие штуки — так и теперь будет. Я думаю, что такой смелости ни у кого нехватит.

Конечно, об этом приходится помолчать, в кулачок помолчать, и здесь изобразить дело так: да, конечно, был такой грех, немножко накуралесили, немножко нашкодили, теперь мы от этого отказываемся, но свои идейные позиции, потому что они у нас «ленинские», мы не оставляем, будем защищать их и теперь. Они в Питере на нелегальных собраниях изображают своё положение так: в своё время у нас Ленин в июльские дни тоже отсиживался. Они точно так же изображают себя и от своих идейных позиций отказываться не хотят.

Все обвинения нашей партии, все основные пункты наших принципиальных программных разногласий, о которых говорил товарищ Сталин, — всё это они оставляют неизблемым, оставляют для того, чтобы при первом удобном случае снова и снова развернуть свою оппозиционную платформу, для того, чтобы снова и снова дать лишнюю горячку, лишнюю встряску партии. Я думаю, что какие бы планы они ни строили, как бы они ни угрожали партии, в случае ежели они останутся вне партии, — а мне, грешному человеку, кажется, что им негде оказаться, кроме как вне партии (*аплудисменты*), — то здесь ничего страшного, ничего особенного ни для нашей диктатуры, ни для рабочего класса не произойдёт, а произойдёт то, чего действительно ждёт рабочий класс.

Нам иллюзии предаваться незачем. Мы не дошли до такого состояния, чтобы утверждать, что наш рабочий класс в полном своём составе отдаёт себе полный и ясный отчёт во всех тех принципиальных разногласиях, которые у нас есть, но основное он знает. И одно из несчастий оппозиции в том, что она понять этого никак не может. Когда они выходят и спорят с нами о том, строим ли мы с вами социализм или же у нас какая-то суздальская ярмарка получается, то это каждому беспартийному рабо-

чему не только понятно, но это его самым непосредственным образом касается. Поэтому оппозиция так осторожно подходила к этой теме и не сразу так изрекла свою формулировку относительно строительства социализма в нашей стране. И когда они являются на те заводы, на которых их так «жаждут», о чём они кричат на всех углах и на всех перекрёстках, то рабочие им говорят: уходите, довольно, не мешайте нам работать, спрячьте свою вредную оппозиционную литературу, не путайте нас, дайте нам возможность без ваших помех — у нас их и так достаточно — строить социализм в нашей стране. Рабочие это прекрасно понимают, но этого ещё не понимает оппозиция. Оппозиция всё ещё полна инерции. А инерция — большая вещь не только в физике, но и в политике. Она особенно сильна для тех людей, которые привыкли себя чувствовать почти что с пелёнок вожжами, — это действительно так, это же верно, — привыкли к тому, что их всякое слово ловится, записывается, в ячейках прорабатывается, в библиотеках раскладывается, в учебниках фиксируется. Ведь это же было, а теперь вышло совсем иначе. Здесь выходил один товарищ и рассказывал о том, что у него голова пошла кругом: два года тому назад в Ленинграде все ячейки формально как будто стояли на одной позиции, а потом довольно скоро перешли на общепартийную точку зрения. Почему это произошло? Потому, что старые руководители Ленинградской организации до XIV съезда партии, на словах защищая перед массами ЦК, борясь против троцкизма, на деле подготавливали исподтишка новую оппозицию. Они добились от партийной организации одобрения, проводя резолюции за ЦК, а на XIV съезде использовали свои мандаты, чтобы выступить против ЦК. Но такие времена в нашей организации прошли, и прежде всего потому, что мы воспитываем, организуем нашу партию на основах заветов Ильича, на основах внутрипартийной демократии, — этой простой вещи не понимают бывшие вожди, не могут её понять. Мы вокруг наших органов стараемся объединять возможно большие кадры рабочих, стараемся создавать возможно большие кадры для того, чтобы каждая ячейка, каждое самое маленькое звено нашей партии, нашей огромной, сложной партийной и советской жизни так или иначе передавало бы в наши руководящие органы свежие силы, поднимало бы новые глыбы в составе партии. Мы ведём гигантскую политико-воспитательную работу в массах.

Это делает диктатуру не только понятной на словах, это делает её понятной для рабочего во всей его повседневной деятельности. Поэтому на каждом шагу работы мы чувствуем, как растут эти новые кадры, и думаем, что в этом ей, оппозиции, рассчитывать на инерцию никоим образом не приходится. Люди выросли и знают этапы работы, глубоко продумывают перспективы работы, и жить теперь за счёт прошлого нельзя. Рабочие и рядовые партийцы требуют от нас настоящего. Что касается прошлого, то на этот предмет у нас есть специальные учреждения: Истпарт и другие, и всё, что было хорошего, там мы это запишем. Не то теперь, когда нужно действовать сегодня, когда нужно давать сегодняшние, а не какие-то хорошие прошлые вещи. Есть люди, которые до десятой годовщины революции искренно верили, что стоит им махнуть рукой, как всё в Москве перед ними расступится, всё станет оппозиционным, и пойдёт катавасия, а в более отдалённых местностях стоит только приехать и шикнуть — и всё будет сделано. Вот приехали и шикнули. И ничего не вышло. (Голос: «Им шикнули!») Теперь приходится им уподобляться ленинградским «проповедникам», — там есть такие братья Чуриковы, — принимать в самой скромной обстановке своих последователей и направлять их на «путь истины». Ничего не вышло.

Это лучший свидетель, лучший показатель, лучший судья того спора, который у нас был, который ведётся у нас не год, не два, а который мы с Троцким ведём с того самого момента, как он перешагнул порог нашей партии. Вот здесь, кстати сказать, Минин удивлялся, как это Ленинградская организация так легко отошла от оппозиции и перешла на путь ленинского руководства партии. Нужно сказать, что один из моментов, который в своё время помог этой работе, заключался в том, что нигде троцкизм не был так разбит, нигде не была до такой степени разобрана по косточкам идеология Троцкого, как в Ленинграде. Там этим делом занимались ряд лет и разбирали его так, как следует разобрать. И тот же Евдокимов раздевал тогда троцкизм донага, смешивал его с самыми последними вещами. А потом вдруг, неожиданно состоялось знаменитое братание между Зиновьевым и Троцким. Этот шаг показался Ленинградской организации чем-то совершенно волшебным: столько лет её воспитывали, столько лет разъясняли ей сущность троцкизма, а теперь что-то произошло! И, конечно, тогда рабочим стало

совершенно ясно, до какой жизни дошли их бывшие вожди, которые ещё только вчера всех собак вешали на Троцкого, а сегодня носят его на руках, привозят в Ленинград как самую тяжёлую артиллерию.

Рабочий понял, в чём тут дело, понял и наш партиец. Вот в этом, Минин, отчасти заключается секрет того действительно удивительного переворота, который произошёл в Ленинграде.

Я думаю, товарищи, и в отношении нашей международной работы и в отношении Коммунистического Интернационала вот такие самые «бракосочетания» нам будут очень много помогать. Можно, конечно, всё утверждать, можно какие угодно ошибки найти, можно бичевать Центральный Комитет по поводу того или другого недостатка, но сейчас доказывать то, что нам хотят доказать, что единственным наследником великого учителя — Ленина — является Троцкий, я думаю, что ни один сколько-нибудь честный рабочий, ни один партиец ни на одно мгновение не могут эту действительно невозможную мысль допустить. (Голоса: «Правильно!» Аплодисменты.)

Ведь мы не с сегодняшнего дня, товарищи, в партии. Знаем мы Троцкого, и не со вчерашнего дня знаем, насколько не хуже, чем его знает Зиновьев. Ещё не высохла типографская краска с того, что печатал Зиновьев о Троцком, и теперь короновать его на ленинизм — никак это не получается.

Сейчас, как бы нас ни пугали различными осложнениями, как бы ни говорили о том, что же будет дальше, если оппозиция окажется за пределами партии, мы можем ей только предложить: это вы решайте сами. (Смех.) Мы — народ реальный, зачем мы будем забегать вперёд? Подождём, посмотрим и потом решим, как выйдет, когда вы окажетесь вне партии.

Так обстоит сейчас дело. И для того, чтобы нам более плодотворно закончить полосу этой работы, нам необходимо с величайшей энергией продолжать великую работу укрепления внутрипартийной, внутрисоюзной и внутрисоветской демократии. Это самая большая организационная задача на данной стадии работы, когда мы разворачиваем огромные перспективы, когда — как Надежда Константиновна сказала — мы подходим самым непосредственным, самым осязательным образом к строительству социализма в стране. Это мы можем плодотворно осуществить только в том случае, если всё большие миллионы

трудящихся нашей страны подойдут к этой задаче организованно, сознательно, чтобы каждый — как говорит товарищ Сталин — не только плыл, но и знал, куда он плывёт. Если мы этого добьёмся, — а я думаю, что мы этого добьёмся, как и до сих пор добивались, — то, несмотря на все трудности и несомненные тяжести, которые стоят впереди, мы нашу работу безусловно осилим.

Каждый рабочий понимает, что когда нам говорят о недостатках, недочётах и прочее, то мы, может быть, болеем во сто раз больше, чем оппозиционеры, по поводу недостатков, недочётов и извращений в нашей работе и практике. Но мы знаем вместе с нашими рабочими: то, что пять лет назад являлось пропастью, разорением, нищетой, нуждой и голодом, теперь сменяется достижениями, которые могут удивлять не только европейских рабочих, являющихся нашими друзьями по самой своей природе, но и кое-кого другого. И как бы оппозиция ни куковала и как бы ни пророчила насчёт того, что все сроки прошли для нашего существования, — а у Раковского почти так и выходит, что та сторона сильна, а у нас внутри рабочий класс сжимается, и крестьянство спиной становится, и не пора ли нам подумать об организационной сдаче наших позиций, — как бы оппозиция ни пророчила, — это является доказательством действительного, величайшего и полнейшего неверия этих самых её представителей в те основные, главные задачи, которые решает сейчас наша партия.

И не случайно, товарищи, что именно во время десятой годовщины мы являемся свидетелями того, что нам приходится кое-кого отсекаать от нашей партии.

Это не случайно. В эти десять лет мы совершили новый гигантский поворот к дальнейшему этапу нашего социалистического строительства. На этом огромном повороте мелкобуржуазная слякоть давит на известные звенья нашей партии. Оппозиция говорит, что не сегодня-завтра будет то-то и то-то, — потому-то она приходит в трепет, в панику от новых шагов, от нового движения великой революции. Для того чтобы нам успешно, без помехи продолжать наше дело, для того чтобы нам пожалуй, посочувствовать и по чувству человечества не трепать нервов представителей оппозиции, я думаю, на теперешнем, XV съезде надо действительно доделать то, что не было доделано на XIV съезде партии: нашу оппозицию нужно отсечь самым решительным, самым твёрдым и самым

беспощадным образом. (*Аплодисменты.*) Этого ждёт наша партия, этого ждёт от нас рабочий класс, этого, товарищи, ждёт от нас и международный пролетариат. Вот эта действительная основоположница Коминтерна, та партия, откуда родилась мировая революция, которая строит практически социализм, она должна остаться действительно единой. Всё то, что путается под ногами, что колеблется и сомневается, должно быть оставлено в исторической пропасти, а нам с вами дорога только вперёд и только к победам! (*Бурные аплодисменты.*)

1928 год

МЫ ДОЛЖНЫ РАЗВЕРНУТЬ ШИРОЧАЙШУЮ БОЛЬШЕВИСТСКУЮ КРИТИКУ И САМОКРИТИКУ

Из речи на собрании партийного актива Володарского района 26 июня 1928 года

...История критики и самокритики в нашей партии есть история нашей партии. С рождения большевистской партии критика и самокритика были непрямым её оружием, и этим, между прочим, мы отличались от прочих, так называемых «революционных», организаций.

Почему же на данной полосе работы мы заостряем внимание на этом вопросе? Не случайно это вышло, совершенно не случайно. Это вышло потому, что мы сейчас находимся в такой полосе строительства социализма в нашей стране, когда горе будет нам, если мы хотя бы на минуту допустим, что у нас на всех фронтах, по всем линиям нашей работы, везде и всюду всё обстоит благополучно. Неверно это, и в данной обстановке это особенно крепко сказывается. После буквально головокругоужительных успехов, которые мы с вами одержали на всех фронтах, мы постепенно, от мала до велика, стали усыплять себя этими успехами, думали, что дело у нас почти что в шляпе. Дело наше прочно, командные высоты мы завоевали и укрепили основательно — это совершенно бесспорно, — но именно потому, что мы их укрепили, именно потому, что мы вырвали всё, что можно было вырвать из основного, решающего, командного у наших классовых врагов внутри страны, именно поэтому увеличивается сопротивление со стороны нашего врага. Это звучит на первый взгляд, как будто, странно, но ничего странного в этом нет.

Несколько лет тому назад, когда мы на основе новой экономической политики развёртывали свою хозяйственную работу, наши враги думали: — посмотрим ещё, кто кого перетянет. А тут ещё прибавились наши «уважаемые» оппозиционеры, которые тоже всё это очень хорошо

у себя записали: — посмотрим, что у вас из строительства социализма в «суздальской стране» получится.

Теперь выходит, что получается совершенно реальное, совершенно конкретное, самое подлинное, самое настоящее социалистическое строительство в нашей стране.

Вообразите себя на один момент, — я не хочу вас этим обижать, — в положении деревенского кулака. Когда вы увидите, что перед вами широкой волной начинается социалистическое строительство не только в городе, но и в деревне, начинается замена всего старого, всего заскорузлого, начинается обобществление, начинается кооперирование, — как вы себя почувствуете в такой обстановке? Вы неизбежно будете мобилизовать свои силы, потому что последние позиции вы решите сдавать только с боя. Вот отсюда и оживление врагов внутри нашей страны, и, как полагается по всем социальным законам, мобилизация сил против нас извне.

Как в такой обстановке мы можем успешнее продолжать наше социалистическое строительство? Только при том условии, если мы будем чувствовать себя действительно подкованными, основательно подкованными, если мы сможем открыто, спокойно и твердо взирать не только на свои успехи, но и на свои недостатки. Успехи налицо, мы их знаем, а о недостатках своих, благодаря успешности работы, мы начинаем забывать, недостатки начинают нас засасывать. Примеров этого мы видим достаточно много. Если это так, надо кликнуть клич по всей партии, надо сделать всё, чтобы максимально вовлечь весь рабочий класс в активную социалистическую работу, надо разбудить сопутствующие нам силы крестьянства. Способ для этого — заострить вопрос о критике и самокритике. Сейчас партия это и делает с такой настойчивостью. Линия совершенно правильная, линия совершенно не случайная, и надо вам понять, что линия не такая простая, как это может показаться на первый взгляд.

Правильно говорят относительно того, что величайшим злом является такая болячка, как этот злополучный бюрократизм, о котором мы столько говорили, что дальше и говорить некуда. Тем не менее, все мы вместе взятые, в том числе и ваши покорнейшие слуги, оказывается, имеем эти бюрократические пятнышки. Это не такая простая зараза, которую можно было бы легко одной метлой вымести. Здесь — дух всего нашего некультурного прошлого,

всей мелкобуржуазной стихии, о которой давно говорил Ильич, что вытравлять её придётся очень долго. Но, тем не менее, работу эту надо делать. Легче и проще будет сделать это тогда, когда мы вооружим не только официальных выразителей нашего партийного и общественного мнения, но и весь рабочий класс этими фонарями критики и самокритики, когда мы скажем ему: посмотри все недочёты, вскрывай их, освети.

У меня, и я думаю, что и у вас, нет ни малейшего сомнения в том, что мы очень широко развернём эту кампанию самокритики. Но этого мало, это меньше, чем полдела. Надо сказать, что критиковать — дело очень лёгкое, во всяком случае, это гораздо легче, чем делать. Что же надо дальше? А дальше вслед за критикой, нога в ногу, шаг за шагом должно последовать исправление недостатков. И вот тут, товарищи, дело будет труднее, — это надо сказать заранее. Труднее потому, что не всякий должным образом эту критику воспримет. Но и это ещё не всё: сил у нас с вами достаточно, мы представляем собою большую глыбу, опыт у нас есть, но не вполне ещё достаточно знаний по части ведения всего хозяйства, — этого у нас, безусловно, недостаточно. Вот на эту сторону дела и надо направить острие нашей самокритики. Не только, чтобы изъяны обнаружили — и, как будто, дело сделали. Нет, надо с этим критическим фонарём идти дальше в соответствующие звенья, будить эти звенья с тем, чтобы обнаруженные ошибки они теми или другими способами и средствами исправляли.

К этой задаче мы начинаем подходить вплотную. Она очень трудна, на это глаза закрывать не нужно, но тем не менее решить её надо во что бы то ни стало. И я думаю, мы это сделаем, если не будем замыкать работу внутри нашего актива, или ещё более узкого круга, а сумеем вовлечь в неё весь рабочий класс.

Но вот, товарищи, прошло немного времени, а уже начинаются сомнения и разговоры о том, всерьёз ли мы это большое дело затеяли?

Сегодня, я надеюсь, вы прочитали статью товарища Сталина¹, несколько дней тому назад вы прочитали статью тов. Крупской. Из этих статей надо сделать соответствующие выводы. Нельзя понимать самокритику

¹ И. Сталин, Против опошления лозунга самокритики («Правда», 26 июня 1928 г.).

таким образом, что вышел ты, скажем, на партийную ниву и давай направо и налево всех щёлкать, как угодно. Если так вульгарно понимать критику, из этого дела, конечно, ничего не выйдет. Если критику станем превращать в профессию отдельных групп партии или отдельных звеньев партии — тоже будет ошибочно и неправильно. Этот лозунг должны проводить и его придерживаться, безусловно, все члены партии, без всяких изъятий.

XV съезд нашей партии и Центральный Комитет подчёркивали, что мы должны развернуть широчайшую революционную, большевистскую, честную критику.

Что это значит? Если перевести это на простой человеческий язык, это значит вот что: когда перед нами какая-нибудь фигура, имя рек — советский, партийный, хозяйственный, профессиональный — какой угодно работник, — и мы начинаем потрошить его, выворачивать все его изъёмы наружу, надо знать, что беда тут не только для того, кого оперируем и потрошим. Если вскрываем безобразные внутренности, от которых прёт зловоние на почтенное расстояние, то надо знать, что это беда не только того, кого потрошат, а наша общая беда. Если перевести на простой, доступный для всякого человека язык, то это дело так и надо понимать. Вот об этом и говорит статья товарища Сталина, помещённая в наших газетах.

Возьмите такой пример, как шахтинское дело. Если мы, коммунисты, допустим, что это дело какой-то шахты, дело той партийной организации, которая, такая-сякая, там прохлопала, а мы — шёлковые, у нас никаких шахт нет и это нас мало касается, — это будет плохо. Надо понять, что шахтинским делом должен болеть каждый наш коммунист от мала до велика, потому что это наша общая беда. И вот, если мы будем так подходить к вскрытию всех наших недостатков и недочётов, если каждый из нас будет делать это с чувством, будет понимать свою большевистскую партийную ответственность, которая нужна в этом деле безусловно, — без неё дело не пойдёт, без неё может получиться такая штука, что мы эту критику обратим в какую-то профессию для наиболее бойких, наиболее горячих членов партии, которые создадут для себя удел — самокритику, — только тогда мы выйдем из этой нашей общей беды. Если же мы будем подходить иначе, то это будет ошибка. Вот об этом и говорит статья товарища Сталина. Он говорит, что, когда мы бьём бюрократу, то мы должны попытаться воспитать его, выпра-

вить. При этом, когда мы бьём бюрократа, то это не значит, что мы должны обращать удары против советской системы: наша советская система является лучшей, является единственно возможной в наших условиях формой объединения трудящихся для социалистического строительства. Если мы хотя на одну минуту пойдём по линии — громи аппарат, то ничего не выйдет. Поэтому товарищ Сталин и говорит, что когда мы занимаемся критикой внутри нашей партийной организации, то это вовсе не значит, что мы хотим опрокидывать партийную систему. Если мы бьём бюрократизм, то это совершенно правильно, но это не значит, что мы должны расшатывать нашу советскую систему.

Мы условились, что от партийца или беспартийного, работающего у станка, нельзя требовать критики, правильной на сто процентов. Прежде всего, он недостаточно осведомлён о всех областях работы и не может правильно критиковать на сто процентов. Это верно. Теперь разрешите с другой стороны осветить вопрос: где же вы найдёте таких людей, хозяйственников, партийцев, профессионалистов, которые работали бы правильно на сто процентов? Ни в какой природе не найдёте. И какие бы мы, большевики, молодцы ни были, какие бы опытные политики мы ни были, всё-таки мы будем на тяжёлых этапах работать с теми или другими ошибками. Возьмите такой вопрос, как хлебозаготовительная кампания. Все вы знаете, что это объективные причины хлебных затруднений, но разве кто-нибудь будет утверждать, что нет ошибок в руководстве этим делом? Ошибки, безусловно, есть. И так где угодно, в любой, какой хотите, работе. Требовать безошибочной работы от каждого работника, требовать, чтобы он на сто процентов работал без осечки, — не выйдет.

Речь идёт ещё и о том, что необходимо нам избегать одной опасности, которая, безусловно, палица, о чём я говорил вначале. Следом за самокритикой надо сейчас же стараться исправлять те изъяны и недостатки, которые есть. Если не будем этого делать, если станем делать неумело, мы убьём всякий аппетит к самокритике, — это не подлежит сомнению. Чтобы этого аппетита не убить, надо добиваться конкретного, реального результата самокритики. А для этого, практически, нужно не дожидаться «парадных» собраний, — наконец-то в кон. веки собрались, поговорили, покритиковали, душу отвели и

опять до следующей конференции или актива — это тоже будет крупнейшей ошибкой. Надо завтра же на заводе, на фабрике, в цеху, где угодно, — всю работу, — работу, поймите, — построить таким образом, чтобы она протекала под углом критики и самокритики. Нужно подойти более критически ко всем мероприятиям, ко всем начинаниям, ко всему тому, что мы делаем. До сих пор этого у нас нехватало, это надо понять!

И поэтому Центральный Комитет в первоначальной директиве делает упор на то, что надо оживить работу по части самокритики в тех звеньях, которые ближе, непосредственнее соприкасаются с производством и со всеми сторонами нашей деятельности. В эту сторону и берём уклон, о чём вы, вероятно, знаете. Мы делаем всё к тому, чтобы оживить, сделать более узаконенными, более правомочными наши внизустоящие хозяйственные, партийные, профессиональные и прочие звенья, которые непосредственно близким образом соприкасаются с нашим строительством.

Если это дело у нас наладится, — во всяком случае оно должно наладиться, — если мы поймём, что эту самокритику делаем не на сезон, не потому, что с хлебцем вышло неладно, — мы достигнем желаемых результатов в нашем строительстве. Ошибка, большая ошибка думать, что тут затруднений мы не встретим. Мы их встретим не только в отношении хлебозаготовок, но и по самым неожиданным линиям — это надо знать заранее. Горе тому коммунисту, который думает, что вот уже в настоящем году он — свидетель конечной победы в нашей тяжбе с капиталистическими элементами города и деревни. Это будет ошибкой, самообманом!

Если говорить всерьёз, то драка за социализм по-настоящему начинается только сейчас, потому что именно теперь мы с вами вооружаемся не только винтовкой, не только строим наши военные ряды, но мы вооружаемся с вами новой постановкой социалистического производства, тем, что называется становым хребтом народного хозяйства. Это решит дело и поможет выйти по-настоящему на действительно проторенную социалистическую дорогу. И враг это видит и будет нам на каждом шагу чинить всяческие препятствия, какие только может.

Чтобы партия была к этому готова, нужно всю партию, от мала до велика, снизу доверху поставить на ноги таким образом, чтобы каждый чувствовал себя действи-

тельно членом великой нашей коммунистической семьи, чтобы он был активным в этом деле. Для этого надо его вооружить тем, что называется критикой и самокритикой, вооружить для того, чтобы как можно более сознательно, как можно более активно вовлечь его в социалистическую работу. Вот почему не случайно, а с точки зрения переживаемого момента, мы должны сейчас особенно крепко навалиться на это дело.

Если мы скажем: за время революции мы провели огромное количество всяких кампаний, появилась ещё одна новая кампания, как-нибудь перемелем и эту, пока не наступит другая кампания, — это будет неверно. Самокритику мы должны будем проворачивать всё дальше, всё глубже и организованнее, чтобы она была, по возможности, более творческой, более созидательной на всех этапах нашей работы. Нам нужно, совершенно не боясь, по-честному, с сознанием полной коммунистической ответственности за свои шаги развернуть дело самскритики самым широчайшим образом. Ничего страшного не будет. Будут изъяны, будут недостатки, будут недочёты, будут отдельные искажения, будут изломы — всё это будет, всё это есть, со всем этим надо бороться. Об этом говорят те последние статьи, о которых я упоминал.

Надо помнить, что сейчас мы живём в такой полосе, когда, помимо всех трудностей, которые окружают нас, враги наши делают всё, вплоть до всяческих безобразий, не останавливаясь ни перед чем. На днях произошёл такой факт: из-за границы прибыло несколько молодцов, террористов, чтобы помешать нашей работе. Дело каждого из нас — повысить бдительность на фабриках и заводах, чтобы не допустить преступных действий со стороны наших врагов. Враг напирает, не мытьём, так катаньём хочет запутать всё у нас. Из этого дела ничего не выйдет, если мы по-настоящему, по-честному, по-коммунистически вооружимся новыми методами работы. Повторяю, ошибкой будет, если только в парадных случаях мы будем развёртывать знамя самокритики. Нет, надо повседневно вести эту работу по отношению и к себе, и к другому.

Если под таким углом мы будем рассматривать критику и самокритику, мы сумеем, прежде всего, выправить наши недочёты, сумеем настоящим образом в боевые ряды выстроить нашу партию, напомнить каждому члену партии, что борьба ещё не закончена, что мы вступаем в

новую фазу борьбы — борьбы чрезвычайно ответственной и тяжёлой.

Было время — мы говорили о тяжести борьбы, когда в героический период, с оружием в руках защищали Советскую родину, когда измеряли наши победы тем, на сколько километров гнали деникинские или врангелевские банды. Теперь другая пора, не менее ответственная и сложная, не менее нужная для строительства социализма. Если раньше измеряли каждый километр, на который угнали врага с советской земли, то сейчас надо сказать: каждый лишний аршин мануфактуры, каждые лишние новые сапоги, новые штаны, новая шапка — это рост и укрепление социалистического строительства в нашей стране! Так, товарищи, сейчас дело обстоит: каждый новый станок, каждая лишняя машина, малейшее нововведение в нашем хозяйстве, — всё это есть то, что называется у нас активным, непосредственным строительством социалистического общества. Ко всей нашей работе, ко всем нашим организациям, к работе каждого из нас надо подходить под этим углом зрения. Надо, чтобы вся работа была пропитана величайшим, могущественнейшим фактором, который называется самокритикой. Каждый должен иметь это оружие у себя в кармане, не дожидаясь, пока другой, со своим оружием, научит делать это дело. И хозяйственнику, и партийцу это надо знать, а пока у нас этого ещё нет. Я прямо скажу: мы раскачали партийные организации, но пока, главным образом, в бой идёт партийный актив, а надо добиться, чтобы выступал и хозяйственник, и любой советский человек — их также не вредно нам послушать.

У нас в партии есть некоторая опасность того, что критика местами здорово скользит только по адресу наших хозяйственников. Это ошибка. Вспомните, с каким вниманием, с какой громадной затратой сил мы воспитывали наши хозяйственные кадры. Вспомните, как было пять лет тому назад, когда около более или менее сложного завода ходили, как баран около новых ворот, — ничего не понимали! Вам каждый теперешний хозяйственник скажет, что пять лет назад он в балансе ни уха, ни рыла не понимал. Мы добились, что научились считать каждую советскую копейку, научились переносить завоевания западно-европейской техники на наши фабрики и заводы. Всё это мы с трудом выносили и это надо беречь! Надо по больным местам бить, но обобщать не следует!

Я говорю о тех опасностях, которые у нас по этим линиям существуют, и это надо твёрдо и основательно запомнить.

И ещё раз повторяю: когда ударяешь своего соседа-коммуниста по той или иной работе, помни, что этим самым ты ударяешь и себя. Это надо понять. Ведь мы сами родили и выносили кадры наших хозяйственников, наших профессионалистов. Это же плоть от плоти, кость от кости нашей. Ведь мы, не щадя сил, выпестовали то, что называется нашей великой коммунистической партией. Поэтому не с злорадством и бичеванием надó подходить к товарищу, а надо подходить так, как принято в нашей коммунистической среде. Это не значит, что надо надеть ботиночки институточки с резиночкой и подходить осторожно, выбирать литературные формы. Это чепуха. У нас в большевистской практике никогда не было слишком гладеньких отношений. Мы умеем задирать себя против шерсти. Это правильно. Но только надо делать это не через край. Шкуру не надо сдирать, она ещё, может быть, пригодится. Вот о чём идёт речь, а закрывать глаза на недостатки ни в коем случае нельзя. Преступником будет каждый из нас, кто по тем или иным соображениям станет рассуждать, что вот, мол, неудобно говорить, я лучше помолчу, не буду критиковать. Надо по-честному, по-большевистски, прямо глядя в товарищеские, коммунистические очи, сказать: «Ты, милый человек, запоролся, запутался. Если ты сам не поднимаешься, я тебе помогу. Если нельзя за руку поднять, за волосы подниму. Я сделаю всё, чтобы тебя исправить, но если ты, милый человек, не справишься, то пеняй на себя, тебе придётся посторониться».

Вопросом воспитания новых кадров, их квалификацией мы должны заниматься и занимаемся — и нам в этом самокритика поможет в величайшей степени. Говорят: нашли место, где ставить вопрос о кадрах, — в нашей Ленинградской организации! Но речь идёт не просто о количестве наших кадров. Народу-то у нас много, но надо понять одно: строительство социализма идёт вглубь и вширь. Если мы, партия в целом, представим себе те задачи, которые перед нами вырастают, то должны сказать, что имеем недостаточные кадры. Если взять нашу хозяйственную работу, то ведь, шутка сказать, товарищи, какая это работа! Вот завтра мы будем свидетелями — конечно, не в буквальном смысле завтра — реконструк-

ции нашего Путиловского завода. Там решено построить такую тракторную мастерскую, что даже Форда перещеголяем, того самого «сказочного» Форда. Одно мы взяли у Форда, другое у Ситроена. Мы хотим, чтобы это было лучше того, что есть в капиталистическом мире. Конечно, будет трудно, потому что в разрешении подобных задач наша квалификация отстаёт. Эту квалификацию надо подогнать — и старичка, и середнячка, и помоложе, — надо подогнать людей, надо построить всю работу таким образом, чтобы человек не случайно оказывался на посту директора или заместителя директора, а чтобы он прошёл известное воспитание, известную школу через соответствующие органы и организации, чтобы его кругозор расширился. Вот о чём идёт речь. Речь идёт о подготовке, — систематической, рациональной подготовке наших кадров. Здесь самокритика даст громадную возможность поставить дело, если мы воспользуемся этим оружием с толком, с чувством, с известным вниманием, а не просто будем только говорить.

Один товарищ выступил на собрании актива и сказал: «Вот наконец-то, теперь можно будет поговорить», — и даже свободно вздохнул. Подумаешь, словно его из тюрьмы выпустили. Если пустить его теперь без руля и без ветрил с самокритикой, я боюсь, что он заблудится. Ему раньше без самокритики было трудно, а теперь с самокритикой будет ещё труднее.

Мы считаем, что развернули громадное социалистическое строительство. Наши успехи все признают и охотно о них говорят, а когда речь идёт о болячках, о недочётах — нет уж, извините, это райком виноват, а я-то тут при чём? Хозяйственник виноват... (Смех.) Так не годится. За всякий пробел в той или другой степени, — один больше, другой меньше, один боком, другой всем своим существом, — отвечает, но все должны мобилизоваться вокруг этого дела. Единым общим коммунистическим коллективом со знаменем критики и самокритики на дальнейшее повседневное, конкретное социалистическое строительство в нашей стране!

И если мы, товарищи, сумеем — а я убеждён, что сумеем, несмотря на некоторые затруднения в этой работе, — должным образом воспользоваться оружием самокритики, то никакие проходимцы, которые неофициальным путём к нам пробираются, никакие проходимцы, которые

официально нас окружают, и никакие подковырки со стороны классового врага нам не будут страшны. И те затруднения, которые у нас сейчас есть и, безусловно, будут, мы сумеем преодолеть.

Повторяю, пути исправления недочётов надо искать, не поднимаясь высоко на облака, а вот здесь, на советской земле, на фабрике и заводе, в партийной организации, в повседневной работе, не покладая рук, настойчиво, твёрдо и упорно. Тогда вытравим всякие язвы бюрократизма, всякие извращения, всякие разложения и всё прочее.

Со всем этим сумеем бороться, если подойдём к этой борьбе организованно, не нарушая основ партийной, советской, профсоюзной системы, если сумеем поднять и встряхнуть всех от мала до велика, — тогда наши задачи разрешим! (*Аплодисменты.*)

1930 год

ЕДИНСТВО ЛЕНИНСКОЙ ПАРТИИ ЯВЛЯЕТСЯ НАДЕЖНОЙ ОСНОВОЙ ПОБЕДОНОСНОЙ БОРЬБЫ ЗА СОЦИАЛИЗМ

Из речи на XVI съезде ВКП(б) 30 июня 1930 года

Товарищи! Вчера мы слушали пространные речи возглавлявших правую оппозицию, излагавших нам временами весело, временами грозно, а временами в тонах, подходящих даже до библейского пафоса, свою точку зрения на положение нашей социалистической работы на данном отрезке времени. Мы очень внимательно слушали. Я боюсь быть резким, но мне кажется, если коротко сформулировать итоги того, что мы вчера слышали, то выходит как будто бы так, что Томский и Рыков решили, что перед ними сидят «Иваны непомнящие», забывшие истекшую полосу нашей борьбы и работы. (*Голоса: «Правильно!»*)

Весело излагал свою точку зрения Томский.

Каганович. Весело, действительно весело.

Киров. Но мне кажется, что всё его выступление, хотя он несколько раз и оговаривался о том, что он выступает как политический деятель, что он понимает всю ответственность своего выступления, крепко пропитано духом, чтобы не сказать слишком резко, политической обывательщины.

Ворошилов. Правильно.

Киров. Долго нам рассказывали о разных намерениях, об ошибках, покаянные ноты слышались, но, несмотря на это, всё-таки не было сказано самого главного и самого основного, из-за чего загорелся весь сыр-бор в нашей партии.

В чём дело? Перед настоящей аудиторией надо поставить вопрос ясно, просто и по-большевистски отчётливо. Надо было сказать то, что сказано нашей партией и Центральным Комитетом уже порядочное время тому назад, заявить прямо и откровенно, что с известного времени

после XV партийного съезда у нас внутри партии наметились две принципиально различные линии — линия партии и линия правого оппортунизма, которая в случае победы правых в партии неизбежно в конечном счёте привела бы к восстановлению капитализма. Это основное и это решающее. Генеральная линия партии заключается в том, что мы осуществляем крепкий курс на индустриализацию нашей страны, на основе этой индустриализации мы проводим перестройку нашего сельского хозяйства на началах обобществления, коллективизации.

Имея перед собой такие грандиозные задачи, партия поставила вопрос о перестройке работы всех своих рядов, о перестройке работы и приводных ремней от нашей партии к рабочему классу, ко всем трудящимся — профсоюзам, советам и т. д.

Вместе с тем партия поставила перед собой задачу оказания всесторонней помощи Коммунистическому Интернационалу в деле укрепления, в деле усиления большевизации братских коммунистических партий.

В противоположность партийному курсу правые выдвинули свою программу, принципиально отличную от генеральной линии нашей партии. Правые выступили совершенно открыто и решительно против взятых партией темпов индустриализации страны. Их проповедь равнения на «узкие места», снижения темпов индустриализации в конечном итоге неизбежно привела бы к скрыву индустриализации страны и её социалистического преобразования.

Правые отстаивали «равнение» на индивидуальное крестьянское хозяйство в тот момент, когда без социалистической переделки мелкого товарного производства и преодоления его чрезмерной отсталости нельзя было двигаться вперёд по пути социалистического строительства. В связи с этим правые выступили решительно против всех мероприятий, которые проводила партия в деревне. Возьмёте ли вы хлебозаготовки, возьмёте ли вы индивидуальное обложение, любой вопрос, строительство совхозов и колхозов, — и каждому станет совершенно ясно, что правые не разделяли генеральной линии партии в основных вопросах политики партии в деревне.

Правые встали на путь либерального толкования нэпа и склонялись к отказу от пролетарского государственного регулирования наших торговых отношений с крестьянством. Правые выступили против перестройки партийной

работы, против перестройки работы всех приводных ремней нашей партии. Далее, позиция правых вела неизбежно к ослаблению большевизации братских коммунистических партий.

В самом деле, товарищи, если правые взяли ставку на развитие индивидуального крестьянского хозяйства как раз в то время, когда партия и рабочий класс вплотную подошли к его социалистическому преобразованию, тем самым, при логическом развитии этой позиции, они неизбежно скатились к защите интересов кулацкого хозяйства, стали идеологами кулачества. Если это расшифровать с точки зрения международной нашей работы, то неизбежно следующее. Всякая буржуазная, вне нашей страны находящаяся контрреволюция имеет непосредственное сцепление с нашей страной через кулака. И если правые оппортунисты выступают с проповедью неизбежного мирного вращивания кулацких гнёзд в социалистическую систему нашего хозяйства, то всякий, уверовавший в это, должен понять, что тем самым сцепление между капитализмом вне нашей страны и остатками капитализма в нашей стране не представляет собой — в глазах оппортунистов — той опасности, которую постоянно с огромной силой подчёркивает наша партия и которая обязывает нас всемерно крепить оборону Советской страны.

Отсюда совершенно неизбежным является и демобилизация коммунистических партий, смазывание опасности военной интервенции и усыпление революционной бдительности коммунистических братских партий.

Наконец последнее: вооружённая этой оппортунистической идеологией, правая оппозиция задалась целью добиться того, чтобы встать во главе руководства нашей коммунистической партии.

Кто не знает и не помнит, какая травля со стороны правых поднялась против политики ЦК нашей партии, каким ожесточённым нападкам подвергся генеральный секретарь нашей партии товарищ Сталин? У всех нас в памяти замыслы, которые зрели в головах у правых и которые сводились к овладению руководящими органами партии для крутого поворота политики партии.

И после этого приходят сюда правые и так полунаивно, полусердито, полусдержанно рассказывают нам о каких-то сущих пустяках.

С этой трибуны следовало сказать, что было бы, если

бы расчёты и надежды правых оправдались, если бы правые сумели захватить руководство нашей партии и ЦК и сумели провести свою оппортунистическую программу. Теперь уже не подлежит никакому сомнению для каждого члена партии, что торжество правых взглядов — проведение оппортунистической теории «непрерывных уступок» крестьянству, выдвинутой Томским, — означало бы развязывание капиталистических элементов в нашей стране, укрепление их позиций в городе и деревне, затухание социалистического сектора народного хозяйства.

Партия не пошла по этому пути. Партия взяла ещё более решительный курс на осуществление своих ленинских лозунгов и развернула напряжённую борьбу с правыми оппортунистами.

Сейчас правые выглядят довольно скромно. Но что было несколько месяцев тому назад? Что навешивали они тогда на нашу политику, на руководство?..

После этого прошло несколько месяцев — и вот выходит Томский и как «турецкий святой» начинает рассказывать нам анекдоты, рассказывать, как они случайно... незаметно... мало-помалу... встретились — два Ивановича и Михаил Павлович, — поговорили между собой, потолковали насчёт линии партии. В сущности ничего как будто бы особенного не произошло, кроме того, что эта беседа нашла некоторый отзвук за пределами их голов.

Они, оказывается, как заслуженные и испытанные «вожди» знали, что надо вести борьбу в легальных партийных рамках. Но что же, дескать, сделаешь, — логика борьбы всегда приводит к тому, что кое-кто воспользуется нашими разногласиями, кое-где были перехлёстывания и т. д., но никакой по существу фракционной работы мы не вели. Об этом же толковал нам Угланов. Однако не только мы — вся партия и весь рабочий класс отчётливо знают и прекрасно понимают, к чему и куда вели нас правые уклонисты. Об этом и надо было здесь сказать. Надо было говорить о том, что по существу представляет собой программа правого уклона. (*Голоса:* «Правильно!») Рыков сгоряча в ответ на реплику заявил: «Конечно, вышло так, что моё имя трепали даже враждебные нашей партии силы». Я бы рекомендовал Рыкову и Томскому прочитать хотя бы показания академика Платонова. Он гораздо лучше изобразил платформу правых, чем это сделал Томский. Он ставит вопрос ребром и правильно. Он сочувствует правым не только потому, что они борются

против генеральной линии партии. Конечно, всякая борьба внутри партии неизбежно будет подхвачена враждебными элементами. Но дело обстоит гораздо серьёзнее и глубже. Дело в том, что программа правых является родственной по духу, по идеологии, по крови кругу идей этих Платоновых, Устряловых и иже с ними. Об этом идёт речь. И об этом мы хотим слышать на данном съезде партии. Дело не в покаянных речах, не в том, что мы кого-то собираемся посылать в пустыню акриды кушать. На съезде партии надо членораздельно сказать, что собой представляет программа правых, каковы её классовые корни и классовое содержание. Мало признать свои ошибки. Посмотрел бы я на тебя, Михаил Павлович, как бы ты на этом съезде выступил с защитой своих правых взглядов и что бы из этого вышло. (*Голоса: «Правильно!»*) Ведь наша работа протекает не только в стенах этого здания... Ты и твои друзья не могут не видеть, какой огромной волной активности московский пролетариат и пролетариат всей нашей страны подкрепляет работу нашего съезда, какие нити связывают нашу партию со всем рабочим классом... О признании ошибок мы слышали после ноябрьского пленума. Что нам надо сейчас? Чего ждёт партия и рабочий класс от вас? Вы, вожди правой оппозиции, вы должны по-большевистски квалифицировать вашу программу и, не вдаваясь в глубоко теоретические изыскания, сказать прямо, что ваша программа по сути дела — программа кулацкая (*голоса: «Правильно!», аплодисменты*), выполнение которой в конечном счёте погубило бы диктатуру пролетариата и привело бы к реставрации капитализма.

Товарищи, программу социалистического строительства ЦК нашей партии и программу правых проверила жизнь. Рыков говорил, что никто не предвидел нынешних темпов индустриализации и достигнутых успехов в коллективизации, что он также всегда отстаивал быстрые темпы индустриализации, спорил только о том, на сколько процентов больше или меньше и т. д. Но ведь теперь, задним числом, теперь все за наши темпы. Возьмите последнего бюрократу из любого нашего советского учреждения, — он тоже за наши темпы, он тоже за коллективизацию. Больше того, даже Ллойд-Джордж считает, что наша пятилетка не только смела, но и умна, как он выразился. Даже на старости лет Форд, «просвещённый» капиталист, и тот понимает, что наша пятилетка —

штука реальная. Разве такие признания необходимы съезду от бывших вождей правой оппозиции?

Основная, коренная моя ошибка заключается в том, говорил Рыков, что я недооценил возможности коллективизации крестьянского хозяйства. В сущности говоря, всё дело в недооценке вопроса, будет ли 40—30—50 %.

Нельзя квалифицировать это заявление иначе как уловку, затушёвывающую суть дела. Главный недочёт вчерашнего выступления Томского и Рыкова состоит как раз в том, что они не дают прямо ответа на вопрос о характере и классовом содержании их оппортунистической платформы... Мы имеем все основания, все объективные основания быть настороже и то, что нам здесь изложили, взяты совершенно определённо под подозрение.

Мне хотелось бы сказать несколько слов о выступлении Угланова. На ноябрьском пленуме он принёс покаяние, раскаялся в своих ошибках, признал генеральную линию партии, но прошло несколько месяцев, в деревне получилась заминка, создались затруднения, и он снова, по его собственному признанию, поколебался. Теперь он опять перестал колебаться и признаёт линию партии целиком правильной. Вольно или невольно напрашивается вывод: а что если завтра будут затруднения, — а они неизбежны в той сложной обстановке, в какой развивается строительство социализма, то где же у нас гарантия в том, что Угланов не колебнётся ещё раз? Все, кто внимательно его слушал, не могли не уловить того настроения, которое так и сквозило во всех его словах. Об этих настроениях говорил в своём докладе товарищ Сталин, когда он сказал, что оппортунистические настроения создают неуверенность в победе нашего дела. С таким настроением, как у Угланова, можно только сдавать позицию за позицией классовому врагу.

Мне думается, товарищи, что мы будем правы, если на XVI съезде нашей партии скажем, что самого основного и главного от представителей оппозиции мы не услышали. (Голоса: «Правильно!»)

Нам необходимо было услышать из уст Рыкова и Томского не только признание своих ошибок и отказ от платформы, а признание её, как я уже говорил, кулацкой программой, ведущей в последнем счёте к гибели социалистического строительства. Без этого основного и решающего нельзя выполнить и второе требование, которое предъявляется к ним партией. После ноябрьского пленума

они разоружились, после этого они должны были с жесточайшим упорством защищать генеральную линию партии, должны были последовательно вести борьбу с правоуклонистскими элементами, с правыми оппортунистами. Видел ли кто-нибудь и где-нибудь выполнение ими партийного долга? Ни в малейшей степени, несмотря на то, что сторонники их взглядов выступали в дискуссионном листке «Правды», выступали и на отдельных ячейках. Дал ли кто-нибудь из них решительный отпор защитникам их оппортунистических взглядов? Ни в какой мере. И впредь этого не будет, если они не поймут всю губительность своей оппортунистической платформы, которую они в своё время защищали.

Теперь мне хочется сказать несколько слов о Бухарине. Порядочное количество лет тому назад Бухарин изобразил чрезвычайно красочно кулацкую теорию вставания кулака в социализм. Он был вместе с тем проповедником прочности стабилизации капитализма и «организованного капитализма» на данной стадии капиталистического развития. Что происходит сейчас? Надо, товарищи, совершенно беспристрастно сказать, что в этих вопросах Бухарин оказался на мели. Бухарин на съезде отсутствует. Говорят, что он болен. Очевидно, это так. Но что отсюда следует? Отсюда следует, что всё-таки Бухарин вчера ещё мог бы хоть как-нибудь, хоть каким-нибудь способом подать свой голос о своей точке зрения по основным вопросам политики партии. (*Голоса: «Правильно!»*)

Ведь, товарищи, получается что-то совершенно уродливое. Вы все, вероятно, помните статью Мамаева в «Правде», где он развернул идеологию правого уклона. Если я не ошибаюсь, Мамаев гораздо меньше искущён в литературных делах, чем Бухарин. Так неужели Бухарин не мог ответить на поднятые там вопросы, выступив хотя бы со статьёй? Но Бухарин воды в рот набрал — молчит. А между тем, как я уже говорил, не только партия ждёт от него слова, но ждут и все те, кто вчера ещё возлагал большие надежды на пресловутый «организованный капитализм». Вот всё это невольно внушает подозрение в отношении бывших вождей правых и вызывает насторожённость партии к ним. И я думаю, что мы будем совершенно правы, если останемся насторожёнными.

У всех у нас в памяти предыдущая оппозиция Каменева — Зиновьева, к которой, кстати сказать, Бухарин и яже с ним, как вы помните, перебрасывали совершенно

определённые мосты, с которой устраивали совершенно определённую смычку и блок в своё время. Все вы помните, что каменевско-зиновьевская оппозиция махровым цветом расцвела пять лет тому назад.

...И тут Томский прав, когда он говорит, что нелегко вчера быть там, а сегодня вернуться на партийную дорогу и сознаться во всём до конца. Верно, Томский, из кулацких лап выбраться на генеральную линию партии — это дело тяжкое, дело это очень тяжёлое. У нас принято думать, что троцкизм — это неизбежное скатывание в лагерь контрреволюции. Это верно, но верно также и то, что правооппортунистические дела, если на них настаивать по-серьёзному, могут завести весьма и весьма далеко, откуда выбраться будет чрезвычайно трудно. И думаю, что надо сказать на XVI съезде партии: того, что хотела услышать партия — основного, решающего и главного, она от Томского и Рыкова не услышала.

У Рыкова сквозило, как и раньше: в сущности говоря, жизнь сняла наши разногласия; о чём говорить, зачем возвращаться к нашей старой точке зрения, к нашей платформе и т. д.?

...Индустриализация у нас идёт, коллективизация развивается, международное положение Советского Союза крепнет, социалистическая стройка идёт, ну о чём же говорить, зачем старое вспоминать? Посмотрим, как будет дальше. Одной из заповедей правого уклона, товарищи, является старая русская пословица: «поживём, увидим». Сейчас они как будто бы становятся, как это в своё время собирался сделать Троцкий, перед партией на колени и готовы сказать: вот вам наша оппортунистическая голова, хотите — её секите, хотите — милуйте. «Дайте мне возможность поработать», — взывает Томский. Кто же не давал ему до сих пор работать? Даже в то время, когда Томский был захвачен правыми колебаниями, даже в то время мы его заставляли усиленным образом работать. Не желал. После разоружения, после ноябрьского пленума, мы предоставили ему полную возможность — работай не покладая рук. Кто мешал? После этого он обращается к XVI съезду партии и говорит: «Если хотите убедиться, дайте возможность поработать». Не нужно прикидываться такими безгрешными христианами. Томский борьбу правой оппозиции с партией изобразил самым добродушным образом. Всё вышло как бы самотёком. Собрались два Ивановича и один Михаил Павлович,

что-то хлопочут между собой, а через их головы развивается совершенно антипартийное дело. Мы, говорит, конечно, держались в рамках внутривнутрипартийного положения. Могли, конечно, дескать, поднять знамя борьбы против партии, могли воспользоваться Московской организацией, но мы были скромны. Верно ли это? Ведь это, товарищи, всё-таки насквозь, говоря мягко, проникнуто лицемерием. Ведь что делал Томский на съезде профсоюзов? Это что же — не борьба? Ведь если бы у Томского там не получилось осечки, если бы он из двух тысяч делегатов на VIII съезде профсоюзов завоевал на свою сторону не семьдесят или девяносто человек, а половину или большинство, — мы знаем, куда бы он пошёл со своей правой платформой. А у него не вышло, нехватило ни пороку, ни поддержки внутри партии, и поэтому — только поэтому — он не последовал по тем путям, по которым в своё время последовали Каменев и Зиновьев в более открытой и более резкой борьбе против партии.

...В отношении квалификации пропаганды правого оппортунизма, мы остаёмся при старом решении, что пропаганда взглядов правого уклона несовместима с пребыванием в рядах нашей коммунистической партии. (*Аплодисменты.*)

Мы не на словах, не для красного словца, не для агитации и пропаганды записали в своих партийных положениях, что мы правую опасность на данном этапе социалистического строительства считаем главной и основной, и поэтому и впредь с правым уклоном мы будем вести не менее, а ещё более решительную борьбу, чем вели мы до сих пор. (*Аплодисменты.*) Наша партия правоту своей генеральной линии сейчас проверила так, как она не проверяла, может быть, её прежде. Совершенно конкретны, совершенно реальны и наглядны результаты проверки генеральной линии нашей партии, и поэтому товарищам, которые действительно искренно, по-большевистски, по-настоящему сжигают свои мосты, мы должны сказать: этого мало. Ты не только должен сжечь мосты, ты должен во всеуслышание, перед всем рабочим классом сказать, какие это мосты, из какого материала сделаны и в какое царство эти твои мосты ведут. Ты не только, Томский, должен сжечь эти мосты и мостики, по которым ты гулял до сегодняшнего дня, но ты должен с сегодняшнего дня вооружиться вместе с нами и сделать всё к тому,

чтобы вести ещё более решительную борьбу, чем мы, с теми, которые по твоему опыту стараются пробраться на эти мосты. (*Аплодисменты.*)

У нас партия революционеров, большевиков, ленинцев. Нам нужна партия действенная, активная. Мы требуем от каждого члена партии, чтобы он был в сто раз активнее на всех участках нашей работы. Я должен вам совершенно откровенно, Томский, сказать, что мы к кандидатам при переводе их в члены партии предъявляем гораздо более повышенные требования, чем те, которыми ты пытался удовлетворить вчера съезд партии. Не выйдет это, никак это не выйдет. Ведь кто перед нами, товарищи, стоял? Это Томский пришёл и так это всё изобразил, что, собственно, было и не было, хотел, да раздумал, попытался, да потом немножко не вышло (*смех*), — что это такое, что это за разговор?

...Товарищи, надо прямо сказать, каждый лишний процент темпа в нашей индустриализации, каждый лишний колхоз — всё это было достигнуто не только в борьбе с кулаком и прочими контрреволюционными элементами в нашей стране, это было достигнуто в борьбе против Бухарина, Рыкова, Томского и Угланова. (*Бурные аплодисменты. Голос из президиума: «Правильно!»*) Это же надо понять, товарищи. И после всего этого тут люди ведут душе-спасительные и добродушные речи.

Весело, конечно, выходит теперь, но мы знаем, чего это стоило, и для того, товарищи, чтобы нам обеспечить успех нашей социалистической стройки в дальнейшем, нам надо на XVI съезде нашей партии совершенно твёрдо, решительно и бесповоротно покончить с правым уклоном. (*Аплодисменты.*) Решительно, твёрдо и бесповоротно. Надо сделать всё к тому, чтобы теперь уже внутри нашей партии с правоуклонистами, активными правоуклонистами, нам не встречаться, сделать так, как поступили мы в своё время с троцкистами, в сознании того, что правая опасность — это главная и основная опасность на данном отрезке времени.

Впереди, товарищи, стоят гигантские задачи перед нашей партией; многое мы, товарищи, решили, но ещё многое нам нужно решить. Всё объективное для дальнейшей успешной социалистической стройки мы имеем.

Необходимо заботиться об основном — о том, чтобы наша великая двухмиллионная монолитная ленинская партия была действительно скалой, о которую должны разбиваться

головы всех, кто встанет поперёк дороги победоносно растущему социализму. (*Аплодисменты.*)

Этого, товарищи, требует от нас сейчас партия. Этого от нас требует и рабочий класс. Этого он от нас требует. (*Возгласы: «Правильно!»*) С такими настроениями, которые мы здесь слышали, с таким «боевым» пафосом, с которым нам здесь излагали свою точку зрения сторонники оппозиции, не выйдет, не выйдет то, что нам нужно. У нас нет никаких сомнений в том, что наша партия, вооружённая опытом многолетней социалистической стройки, сумеет обеспечить необходимые условия для своей дальнейшей победоносной работы.

С XVI съезда нашей партии мы, товарищи, выйдем ещё более подготовленными к дальнейшим боям за социализм.

Дальнейший успех будет зависеть только от того, о чём говорил в заключение товарищ Сталин, когда он сказал: «Да здравствует ленинизм!» Ленинизм, который лежит в основе политики партии, будет гарантией нашей победы не только внутри страны, но и в мировом масштабе. (*Продолжительные аплодисменты.*)

ПОД ЗНАМЕНЕМ ГЕНЕРАЛЬНОЙ ЛИНИИ ПАРТИИ — К НОВЫМ ПОБЕДАМ СОЦИАЛИЗМА!

*Из докладов на Сбъединённом пленуме Закавказского
краевого комитета и Закавказской краевой контрольной
комиссии ВКП(б) и на собрании Тифлисского актива
совместно с ЦК и ЦКК КП(б) Грузии
19—20 ноября 1930 года*

НАШИ ДОСТИЖЕНИЯ ВЫЗЫВАЮТ БЕШЕНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ КЛАССОВОГО ВРАГА

Товарищи, мы не должны упиваться нашими успехами и закрывать глаза на те трудности, которые проистекают и сопровождают нашу советскую стройку. Эти трудности идут с двух сторон: трудности, порождённые внутри нашей страны, и трудности, идущие извне. Особенно большую организацию сил, направленную против нашей советской социалистической стройки, мы встретили как раз в тот момент, когда наше социалистическое наступление развернулось широким фронтом не только в городе, но и в деревне.

Вспомните, товарищи, наши шаги, направленные к тому, чтобы на основе сплошной коллективизации перейти к ликвидации последнего оставшегося на нашей советской земле капиталистического класса — кулака. Как только мы взяли, что называется, за горло первый десяток кулаков, раздался неимоверный вопль, который стал слышен не только в нашей стране, но и за пределами нашего Союза. Кулацкий вой был услышан не только в деревне, волости, но он стал слышен кое-где на фабриках, заводах и, больше того, отразился эхом и в некоторых звеньях нашей коммунистической партии. К этому же моменту как раз созрели и те организации за пределами нашей страны, которые классовым инстинктом почуяли, к чему клонится дело, к чему клонят большевики на данном этапе развития Октябрьской революции. И отнюдь не случайно, что с нашим наступлением на кулачество совпало очень широкое распространение вредительства не только в нашей промышленности, но и в нашем сельском хозяйстве, во всей нашей государственной стройке. С этим

нашим наступлением совпал отчаянный вопль контрреволюционных сил за пределами нашей страны, с ним совпал и вопль в отдельных звеньях нашей коммунистической партии. Мы подошли к последнему барьеру, стали брать последний, решающий барьер, стоящий на пути нашего социалистического строительства, — и каждый из наших врагов понял (для этого ведь не нужно быть особенно грамотным), что если упустить решающий момент, то дальше уже будет поздно.

С этим моментом, как я уже сказал вначале, совпал и решающий перелом в нашем социалистическом строительстве во втором году нашего пятилетнего плана.

Последние два года работы по пятилетнему плану являются блестящим доказательством нашей правоты. Внутри своей страны мы повели решительную борьбу против сопротивляющегося социалистическому наступлению кулачества, пытавшегося в обострённой классовой борьбе против пролетарской диктатуры повести за собой и середняка. Мы вскрыли широчайшую сеть вредительства верхов буржуазных специалистов — агентов буржуазии и интервентов, засевших буквально во всех отраслях нашего народного хозяйства — на транспорте, в сельском хозяйстве и даже в определяющих наше социалистическое строительство плановых и хозяйственных органах. Но никому не под силу оказалось не только опрокинуть нас, но даже и затормозить нашу социалистическую стройку. И вот, чтобы испытать последнее, решающее и единственное средство, о котором говорил товарищ Ленин, враги наши попытались создать смычку между силами, действующими внутри нас, и силами внешними. Отсюда — всё то, о чём мы все на днях читали в газетах.

Я имею в виду самую крупную, самую зверскую, самую организованную контрреволюцию из всех тех, какие мы имели за последний отрезок времени. Это — работа в нашей стране так называемой «промышленной партии». То, что опубликовано в газетах и что вы все читали, — это только часть того материала, которым мы располагаем в отношении деятельности «промпартии». Помимо задач «промпартии», изложенных в обвинительном акте, и тех, что будут вскрыты в судебном процессе, который начинается 25 ноября, существовала целая система борьбы против диктатуры рабочего класса в нашей стране. Но главное и основное в том, что изложено в опубликованном в газетах обвинительном акте.

Теперь и нашим врагам ясно, что на том этапе социалистического строительства, на котором мы ныне находимся, можно так или иначе затормозить наше развитие только при сочетании всех внутренних и внешних сил, борющихся против нас. Других средств, других способов — это осознала и отечественная контрреволюция — в их распоряжении не имеется и быть не может.

В этом смысле в последующих материалах мы прочли чрезвычайно много интересного. Все эти Рамзины, Осадчие и прочие, — кстати сказать, люди умные, образованные и в политике кое-что понимающие, — все они в один голос говорят о бессилии взорвать советскую систему изнутри. И не случайно поэтому их смычка с иностранной контрреволюцией и империалистами. Рамзины, Осадчие и ниже с ними в своих переговорах с зарубежниками говорили, что мы, дескать, сделаем со своей стороны всё, чтобы вам помочь, чтобы с тыла ударить, — и большевиков травить будем, где и кого удастся, и прочее, — но всё это лишь вспомогательные средства. Решительного удара можно ожидать только извне.

НЕПРИМИРИМАЯ БОРЬБА НА ДВА ФРОНТА ЗА БОЛЬШЕВИСТСКОЕ ЕДИНСТВО ПАРТИИ

Если представить себе всю эту сеть наглядно, если представить себе чётко все препятствия, что стоят на пути нашего развития, то каждому будет ясно, какие действительно огромные, хотя, пожалуй, не каждым ещё осязаемые барьеры мы преодолеваем. Каждый наш шаг, каждое наше действие вызывает такое сопротивление, от которого — надо прямо сказать — вздрагивает время от времени то или иное звено, та или иная группа или ячейка внутри нашей партии. Это не случайно и вполне закономерно.

Если верно наше утверждение, — а оно безусловно верно, — что мы не можем строить социализм без того, чтобы внутри нашей партии не было отдельных колебаний в силу того, что стройка наша происходит в обстановке жесточайшей классовой борьбы, — то с неизбежной закономерностью будут повторяться и колебания внутри нашей партии. Едва мы только более или менее основательно надавим на наших врагов, как через невидимые нити это уже рикошетом отражается на отдельных звеньях нашей партии.

Вспомните, как возникла и развивалась у нас оппозиция в прошлом, и вы убедитесь, что возникновение и развитие каждой оппозиции сопровождало тот или иной поворот нашей политики внутри страны. Мы сделали решительный поворот, развернув широко реконструкцию нашего хозяйства, фабрик и заводов, мы перешли в социалистическое наступление развёрнутым фронтом в городе, а затем и в деревне, — и надо было ожидать, что где-нибудь, у кого-нибудь, на каком-нибудь месте да ёкнет ещё и до этого крутого поворота. Выступили против партии Рыков, Томский, Бухарин. Но заикается и спотыкается значительно большее количество, чем мы видим и замечаем. Это надо явственно понять каждому из нас.

ПРАВО-«ЛЕВЫЕ» ОПОРТУНИСТЫ — ПРОТИВ ЛИНИИ ПАРТИИ, ПРОТИВ ЛЕНИНСКОГО ЦК

Не случайно поэтому, так сказать, и рождение новой оппозиции, именуемой теперь право-«левым» блоком Сырцова — Ломинадзе. Это тоже не с неба свалилось. Сырцов «надломился» именно потому, что те огромные достижения, о которых я вам говорил, добыты нами путём преодоления очень больших и очень сложных трудностей, которым он противостоять не смог.

Вы знаете, что наша стройка идёт вверх, идёт вперёд по очень сложному пути, который не пройти сплошь с пением «Интернационала». Наш путь затруднён большими перевалами и препятствиями, преодолевать которые не так легко, — и вот как раз на таких перевалах обычно случается так, что то или иное звено нашей партии начинает дрожать. Мне сдаётся, что именно на таком серьёзном перевале — на нашей социалистической стройке в деревне — «споткнулась» и группа Ломинадзе — Сырцова, хотя оба они и отрицают это самым решительным образом.

Я приведу вам небольшие иллюстрации. Все вы знаете, с каким трудом даются нам наши новые фабрики, наши новые гиганты, наши новые заводы. Сталинградский тракторный завод мы выстроили по последнему слову европейско-американской техники — это завод, равного которому буквально нет в мире. Мы недостаточно искусны в технике, — в этом отношении мы ещё малограмотны, — но мы пригласили в Сталинград знаменитых специалистов со всего света, и как это ни трудно было, а

завод мы всё же пустили. Далее, мы строим Магнитогорский гигант. Мы и для него выписали наилучших, достаточно искушённых американских инженеров, но Магнитострой и для них новое дело, и вместе с нами они ломают над ним головы. Сами понимаете, не такая уж это лёгкая и простая штука!

Я остановил ваше внимание всего лишь на двух пунктах нашего громадного строительства, но и по ним уже достаточно видно, что, с одной стороны, у нас как будто и достижения, а с другой — не всё выходит так гладко, как хочется; завод мы выстроили, а полного пуска сразу не дали... И вот придёт домой после «трудов праведных» председатель Совета народных комиссаров РСФСР, займётся чтением материалов, полученных из ГПУ, о том, как Рамзины и Осадчие замыслили интервенцию, как уже закончились переговоры в этом направлении, как по западному берегу нашего Союза (я говорю о Румынии и Польше) создан единый фронт против нас, как всё организовано для того, чтобы взять головной штаб в свои руки, как подготовлен враг, — и плюс к этому... внутренние недочёты! Когда всё это суммируешь, то действительно — как же не «надорваться» слабому человеку! (Смех.)

Мы отдаём всё до последнего, сплошь и рядом отказываем себе в самом необходимом, чтобы наш, к примеру, Магнитогорск как следует закончить, — но ежели ты от сопутствующих великую стройку трудностей смущаешься, приходишь в смятение, то уж запутаться можно в два счёта! Это нетрудно.

Оно, собственно говоря, так и произошло. Человек, глядя на всю эту обстановку, да ещё при таком окружении (а вы знаете, в каком окружении мы иногда находимся, особенно в наших советских органах, когда на партийную ячейку, на рабочее собрание раз в полгода попадёшь, да и то по какому-нибудь весьма торжественному случаю, а тут тебе Осадчие да Рамзины готовят изодня в день всякие материалы и доклады, отравленные вредительским ядом), поистине должен иметь даже не железные, а вольфрамовые нервы, чтобы выдержать всю эту музыку, чтобы сохранить необходимую стойкость. Ведь иной раз кажется, что вот только перешагнуть порог — и дело готово, но не у каждого, оказывается, хватает для этого ног. И Сырцов, хотя он человек и высокий, оказалось, не сумел перешагнуть такой порог — дрогнул, не выдержал! (Смех.)

Что касается Ломинадзе, то пожалуй — в момент, когда мы вступили в полосу социализма в нашей стране, когда мы не на словах, а на деле осуществляем бесклассовое общество, и только бы дело делать, он вдруг — извольте радоваться!..

Отчего это произошло? Да не иначе, как оттого, что не сумел человек переварить всей сложности того переплёта, той обстановки, в которой мы сейчас находимся. А в этой обстановке есть как будто очень страшное внутреннее противоречие: с одной стороны, гигантские размахи, величайшее и усиленное движение вперёд, а с другой — угроза, которая может показаться смертельной. Это нужно уметь сочетать, а если ты этого сочетать не сможешь, то обязательно скажется та «болезнь», которой и «заболели» Сырцов, Ломинадзе и их единомышленники. Правда, «заболели» они по разным линиям: Сырцов — тот сразу на правую ногу захромал, Ломинадзе же казалось (кстати, ему так казалось не сегодня, он и раньше «задумывался» над проблемой нашего социалистического строительства), ему казалось, что крен надо больше брать «влево», заходить «полевее» — тогда лучше будет, скорее победишь, скорее построишь и скорее выйдешь из всех трудностей.

Вы, товарищи, достаточно, конечно, разбираетесь во всех тонкостях оппозиционной политики, и мне не придётся доказывать вам, что в правом лагере в конце концов обязательно окажется каждый, кто пойдёт вправо или «влево» — всё равно, — кто вообще вступит на путь оппозиции в отношении политики нашей партии. Этим я хочу сказать, что не от глупости простой происходит оппозиционное заболевание того или иного товарища, но, конечно, и не от очень большого ума. (Смех.)

Но объективно, как всё же обстоит дело? Объективно, внутри нашей страны, в нашей стройке есть такая почва, на которую если вступить без большевистских калош, обязательно, как пить дать, заболеешь. Так вышло с Ломинадзе и Сырцовым. «Заболели» они, с первого взгляда, на очень скромных вопросах. Например, Ломинадзе в ЦК партии нам доказывал: если вам по совести сказать, я давно болею таким недостатком, который иначе как фрондированием перед ЦК я назвать не могу.

Задача нашего ЦК и Политбюро заключается не в том, чтобы быть «приятными» для членов партии, для рабочего класса, для трудящегося крестьянства. Не для того там сидят люди, чтобы произносить лойяльные фразы

в отношении членов партии и прочее. Там политика! Там ничего другого нет, быть не может и быть не должно. Для того туда и посылаются люди. И если ты заявляешь, что фрондируешь перед этими организациями, то не забывай, что ты фрондируешь перед той генеральной линией, которую мы так тщательно, с таким упорством и с такой настойчивостью проводим. Фрондировать около этого дела — шуточки весьма скверные. Ломинадзе такие шуточки откалывал и раньше вместе с Стэнном и другими, но мы лечили его, исправляли, потому что дело не заходило далеко и мы приписывали это грехам молодости. Молодость ведь такое дело, что человек попадает в самых разных вещах — может он допустить некоторую несдержанность и в политике. Но на нынешней стадии дело у него пошло значительно дальше, и то, что мы могли раньше излечить у Ломинадзе, теперь пошло гораздо глубже.

ДВУРУСНИЧЕСКИЙ БЛОК НА ПЛАТФОРМЕ ПРАВЫХ

Группа Сырцова, взявшая свою идеологию, главным образом, из арсенала правых, и группа Ломинадзе и Шацкина, как будто питаемая из арсенала «слева», как известно, сблокировались. Потому ли это произошло, что обе группы были не особенно многочисленны, потому ли, что возглавлялись они людьми не шибко авторитетными в нашей партии, но факт тот, что природа возникновения и той и другой группы совершенно неизбежно продиктовала им необходимость организации единого блока для наступления на генеральную линию нашей партии и на её руководство — ЦК.

Надо сказать, что, получив первые весточки о том, что случилось с Ломинадзе — Сырцовым, мы даже не подозревали, как далеко зашло дело. Но когда нами были получены дальнейшие подтверждения и мы сопоставили их с прошлой деятельностью и того и другого, когда, наконец, они сами более подробно порассказали о своих делах, то оказалось, что в основном первые вести оказались верными. Оба они — и Сырцов и Ломинадзе — действительно заболели самой настоящей оппозиционной проказой, притом весьма злокачественной её формой. И тот и другой взяли под обстрел самые основные вопросы нашей политики.

Возьмём хотя бы одно из основных положений, выдви-

нутых Ломинадзе в его разговоре в ЦК и ЦКК нашей партии. В своих показаниях о том, как дошёл он «до жизни такой», Ломинадзе говорил, что он видел всяческие затруднения и отягощения культурно-материального бюджета нашего рабочего класса, он поведал нам, как это его тревожило и как он «вычитал в каком-то партийном документе» о том, что ЦК партии якобы стал на путь «сужения фронта капитального строительства». Тогда он, Ломинадзе, успокоился, увидев, по его словам, что партия поняла, что нужно делать. Он хотел об этом подсказать ЦК, но не успел, так как ЦК сам догадался перейти на линию «сужения капитального строительства» в нашей стране, и это его вполне удовлетворило.

Так думал и думает Ломинадзе. Я уже приводил вам последние данные о том, как на самом деле разворачивается наше капитальное строительство. Если бы ЦК ВКП(б) действительно вступил на путь «сужения фронта капитального строительства», то я первый поднял бы тарарам против такого ЦК, ибо вступить на такой путь — значит нечего больше разговаривать о социализме, значит пойти по тем рельсам, которые старался проложить, но неудачно, Бухарин, проповедывавший философию, что без кирпича здания не построишь и т. д.

С первого взгляда это как будто и бесспорная истина. Конечно, без кирпича не построишь здания, ничего не сделаешь также и без металла, но ведь не это имел в виду Бухарин, а то, что для дальнейшей социалистической стройки нам надо сначала сто раз примерить, десять раз всё взвесить, а потом уже по одежке протягивать ножки. Есть, мол, столько-то кирпича, значит дальше нечего залезать. А мы ведём работу в обстановке так называемых напряжённых планов. Мы каждому хозяйственному органу, каждому тресту, коммунальному отделу совершенно умышленно, сознательно и правильно даём такие планы, которые они, пусть пыхтя, напрягаясь, нажимая, но должны выполнить! Если же мы будем строить так, как рекомендовал Бухарин, то мы и с кирпичами и без кирпичей всё равно никакого социализма не построим.

То же самое рекомендовал нам и Ломинадзе. Он где-то «вычитал», что у нас взят курс «на сужение капитального строительства», а мы говорим, что оно у нас увеличилось на 84 процента. Это прирост суммы капитальных вложений за прошлый год. И если нам в дальнейшем

средств нехватит, то нужно будет пересмотреть все наши советские закрома и вытащить оттуда всё, что найдётся, и как можно больше.

Вы все знаете, что XVI съезд нашей партии в своих решениях совершенно определённо указал на то, что наряду с успехами социалистической стройки у нас растёт и культурно-материальное благосостояние рабочего класса. Совершенно объективными выкладками это положение доказано полностью. Цифры о состоянии зарплаты мы проверили по всем каналам, по которым только можно было проверить, и такой, например, канал, как ВЦСПС, призванный бдительно следить за состоянием зарплаты, также подтвердил, что зарплата у нас растёт, растёт во всём Союзе. Это, конечно, не значит, что где-нибудь в далёком местечке не может быть какой-нибудь заминки. Но если мы возьмём положение рабочего класса в целом, то надо быть слепым, чтобы не видеть, — как бы парадоксально это ни было на первый взгляд, — что зарплата у нас растёт на самом деле. (С места: «Правильно!»)

Я должен сказать по чистой совести, что каждый из вас, бывающий на фабриках и заводах, особенно в обстановке, выражаясь не совсем литературным языком, «бузотёрской», знает, как подчас нам бывает там трудно. Случается, когда мы говорим там о росте зарплаты, рабочие нас спрашивают: а сколько раз в месяц даёте вы нам мясо? Как известно, мясо мы даём не все 30 раз в месяц, а иногда и 20 и 15 раз. Но когда на этой основе кое-кто пытается утверждать, что зарплата у нас падает, то это только изобличает весьма примитивный подход к такому сложному вопросу.

Почему я останавливаюсь на этом вопросе? Да потому, что знаю, и надо прямо сказать об этом, что в вопросе о зарплате группа Ломинадзе — Сырцова имеет гораздо больше сторонников, чем это установлено контрольными и всякими другими органами нашей партии. Вне всякого сомнения, что на этом вопросе легче всего и чаще всего можно споткнуться.

Если достаточно того перечня вопросов, о которых я говорю, то каждый из вас легко может догадаться, из какого арсенала всё это взято оппозицией. Тут есть и от троцкизма, и от того, что в своё время выдвигали Зиновьев и Каменев, например, по вопросу о зарплате, тут есть и от Бухарина, и от Рыкова, приложил свою руку ко всему этому и Томский.

РАЗОБЛАЧИТЬ МЕНЬШЕВИСТСКО-ТРОЦКИСТСКУЮ КЛЕВЕТУ НА ПАРТИЮ, НА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Все мы знаем, какую роль в нашей работе играет такое звено, как советский аппарат, Советы. Всем ясно, что это орган диктатуры рабочего класса в нашей стране, это орган наш, коммунистический, если не поголовно, то по крайней мере в своём руководстве. За весь советский аппарат, за это наше звено в первую голову целиком отвечает соответствующая группа коммунистов, его возглавляющая и им руководящая.

А как расценивает Ломинадзе этот наш советский аппарат? Он говорит, что в нём господствует «барско-феодалное отношение к нуждам рабочих и крестьян». Ну, знаете ли, надо же уметь договориться до такой ереси, причём, договориться вслух, всерьёз, по-настоящему! Ведь так стзываются о нашем государственном аппарате только наши злейшие враги. Почитайте Керенского, почитайте «Социалистический вестник», — ведь это они изображают дело так. Все эти взгляды и Ломинадзе и Шацкий и другие позаимствовали из арсенала правых.

Сырцову всё кажется в необычайно мрачном свете. Бесюду для него тьма непроглядная. Ему мерещится, что всё становится вверх ногами, что нет никакой возможности это исправить, что не сегодня, так завтра разразится страшнейший кризис и мы попадём в преисподнюю, если нас не спасут во-время они, Сырцов и Ломинадзе. И он думал, что когда всё задрожит и мы полетим в эту преисподнюю, то он вместе с Нусиновым и другими снизойдёт к печальной судьбе партии и вытащит её из беды.

Сырцов пробовал кое с кем об этом поговорить, но у него ничего не вышло. Он мечется по Совнаркому, не спит по ночам, а Политбюро его волнений не понимает, потому что, видите ли, оно замкнулось в своей скорлупе и там высасывает из пальца коммунистическую политику. Поэтому-то не сегодня-завтра всё должно погибнуть. И вот Сырцов начинает собирать вокруг себя своих сибирских однокашников, чтобы вместе с ними попытаться спасти положение.

Словом, каждому оппозиционеру, как только он начинает формулировать свою оппозицию, как только он замыкается в свою оппозиционную скорлупу, тотчас же всё начинает казаться наоборот: что замкнулось руководство, что ничего не видит и не слышит руководство и что только он, оппозиционер, находясь в своей оппозиционной

скорлупе, всё видит и всё чувствует. О замкнутом руководстве, вы знаете, говорил ещё Зиновьев, говорил о нём и Бухарин.

Насколько я сумел, я сказал вам уже о наших достижениях. Но я умышленно не говорил о тех достижениях, которые характеризуют новые формы труда в нашем Союзе. Я уверен, что каждый из вас знает, какие новые устремления проявляются у нас путём социалистического соревнования, встречного промфинплана и разного рода новых форм работы. Мы ведь теперь даже в партию начинаем принимать по-иному; сегодня при приёме в партию мы уже подходим к рабочему, не так, как вчера. Если раньше при приёме рабочего в партию мы интересовались производственным его стажем, его политической выдержанностью и т. д., то сейчас всего этого уже недостаточно. Помимо всего указанного, теперь мы спрашиваем у рабочего: состоит ли он в ударной группе или бригаде, какое место он занимал во время проработки встречного промфинплана, какое участие принимает в борьбе за его выполнение на том участке, где он работает, и т. д. И лишь после положительного на эти вопросы ответа мы ему говорим: да, ты можешь и должен быть в рядах коммунистической партии.

На заводах и фабриках у нас большие достижения, большие успехи, но, конечно, и очень много трудностей; однако при наших новых формах и методах работы мы эти трудности преодолеваем и преодолеем окончательно. И всего существеннее то, что не только на заводах и фабриках, но, как я уже отмечал, эти новые формы труда мы мало-помалу внедряем сейчас и в деревне.

Наше строительство, гордость нашей работы, чем мы восторгаемся и что привлекает теперь величайшее внимание рабочих всего мира, — это наши новые гиганты, новые, буквально, перлы современной техники. Как же к ним относятся представители новоявленной оппозиции и тот же самый Сырцов?

Я уже говорил мельком о Сталинградском заводе, — там были неполадки, как и на всяком новом заводе, но разве это умаляет по существу наши достижения, разве это умаляет огромные размеры наших успехов, которых мы добиваемся по линии производства тракторов, чтобы освободить себя от иностранной зависимости, когда Сталинградский завод пойдёт полным ходом? Сырцов этого не видит. Для Сталинградского завода он не находит иной

аналогии, как с потёмкинскими деревнями; дескать, как тогда, так и теперь очки втирают. Сталинградские коммунисты — выходит по Сырцову — хотят лишь выслужиться тракторным заводом и обманывают общественное мнение нашей партии и рабочего класса.

Наконец, ещё одной достопримечательной особенностью новой оппозиции является то, что она с первых же дней своего существования приняла строго конспиративный характер. Это, в полном смысле слова, подпольная организация, имеющая свою чрезвычайно жёсткую дисциплину, дисциплину — молчать, друг друга не выдавать, правду ЦК не говорить.

ДВУРУШНИЧЕСТВО, ФРАКЦИОННОСТЬ— ТАКТИКА ПРАВО-«ЛЕВОГО» БЛОКА

Здесь мне особо хочется остановиться на поведении Ломинадзе. О нём принято думать, что у него душа нараспашку, что он откровенен со всяким и каждым. Ну, кажется, с кем уж тогда и быть откровенным и искренним, как не с ЦК партии? Однако Ломинадзе — «душа-парень» — с ЦК откровенничал меньше всего. Наоборот, все свои сомнения, все вопросы, которые рождались у него в голове, он тщательнейшим образом скрывал от ЦК и культивировал их в своём замкнутом фракционном кружке. Они разговаривали на самые животрепещущие для них темы о социалистическом строительстве только с Каврайскими, Нусиновыми и им подобными, а для разговоров с ЦК у них язык не поворачивался.

Это отличительная особенность новой оппозиции. Назвать её «двурушничеством» будет слишком мягко. Гораздо правильнее охарактеризовать эту оппозицию как организацию, действительно с первых же шагов принявшую совершенно предательские формы и методы работы против нашей партии. (*Голоса:* «Правильно!») Если ты член партии, — к тому же ещё и член ЦК, — если ты руководишь огромнейшей организацией, руководишь коммунистами всего Закавказья, если ты действительно увидел, что партия берёт крен в какую-то преисподнюю, и если ты обладаешь рецептом гораздо более действенным, нежели все постановления съездов и директивы ЦК, то ты должен быть последним мерзавцем и негодяем, если этого рецепта, в который ты так искренно веришь, не покажешь ЦК! Что это? Это совершенно небывалое кощунство над

ленинскими заветами партии. Каврайскому и Нусинову показать свою платформу можно, Шацкину — тоже можно, поехать в Гагры и там на панихиде над умершим Костровым развёртывать эту свою, спасающую революцию, платформу тоже можно, а вот в ЦК и ЦКК об этой платформе, в которую ты веришь, можно молчать!

Если верно то, что перед нами перспективы, снижающие материальное благосостояние рабочего класса, если это объективно совершенно точно установлено, то надо об этом сейчас же ставить в известность ЦК нашей партии. Ведь каждый из нас, когда бывает заминка с зарплатой или предвидятся временные колебания в сторону понижения её уровня, в первую голову кричит об этом ЦК. Это абсолютно оправдано всей историей нашей работы. Только в этом огромном коллективе, при общей, дружной, единой работе мы сумеем нести ту ответственную ношу, которая возложена на нас историей. А тут Сырцов — председатель Совнаркома, кандидат Политбюро, в руках которого все пружины нашего государственного и партийного управления, от которого не скрывается ничего, что делается в нашей партии, оказывается, только тем и занят, что целые ночи лежит, рыдает в подушку, стонет — «болеет» за судьбы революции и партии. Ему кажется, что кризис, надвигающийся на нашу социалистическую стройку, разразится даже не через несколько месяцев, а через несколько недель, и он, словно кисейная барышня, или сидит у себя в предсовнаркомовском кресле и «плачет» о судьбах революции, или, в лучшем случае, собирает Нусинова, Каврайского и прочих и с ними справляет тризну и «намечает пути», как выйти из положения. Но от ЦК партии эти вопросы им скрываются. Если бы, товарищи, завтра каждый из нас — я прямо говорю о совершенно невыносимом, чудовищном явлении — хотя бы на один-два дня заразился такой болезнью, то что бы это получилось? Получился бы сумасшедший дом, и мы действительно угробили бы наше социалистическое строительство.

Большевистская партия, в отличие от других партий, тем и сильна, что в своей политике, в своей линии поведения она должна быть совершенно откровенной, у нас не должно быть никакой конспирации. Ежели ты начинаешь заблуждаться, ошибаться, — партия сделает всё, чтобы помочь тебе разобраться, одуматься, опомниться, чтобы вылечить тебя как только можно и где это можно, вплоть до... заграничного курорта. Но если и это не помо-

гает, то тогда мы уже говорим: уйдите ко всем чертям и не оскверняйте наших рядов.

Сырцов, оказывается, «заболел» настолько, что стал поручать подбирать ему материалы, цифры и пр. тем самым «специалистам», процесс которых мы будем слушать 25 числа сего месяца! Это абсолютный факт. Сырцов и иже с ним готовы скорее прислушаться к голосу этих людей, нежели к голосу партии, к голосу ЦК. Среди этих людей они откровенны, им они могут говорить свою «правду», а вот с ЦК партии, даже тогда, когда их взяли за грудки, когда привели с поличным, когда всё на очной ставке уже было засвидетельствовано, они и тогда разговаривать отказывались. Внутренняя фракционность не позволяла им сразу раскрыть свои оппозиционные взгляды, и понадобилось исключить из партии — после того как была установлена принадлежность их к оппозиции — Нусинова, Каврайского и других, чтобы все эти приверженцы Сырцова — Ломинадзе рассказали нам, как, что и к чему.

Что это за нравы?! Дальше уж итти некуда! А если будет так, если такое положение будет культивироваться в том или ином звене нашей партии, то можно разложиться вконец. Со стороны и Сырцова и Ломинадзе мы видим лишь замкнутость, нежелание говорить и, больше того, клевету на партию, на её руководство. Ломинадзе, не только не всегда и далеко не везде говорил правду, но даже умышленно, сознательно подкапывался под руководство, организовывал силы против ЦК ВКП(б) и всё это скрывал. Я считаю это самым большим и самым главным преступлением, которое совершила группа Сырцова — Ломинадзе.

Оппозиционной лихорадкой они были одержимы в достаточной степени уже на XVI съезде партии. Сырцов о своих сомнениях на съезде откровенно не говорил, больше того — он уверял, что он за линию ЦК ВКП(б). Ломинадзе всюду, и в Москве, во всех резолюциях с треском, с барабанным боем кричал и клялся, что он за генеральную линию партии, за ЦК ВКП(б) и прочее и прочее, а на деле ушёл в подполье, где проводил свои оппозиционные взгляды и делал свою двурушническую политику.

Ярче всего эта двурушническая, предательская работа у Ломинадзе сказалась в известном обращении Закрайкома, выпущенном после сентябрьского обращения ЦК, а у Сырцова — в его брошюре, в докладе, сделанном в Государственной плановой комиссии.

Я не буду долго останавливаться на обращении Закрайкома. Вы все его читали, и думаю, что теперь все достаточно поняли его и разобрались в нём. Бакинцы, как вам известно, протестовали против этого обращения. Теперь, в свете событий, которые развёртываются перед нами, не подлежит никакому сомнению, что, двурушнически прикрываясь генеральной линией партии, Ломинадзе проводил в Закавказье свои фракционные взгляды и что, в частности, он провёл их через этот документ, через обращение Закрайкома.

Надо вам сказать, товарищи, что в этом деле не без греха и наши лидеры правых. Кой от кого вам, вероятно, приходится слышать такой вопрос: ну, вот, Ломинадзе «свихнулся», Сырцов «заболел», но при чём здесь Рыков, Томский и другие? Не чрезмерную ли внутрипартийную нетерпимость проявляет к ним ЦК? Но фабрики и заводы, один за другим, клеймят совершенно определённо этих лидеров правых в связи с новоявленной оппозицией Сырцова — Ломинадзе. И это не случайно. Я старался вам доказать, что весь материал, все положения, которые выдвигают Сырцов и Ломинадзе, — всё это преимущественно из арсенала правых. Но не надо забывать, что в отношении правых на XVI съезде мы вынесли весьма категорическое решение — о несовместимости правых взглядов с пребыванием в рядах нашей партии. Мы обязали — отчётливо обязали — Рыкова, Томского и Бухарина повести решительную борьбу с оппортунизмом вообще и с правым в особенности, как с главной опасностью внутри нашей партии. Но прошли месяцы, а они и до сегодняшнего дня, как в рот воды набрали, — помалкивают, очень мало выступают или, вернее, просто молчат по тем животрепещущим темам, которыми живёт вся наша партия, которыми занимался XVI съезд. Они молчат. Если они действительно решительно, твёрдо и бесповоротно порвали с оппозицией и раскаялись в своих заблуждениях, тогда надо не только открыто и членораздельно об этом заявить, но и повести вместе с партией борьбу против уклонов. И это молчание — в то время, когда партия оберегает генеральную линию от наскоков «слева» и справа, в то время, когда все вредители, один за другим, документально свидетельствуют о том, как они обрабатывали отдельных представителей нашей партии, находящихся в том или ином советском плановом органе.

Надо понять, товарищи (сейчас это полностью установ-

лено), что нашими врагами, заговорщиками и контрреволюционерами, оказались такие люди, как Осадчий, являвшийся не кем иным, как заместителем председателя Госплана СССР, членом Центрального Исполнительного Комитета, человеком, который был вхож во все наши советские учреждения, который участвовал в составлении пятилетки. Ведь все эти Осадчие и Рамзины в один голос признаются, что у них была несомненная надежда на победу правых на XVI съезде. Вредители не сомневались, что победит правое крыло, и потому, мол, заявляют они, мы всячески старались помочь правым, вплоть до того, чтобы, если бы на съезде правым изменило мужество, пойти на физическое уничтожение вождя коммунистической партии и его ближайших помощников, лишь бы организационно закрепить торжество правых.

Если Рыков, Томский и другие на словах признают и как будто разделяют все решения нашей партии, а на деле этого ничем не доказывают, то у нас невольно возникают сомнения: чего тут больше — неискренности или двурушничества? Такое поведение лидеров оппозиции порождает и культивирует подобное же поведение у Ломинадзе, Сырцова и людей несколько меньшего масштаба.

В партии создаётся совершенно небывалое явление, явление, какого не бывало ни при какой оппозиции, явление, представляющее собою опасность на данном отрезке времени. Это — двурушничество, это — формальное признание генеральной линии партии, а на деле — подпольная работа против неё, против партии.

Вы знаете, в чём это проявилось здесь, у нас. Надо вам сказать, что, конечно, там, во всём Союзе, оппозиция Ломинадзе и Сырцова особого потрясения не произвела. Но здесь, в Закавказье, являвшемся ареной деятельности Ломинадзе, где он возглавлял Закавказскую организацию, вы знаете, что случилось, вы знаете, что сейчас переживает Закавказская организация, которая ему верила — верила гораздо больше, чем это нужно было, шла за ним в полной уверенности, что он совершенно беззаветно осуществляет генеральную линию партии, поддерживала его как только могла.

И что же получилось в результате именно этого двурушничества Ломинадзе? Получилось то, что в частности в Грузинской организации не было никаких подозрений в отношении Ломинадзе до самого последнего времени. Закавказское руководство, надо прямо сказать, с того

момента, как было установлено двурушничество, предательство Ломинадзе, растерялось настолько, что до самых последних дней мы, в сущности говоря, пребываем без закавказской партийной верхушки. Это положение неизбежным рикошетом прежде всего и в первую очередь отразилось на Грузинской партийной организации, затем в достаточной степени на Армянской, и лишь Бакинская организация, к чести её надо сказать, во-время сигнализировала опасность «знаменитого» обращения. Рабочий ных Бакинской организации подсказал ей, что в обращении Заккрайкома что-то не всё благополучно, но этого было недостаточно в частности для Грузинской организации и общего Закавказского руководства. До самых последних дней в Закавказском руководстве всё ещё проявлялась такая растерянность, такая нерешительность и расхлябанность, что мы только сегодня, на только что закончившемся объединённом пленуме ЗКК и ЗККК, организовали новую партийную власть для Закавказья. А до этого прошло немало времени, немало дней, играющих решающую роль в нашем строительстве.

Мы здесь, в особых условиях закавказской жизни, воспитаны так, что взаимное доверие, панибратство, дружба, землячество имеют чрезмерно большое значение. А это и послужило благодатной почвой для Ломинадзе и в значительной мере облегчило его предательскую работу. Многие, сами того не замечая, являлись орудием в его руках. Зная его чуть не с детства, сызмальства, веря ему, считая его стопроцентным большевиком, некоторые товарищи облегчили ему протаскивание установок, которые далеко не соответствовали генеральной линии нашей партии. В частности драка с бакинцами по вопросу Закфедерации. Я только здесь, на месте, сумел досконально разобраться в этом. Ломинадзе построил всё очень хитро и изворотливо. Для того чтобы иметь свою арену в Баку, для того чтобы иметь на своей стороне Азербайджанский и Бакинский комитеты, — он понимал, что в лоб ему идти нельзя, — он решил обвинить бакинцев в том, что они якобы препятствуют укреплению Закфедерации, что они якобы делают всё, чтобы отмежеваться от Закавказского руководства, от других республик, входящих в Закфедерацию, и хотят обособиться на своём Апшеронском полуострове. На этом можно поймать, и очень легко. И не подлежит никакому сомнению, что многие на это поддались, и драка, которую вёл Ломинадзе с Бакинским

комитетом (это тоже установлено), поддерживалась очень многими именно под флагом защиты и спасения Закавказской Федерации. Если бы это дело продолжалось дальше, то, несомненно, назрела бы угроза федерации, но только с другого конца, а не со стороны Баку. Ломинадзе насадил бы в Баку таких людей, которые если бы и не были его полными единомышленниками, то во всяком случае беспркословно делали бы всё, что он им предлагал бы.

Вот какими методами и способами завоёвывались Ломинадзе и другими отдельные звенья, связывающие Закавказскую Федерацию.

Я должен сказать, — и как будто на сегодняшнем объединённом пленуме ЗКК и ЗККК это никем не оспаривалось, — что и до самого последнего времени многие и многие всё ещё не поняли полностью, досконально, до дна всего того, что происходит. Многие ещё не понимают, что борьба происходит вокруг решающих, принципиальных вопросов нашей партийной политики и что Ломинадзе запутался в этом деле как безнадёжный оппозиционер, что он дошёл до такого градуса фракционного состояния, когда помимо всех прочих средств к нему надо применить и самые решительные организационные меры.

Таково единодушное мнение пленума Закавказского крайкома, и я думаю, что перед самыми крайними организационными мерами в отношении группы Ломинадзе не остановится и настоящая аудитория. Мне думается, что только это заставит его опомниться, передумать, изменить и проревизовать свои взгляды.

Слишком уж далеко зашло дело, а мы в Закавказье не полностью отдаём себе в этом отчёт. Для того чтобы теперь помочь Ломинадзе, — раз уж дело пошло на то, — надо шарахнуть его как следует, шарахнуть так, чтобы он, наконец, очухался, опомнился, если вообще он ещё способен когда-нибудь опомниться.

Сегодня на объединённом пленуме ЗКК и ЗККК — не помню кто — очень хорошо сказал, что нам препятствуют в усвоении всей глубины принципиальной борьбы с Ломинадзе наши земляческие, товарищеские и всякие групповые чувства, доводящие нас временами до политического бесчувствия. Это абсолютно верно. А в политике должно быть как раз наоборот, и в особенности в данный, весьма ответственный и сложный период.

В этом отношении Закавказское руководство и в частности Грузинское, несомненно, проявили совершенно

исключительную растерянность. Вместо того чтобы — как только в их руках оказались совершенно непреложные материалы ЦК ВКП(б) — выйти на нашу большевистскую площадь и кликнуть клич — что, как и почему случилось, вместо того чтобы немедленно взять бразды правления в свои руки и начать решительную расчистку всего того, что облепляло Ломинадзе, вместо того чтобы поставить всё и всех на свои места и потребовать от всех и каждого из нас выполнения генеральной линии не за страх, а за совесть, — руководство растерялось и только машет руками.

Дело не только в том, чтобы во-время дать политическую оценку положению, а и в том, чтобы во-время и немедленно развернуть работу. Этого у нас не было, и это самый основной наш недостаток.

В БОРЬБЕ НА ДВА ФРОНТА, ПОД РУКОВОДСТВОМ ЛЕВИНСКОГО ЦК, ЗА ПЯТИЛЕТКУ, ЗА БОЛЬШЕВИСТСКУЮ СТРОЙКУ, ЗА ПОСТРОЕНИЕ СОЦИАЛИЗМА В СССР

Какие практические задачи стоят сейчас перед Закавказской организацией? У республик Закавказья имеется целый ряд недомок в отношении выполнения плановых заданий. Республики Закавказья имеют долг перед ЦК ВКП(б), а нам приходится две недели заниматься убеждением друг друга, ходить с одного собрания на другое, кочевать из одной республики в другую, прорабатывать, вырабатывать все эти резолюции и т. д. Надо сказать, что наша работа в Закавказье вообще проходит не с той быстротой, не с той напористостью, какая сейчас нужна. Объясняется это теми самыми отношениями, которые всё ещё царят здесь.

Я должен указать, что наряду с борьбой со всякого рода оппозиционными уклонами нам надо по возможности быстрее устранить те традиции, которые у нас ещё не изжиты, — это в отношении «дружбы» и т. д. Я за дружбу, но политика — прежде всего. Когда дружат люди, находящиеся на разных полюсах, и когда из-за дружбы они не желают прямо ставить друг перед другом отдельные политические вопросы, то это — вред для партии, и с этим злом мы будем всё чаще сталкиваться, если мы во-время не сумеем устранить примат дружбы.

Пусть нам не кажется, что все вопросы ясны и т. д. Нам надо все материалы, которых вполне достаточно в нашем распоряжении, самым тщательным образом проработать во всех ячейках, вплоть до самых низовых, чтобы

каждый член партии совершенно отчётливо понял, в чём дело. Когда он это поймёт, тогда легче ему будет выкорчёвывать остатки ломинадзевщины, которые безусловно здесь имеются, да и не может их не быть. Тогда он совершенно твёрдо и сознательно будет выравнивать то положение, в котором мы оказались, это даст нам лишнюю энергию и большую напористость для того, чтобы крепче навалиться на разрешение текущих практических задач, стоящих перед нами.

Важнейшая для Закавказья задача — это поставленная ЦК ВКП(б) задача укрепления Закфедерации. Эта директива дана была ЦК год тому назад. Кое-что в этом направлении уже сделано, но я должен сказать, что пока сделано больше формально, чем по существу. Работы ещё непочатый край.

Постановление ЦК совершенно чётко формулирует задачи, стоящие перед Закфедерацией. В этом постановлении говорится, что органы Закфедерации, игравшие в первый период по преимуществу политическую роль, обеспечившие успешное развитие закавказских национальных республик, укрепление диктатуры пролетариата и упрочение национального мира, должны в нынешний период сосредоточить свои усилия на хозяйственном социалистическом строительстве в национальных республиках, их индустриализации, технической и социальной перестройке сельского хозяйства.

Текущие наши вопросы в Закавказье — нефть и хлопок. Особенно по хлопку Закавказская организация имеет большой долг перед ЦК ВКП(б).

В начале доклада я говорил о перестройке на социалистических началах нашей деревни, в том числе и закавказской, правда, не в такой степени, как делается это в решающих зерновых районах. В этом отношении национальные районы отодвинуты, так сказать, на вторую очередь, но и то, что им полагается разрешить в эту вторую очередь, — позвольте вам засвидетельствовать, — для этого почва ещё не подготовлена. Да не только коллективизации ждёт закавказская деревня. Разрешите вам прямо сказать, что в некоторых районах, например в Ганджинском и Шамхорском, деревни ждут организации Советской власти. И это после тринадцати лет существования Советской власти! Там ждут и тоскуют по Советской власти, — а уж при таких обстоятельствах нечего говорить о действительных успехах коллективизации, о колхозном

строительстве. С этим надо возможно скорее покончить, а для этого в первую очередь надо восстановить во всех звеньях Закавказской организации генеральную линию нашей партии, трудами Ломинадзе и его приспешников поколебленную, опороченную, а местами даже осквернённую.

Вот как обстоит дело.

Товарищи! Начиная от ячейковых собраний, вплоть до последнего объединённого пленума, закавказские партийные организации давали очень много твёрдых обещаний бороться за генеральную линию партии. Но борьба эта должна заключаться не только в том, чтобы послать соответствующую телеграмму или дать соответствующее обещание. Она заключается в том, чтобы выполнять все наши хозяйственные задачи. Я говорил и ещё раз говорю: Закавказская партийная организация работает у южных дверей Советской страны. В эти двери империалисты стучатся самым настойчивым образом, и чем быстрее мы будем выполнять задачи, выдвинутые ЦК ВКП(б) перед Закавказской, тем скорее мы усилим мощь и обороноспособность нашего великого Союза в целом. Каждый процент невыполнения промфинплана, каждый недобор хлопка, чая, табака, нефти и пр. есть не что иное, как подрыв общей мощи, подрыв обороноспособности нашей страны.

Само собой разумеется, что успехи нашей борьбы тем больше будут облегчены, чем скорее мы изживём передряги, заострим внимание на решающих участках нашего социалистического строительства и не покладая рук — и в печати, и на собраниях, и в ячейках широко развернём нашу работу.

Всяческие двурушнические действия необходимо разъяснить каждому рабочему, каждому члену партии, колхознику, бедняку, батраку. Каждый должен понять, что только один путь есть у нас для преодоления всех затруднений — это путь генеральной линии нашей партии, и никакой иной.

Чтобы обеспечить исход этого боя в нашу пользу, нам необходимо в оставшиеся два года пятилетки работать буквально не покладая рук.

Товарищи, помните, что осуществление пятилетки — это победа идеи коммунизма не только внутри, но и за пределами нашей страны. Победим пятилеткой не только остатки наших внутренних врагов, но победим всю капиталистическую систему.

За работу, за пятилетку, за мировую революцию! (*Бурные аплодисменты, переходящие в овацию.*)

1931 год

ЗАДАЧИ ПАРТИИ НА ТЕОРЕТИЧЕСКОМ ФРОНТЕ ¹

*Доклад в ленинградском отделении Комакадемии
в январе 1931 г.*

Наше сегодняшнее собрание является, пожалуй (если подобрать громкое слово), историческим в жизни Ленинградской организации.

Комакадемия существует уже порядочно времени, но как-то всё получалось так, что мы не находили времени поговорить по вопросам, которыми занимаются работники Комакадемии.

Отсюда, мне кажется, и проистекают трудности нашего первого собеседования по столь важным вопросам. Тем не менее, если учесть итог работы последнего объединённого пленума ЦК и ЦКК, если постараться сразу поставить в поле зрения те задачи, которые записаны в этих решениях, то каждому будет ясно, что осуществить, выполнить и разрешить эти задачи на протяжении ближайшего отрезка времени, скажем, на протяжении настоящего года, мы сможем только в том случае, если действительно сумеем мобилизовать весь наш актив всей нашей партии, всего рабочего класса. Мне кажется, что если говорить об отдельных группах нашей партии, нашей организации, так надо совершенно твёрдо сказать, что задача, роль и значение квалифицированных кадров нашей партии, разной квалификации, сейчас представляются особенно ответственными.

Если посмотреть поверхностно, если можно так выразиться, на те задачи, которые мы сейчас перед собой выдвинули, может даже показаться, что, в сущности говоря, ничего особенного в них нет, что те вопросы, те задачи, которые перед нами стоят, они, так сказать, являются продолжением вчерашнего дня, ничего тут прин-

¹ Сокращённая стенограмма доклада. — *Ред.*

ципиально-отличного от вчерашнего нет, и, пожалуй, дело скорей в количестве, чем в качестве. Это далеко не так.

Об этом свидетельствует то центральное место в наших решениях, которое говорит, что мы в наступившем хозяйственном и календарном (которые совпадают) году завершим строительство фундамента социализма в нашей стране. Если это так, а это так, то отсюда, конечно, вытекает то кардинальное, решающее новое, что сейчас выступает в нашей работе на ближайший отрезок времени.

Но, прежде чем об этом говорить, я хотел вам напомнить ту сложность обстановки, которая окружает нашу социалистическую стройку.

Я, к великому сожалению, не располагаю ни временем, ни возможностью, чтобы дать вам подробную картину этого положения, я напому вам (боюсь стать очень популярным), напому то обстоятельство, которое сейчас является основным во всей международной жизни и вокруг чего вращаются все вопросы международной политики нашей и международной политики вообще — это кризис, который сейчас переживает капиталистический мир. Я не буду возвращать вас к характеристике этого кризиса.

Надо лишь сказать, что всё то, что мы по этому поводу говорили, всё это целиком и полностью сейчас подтверждается. Кризис протекает на фоне общего распада мирового капитализма.

Он гораздо болезненнее, гораздо тяжелее переносится капиталистической системой, чем все прошлые кризисы, хотя бы по одному тому, что капитализм находится в монополистической стадии своего развития. Это в огромной степени осложняет дело и создаёт такое положение, в котором действительно и по сей день не видно просвета. Вы знаете, что теперь уже трудно найти такую капиталистическую страну, которая так или иначе не была бы охвачена этим самым кризисом. Не нужно приводить общих мест, общих данных для характеристики этого дела, так как это вы все знаете и знаете, что этот кризис является самым серьёзным и самым глубоким из всех капиталистических кризисов, бывших до настоящего времени. Когда мы впервые выдвинули это положение, оно казалось для многих и многих, не только наших противников, но и даже некоторых наших сторонников, преувеличением. Теперь это ясно, справедливость этой формулировки абсолютно доказана.

Все вы понимаете, что в основе кризиса лежит перепроизводство. Интересные цифры публикует в этом отношении Варга. Они относятся к сентябрю 1930 г., но они достаточно любопытны и показательны.

Есть один из показателей, на основании которого можно судить безошибочно, что будет с кризисом в данной стране или во всём капиталистическом мире завтра. Хорошим барометром этого дела являются запасы, во-первых, сырьевые запасы, готовые быть двинутыми на фабрику, и, во-вторых, продукция капиталистической промышленности. Количество того и другого определяет, что будет завтра: можно ли надеяться на то, что снова создастся соответствующее равновесие и производительные силы найдут новые звенья, за которые зацепятся, и вся эта капиталистическая машина завертится вновь, вовлекая, возбуждая новые и новые звенья производительных сил.

Так вот что получается:

Если взять запасы предыдущего года за 100, то каков будет коэффициент за 1930 г.?

Каменный уголь в Германии и Бельгии . . .	. 481
Медь (электролитная) (тут имеется в виду главным образом Америка) .	. 381
Цинк (США)	. 257
Шёлк-сырец (Япония)	. 364
Каучук (США и Великобритания) .	. 158
Кофе .	. 137
Олово .	. 165
Хлопок .	. 153

О чём это говорит? Это говорит о том, что несмотря на стремительнейшее сокращение производства во всех странах, несмотря на то, что в капиталистических странах десятки миллионов безработных, когда промышленность сплошь и рядом используется только на 50% своей мощности и таким образом выпуск товара сокращается в невероятных размерах, — запасы всё ещё такие, которые превосходят предыдущие годы.

Вы можете задать вопрос: может быть, с готовыми товарами дело обстоит иначе?

Вот данные, относящиеся к 1929/30 г.:

Если в 1923—1925 гг. соответствующую продукцию взять за 100, то получается следующее:

По разного рода товарам в 1929 г. общий индекс получается 122, в 1930 г. — 150 (в 1½ раза больше, чем был в 1923 и в 1925 г.). Промышленные изделия в 1929 г. —

121, в 1930 г. — 127. Железные и стальные изделия в 1929 г. — 132, в 1930 г. — 134.

Вот эта небольшая справка, она должна дать яркую иллюстрацию того, насколько можно надеяться, что кризис в ближайшие месяцы, в ближайшие даже годы может, так сказать, рассосаться. Ведь если взять с обратной стороны, прежде всего вы должны будете получить показатели того, что эти запасы товаров начинают рассасываться, т. е. перепроизводство каким-то образом ликвидируется, и таким образом является новая возможность дальнейшего развёртывания производства. До середины прошлого года мы не видели не только сокращения этих запасов, но видели их увеличение.

То, что мы говорили относительно судьбы капиталистической стабилизации, развёртывания революционного движения среди рабочих масс, всё это на ближайший период времени обеспечено целиком и полностью.

К чему я это веду, товарищи? Я веду это к тому, что все эти вопросы сейчас, в работе нашей большевистской теоретической мысли, должны найти совершенно определённое, совершенно отчётливое отражение. Очевидно, этим вопросом нам нужно, не переставая, заниматься и развёртывать эти самые вопросы всё глубже и больше изучать их во всех деталях, потому что кризис действительно носит исключительный характер, и если говорить с точки зрения пророчества на завтрашний день, надо сказать, что очень трудно быть уверенным в том, что, вообще говоря, капиталистическая система из этого тупика, в котором она оказалась, сумеет выбраться, чтобы, так сказать, безболезненно, но чтобы вообще можно было выйти на те рубежи, на которых эта капиталистическая система находилась накануне мирового кризиса, — скорей можно утверждать как раз обратное. Я говорил вначале, что кризис, который развернулся теперь, это кризис не обычного порядка, это не тот кризис, который, как бывало раньше, затронет капиталистическую систему, а после этого с новой силой, с ещё большей жадностью разворачиваются в капиталистических рамках производительные силы капиталистической системы со всеми проистекающими последствиями. В отношении этого кризиса мы говорили, как вы помните, о том, что этот кризис, если не везде, то, во всяком случае, в ряде капиталистических стран, неизбежно перерастает в кризис политический. И вот это обстоятельство, имеющее огромное зна-

чение для дальнейшего развёртывания революционного движения рабочих масс Западной Европы и Америки, играет, как вы знаете, решающее значение. Так вот сейчас подтверждений тому, что этот кризис местами перерастает в кризис политический, подтверждений этому много искать не приходится, в этом нет никаких сомнений.

Все вы, конечно, знаете, что самой удобоваримой для капитализма государственной формой является буржуазно-демократическая республика. Она всеми своими гранями прилажена именно к тому, чтобы капитализм чувствовал себя «как у Христа за пазухой». Это высшая форма, высшая государственная оболочка для максимального развёртывания всех возможностей в системе капитализма.

Что получается сейчас?

В самой классической, так сказать, стране парламентаризма и буржуазного демократизма — в Англии — не только со стороны консерваторов, но даже и со стороны отдельных представителей английской меньшевистской партии сейчас выдвигается вопрос о необходимости образования такого правительства, которое бы гарантировало английскую промышленность и английскую государственность от дальнейших неизбежных потрясений. Там уже говорят: довольно иметь дело с отдельными партиями, всё это чепуха, а надо просто-напросто доверить руль государственного управления пяти наиболее изысканным, наиболее опытным и прожжённым политическим, финансовым, экономическим и прочим деятелям; им передать всю полноту власти, пусть они расправляются с верхней и нижней палатой, «как бог на душу положит», но чтоб была настоящая твёрдая власть.

Может быть, это звучит некоторым анекдотом в английской обстановке; может быть, это ещё недостаточно серьёзно. Но, товарищи, если события будут развёртываться дальше так, как они развёртываются сегодня, — завтра эти разговоры встанут самым серьёзным образом.

Это, я говорю, пока-что звучит анекдотично, но что звучит совершенно не анекдотично, это то, что происходит сейчас в Германии.

Ведь там, в сущности говоря, от всего парламентаризма в самое ближайшее время может ничего не остаться. Кризис этой самой политической системы абсолютно налицо.

Не стоит и говорить о том, что происходит в Польше, которая одна из первых вступила в экономический кризис, на которую особенно тяжко этот кризис давит, и где пере-

ход в полосу политического кризиса абсолютно наличо. Там нет сейчас никакого сейма, никаких парламентов, и для того, чтобы поддерживать эту самую расшатывающуюся капиталистическую экономику, пану Пилсудскому придется прямым насилием проводить целый ряд мероприятий.

Короче говоря, самая покладистая для капиталистической системы форма государственного существования — буржуазно-демократический уклад — сходит на-нет, и от него в ряде стран остаётся всё меньше следов.

Почему это происходит? Да потому и происходит, что дело зашло настолько далеко, что сейчас уже нужны какие-то сверхординарные формы для того, чтобы так или иначе ещё удержать эту расшатывающуюся капиталистическую систему, расшатывающуюся не по дням, а по часам.

Отсюда совершенно не случайно появление фашистской партии, которую мы сейчас имеем наличо почти во всех странах. На данном отрезке времени это особенно резко выступает в той же самой Германии. Приход фашистов там уже, в ряде каналов теперешней германской политики, становится фактом. Конечно, никакие парламенты там уже не действуют, а действует эта самая гитлеровская банда, которая всё больше и больше идёт к диктатуре. Нужны уже сверхординарные меры для того, чтобы как-то ещё удерживаться в той обстановке, в которую сейчас ввержена сама капиталистическая система.

Таким образом и то положение, которое многими и многими оспаривалось (считалось необоснованным то, что в ряде стран современный капиталистический кризис неизбежно будет перерастать в кризис политический), мы теперь уже видим совершенно реально, совершенно объективно подтверждающимся. Повторяю, это второе обстоятельство играет тоже очень большую роль не только для общей мировой политики, но и для нашей советской политики на данный отрезок времени. Ведь тут осложнение теперь получилось ещё и потому, что просвета нигде не вырисовывается, и потому, что уже нет ни одной страны, которая не была бы охвачена этим самым кризисом, и потому, что для ликвидации этого кризиса отрезаны уже самим историческим ходом развития современной экономики те возможности, которые практиковались обычно раньше. И вам теперь станет ясным то положение, которое там создалось. Ведь если раньше было перепроизводство,

можно было искать для него выход где-то на другом материке, где-то в колониях, и проч. Теперь положение другое. Сейчас вышло так, что делить уже нечего, всё разделено, особенно, в последнюю империалистическую войну. Теперь всё разделено настолько, что сейчас нет живого места, которое стало бы поглощать с большого капиталистического стола его продукты.

Наконец, если прибавить к этому, чего не было раньше, существование нашего Советского Союза, который также выключается из системы возможного использования для капиталистов, — то станет ясным, как тяжело, безвыходно положение капитализма.

Вся обстановка мирового капитализма и гигантские успехи социализма в СССР усиливают опасность войны против Советского Союза. Когда мы говорим о том, что интервенция никогда не была так близка, как сейчас, между прочим, мы имеем в виду именно положение капитализма, потому что ход капиталистического развития сейчас таков, что вольно или невольно, хочешь или не хочешь, для любого буржуазного правительства создаётся такая перспектива (мы-то понимаем, что эта ложная перспектива возможности плодотворного выхода из положения, но для них это может показаться и не ложным) — попробовать одну из возможностей, найти отдушину из той очень густой атмосферы, которая там создавалась, путём похода против СССР.

У нас есть очень много данных, помимо того, что мы обнаружили на процессе той же самой «Промпартии», помимо всего этого, по разным каналам мы уже имеем всякого рода сведения, говорящие о том, что опасность интервенции в СССР, именно в силу положения, в котором оказался сейчас капитализм в Европе и Америке, сейчас гораздо ближе, неизмеримо ближе, чем когда бы то ни было.

Ведь надо прямо сказать, что капиталисты всегда были не прочь предпринять поход против СССР. Вы это прекрасно понимаете. Но ведь надо же сказать и то, что никогда II Интернационал не был так увязан в этих интервенционистских замыслах, как сейчас. Если меньшевики будут отрицать то, что они замышляют интервенцию в 1930 г. и сейчас в 1931 г., то разрешите усомниться.

Я веду это к тому, что эта самая политика интервенции сейчас находит сторонников не только у самых непосредственных классовых врагов наших, но даже и у таких

людей, как предатели II Интернационала, которых некоторая часть рабочих до сих пор рассматривала как друзей. Они никогда нашими друзьями не были, они всегда были нашими врагами, а в последнее время они стали активными сторонниками интервенции.

Вспомните философию того же Вандервельде, который побывал в нашем Советском Союзе. Возвращаясь к себе домой, он распространял против нас всякого рода слухи, но, как только вопрос доходил до того, что СССР угрожает война, он говорил, что этого допустить нельзя. Он говорил: «Сами сгниют, сгниют на корне».

А сейчас и более пацифистски (если можно так выразиться) настроенные из них другого выхода не видят.

Ставка на наше перерождение окончательно бита.

Нет выхода, хочешь или не хочешь, будь ты двадцать тысяч раз пацифист, если сегодня ты не поставил в порядок дня вооружённую борьбу против Советского Союза, завтра ты это обязательно поставишь и запишешь потому, что надо сказать, что тут действительно столкновение капитализма и коммунизма.

Столкновение между этими двумя мирами неизбежно в ближайший исторический этап. И вот сейчас мы видим совершенно резкий, совершенно твёрдый и решительный поворот, поворот даже, повторяю, II Интернационала, у которого на знамени сегодня написано: «Интервенция в Советский Союз». Вчера этого не было. Вчера они думали, что всё-таки все наши фантастические планы столкнутся со всяческими препятствиями и пр. и пр. Но вот жизнь шла и шла всё успешней и успешней, развивалась социалистическая стройка из года в год, сейчас они видят, что на этом месте ожидать реального перерождения нашей революции, ожидать, что практика нас победит, что революция обанкротится — не приходится, и поэтому твёрдо и прямо ставится вопрос об интервенции в Советскую страну. Это обстоятельство имеет огромное значение, и если мы отдаём себе ясный отчёт в том, в какой стадии развала и разложения находится сейчас капиталистическая система, если до конца продумать все те установки, которые мы дали, — ничего неожиданного не будет в том, как себя, скажем, ведёт тот же самый Абрамович. Иначе и быть не может.

Если раньше могли быть такие мнения у отдельных

лиц, то только потому, что они недооценивали глубины кризиса, который сейчас разъедает капиталистическую систему. А поскольку мы это себе представляем, следует логически, что не только Пуанкарэ, не только Бриан и прочие жрецы капитализма хотят интервенции в СССР, но им на помощь идёт, конечно, и II Интернационал.

Вот почему, между прочим, изучение современного мирового кризиса приобретает первостепенное мировое значение для нашей непосредственной социалистической работы внутри нашей страны.

Всяческий кризис интересен, а теперешний, мировой, со всеми его особенностями, представляет сугубый интерес. Можно сидеть на любой полочке Комакадемии и этим вопросом заниматься, но это интересно не просто само по себе, а интересно для того, что мы сегодня делаем внутри нашей страны, для нашей социалистической стройки. Потому что, когда мы говорим: надо быть на-чеку—это совершенно правильно, но надо определённо знать, кто и как должен быть на-чеку. Для этого надо очень внимательно изучать те процессы, которые сейчас в капиталистической системе происходят.

Это обстоятельство должно лечь в основу теоретической работы для того, чтобы мы действительно по-настоящему вооружились.

Для того, чтобы вооружиться по-настоящему в той обстановке, которая нас сейчас окружает, для этого необходимо внимательнейшее изучение через соответствующие органы нашей партии мирового кризиса. Это крупнейший вопрос сегодняшнего дня. Он не просто сам по себе интересен, а он диктуется необходимостью, это диктуется нашим сегодняшним существованием. В современной обстановке надо следить, каким образом развивается, зреет, организуется то необходимое большинство в среде рабочего класса Европы и Америки, которое в конечном счёте решит судьбу капитализма.

Вы знаете, что бросаться в бой за революцию ни одна из стран не сможет, пока необходимое большинство рабочего класса не встанет на новые позиции.

Надо вам сказать, что никогда действительно ожесточение против нас не росло в такой степени, как в настоя-

щий период. В иностранных газетах читаешь, что никакой интервенции не предполагается, что большевики всё это придумывают. Но всё это — одна видимость. А по существу надо прямо сказать, что более энергичного наступления на нас, чем то, которое ведётся в настоящее время, мы давно не видали.

Я не буду повторять тех решений, которые у нас вынесены последним пленумом Центрального Комитета партии, эти решения иначе как историческими назвать нельзя. Но тут нам надо условиться только об одном, — что теперь речь идёт не только о том, чтобы ещё раз подтвердить правильность тех решений, которые мы приняли, сейчас идёт речь о том, чтобы действительно в максимальной степени мобилизоваться вокруг всех этих вопросов. В них выражена программа нашей дальнейшей социалистической стройки и в городе и в деревне. Я хотел только сказать, что с завтрашнего же дня, с сегодняшнего дня, с настоящей минуты ещё раз и ещё раз требуется огромнейшая мобилизация вокруг всех этих вопросов, причём должен сказать то, что мы на всех собраниях повторяем, по-моему правильно, что сейчас, на данный 1931 год, речь идёт не только о количественных показателях, о количестве нашей работы, вообще о всех количествах, — речь идёт о качестве более, чем когда бы то ни было. И не так надо понимать это качество, чтобы всякая пепельница была лучше, чем делалась до сих пор.

Она должна быть лучше.

Но надо сказать, что качество нашей стройки решительно меняется и дальше будет изменяться, как никогда.

Мы с вами живём в таком периоде, когда мы в СССР с капитализмом в основном рассчитались, но коммунизма ещё не достигли. Мы вступили в период социализма, хотя до построения социалистического общества ещё далеко.

Нет никакого сомнения в том, что и в период социализма наше движение вперёд не будет совершаться гладенько из года в год.

Когда мы говорим о качестве, когда записано в наших решениях, что мы в 1931 году завершим фундамент социалистической стройки, надо всё громадное значение этого факта понять. Тут речь идёт не только о том, что наши доходы будут достигать 49 миллиардов.

Надо поднять качество всей работы вообще и качество

нашей теоретической работы. Вот мне сдаётся, что вся теперешняя наша обстановка и вот этот ответственный перевал, который мы переживаем, требуют и от нашей теоретической мысли гораздо большей остроты, гораздо большей мобилизованности, чем, например, несколько лет тому назад.

Мне кажется, вы должны со мной согласиться, что если верно, что мы сейчас проходим огромный исторический этап, то как раз на этом ответственном этапе наша теоретическая мысль и её развитие приобретают колоссальную важность.

Поэтому вопрос об этом самом качестве я хочу поставить гораздо шире, чем мы иной раз привыкли думать. Может быть тут нужно подобрать другое слово. Требование повышения качества распространить решительно на все области нашей работы и в том числе, далеко не в последнюю очередь, распространить и на нашу теоретическую мысль.

О качестве, скажем, промышленной и сельскохозяйственной продукции очень часто говорилось. Это — уже общее место. Но я напирал особенно на необходимость повысить качество работы именно тех наших организаций, которые призваны, в первую очередь, воспитывать и двигать вперёд нашу теоретическую мысль.

Тут я вам комплиментов говорить не собираюсь, но один из вопросов, обращённых ко мне, гласил: «Какое место Комакадемия должна занимать в нашей Ленинградской организации?»

Если коротенько ответить, то надо сказать, что Комакадемия должна стать идеологическим и организационным штабом развёртывания теоретической работы в нашей организации.

Это налагает весьма и весьма большие обязанности на Комакадемию, и в частности — на нас, руководителей нашей Ленинградской организации. Если кто-нибудь думает, что Комакадемия может занять какое-нибудь другое, более скромное положение, тогда может стать вопрос: нужно ли вообще такое учреждение?

Так дело обстоит сейчас. Оно так просто и коротко сформулировано, а ставит очень большие задачи перед вами и перед нами и перед всеми нами, вместе взятыми.

Я приведу один-два примера. Мы очень часто говорим о перестройке работы. У нас, ведь, нет ни одной органи-

зации, которая бы не ставила первым пунктом своей резолюции: «Недостаточно перестроились, недостаточно перестроились...» Так начинается каждая резолюция.

Так, по-моему, пора перестать с этого дела начинать, а надо действительно перестраиваться буквально по всем звеньям нашей работы.

Я скажу по собственному опыту — огромные затруднения даже в этой перестройке мы претерпеваем потому, что как следует не можем обмозговать, как это перестроить, что перестроить, чтобы дело пошло более форсированным темпом, чем до сих пор.

Колоссальные задачи стоят перед нами. Возьмём для примера перестройку профсоюзов. Как она вырисовывается в данный момент?

Возьмём Союз металлистов. Я не знаю, сколько членов он насчитывает, но это настолько грандиозная армия, управлять которой из одного штаба — ЦК Союза металлистов, при том огромном многообразии отраслей, которое называется металлопромышленностью, — надо быть сверх-Архимедом, чтобы с этим делом справиться.

Возьмём Союз горнорабочих. Все вы знаете роль топлива. Туда входят, как две главные ветви наших пролетариев, горняки и нефтяные рабочие.

Скажите, что общего между той и другой отраслью промышленности? Я сегодня говорил: общее то, что и тот и другой продукт — чёрный, но и это не всегда. Тот и другой вынимается из земли, но мало ли что вынимается из земли! Общее найти трудно, а разницу найти легко. Иная техника, иные методы — разное всё. Никакой нефтяной рабочий не может быть хорошим углекопом, хорошим забойщиком и т. д. Почему же эти обе отрасли должны быть в одном союзе?

Любое из этих дел возьмите, и вы придёте к следующему заключению: если мы действительно хотим стать лицом к производству, то слишком мало будет притти в фабзавкомы и говорить по поводу зарплаты, соцстраха и проч. Теперь, если ты хочешь помогать и повернуться лицом к этому производству, то, если у тебя тут турбостроение, — ты должен знать, что это такое, как, из чего, иначе — грош цена твоему руководству. А если это так, надо это всё дифференцировать, ограничить отдельной отраслью.

Коснёмся другого вопроса, поставленного ликвидацией безработицы. Когда у нас была порядочная армия безра-

ботных, то трудно было найти рабочего, который бы не пожелал быть членом профсоюза, и вы понимаете, почему. Не только потому, что он совершенно сознателен, зрел и проч., не только поэтому. А каждый приезжающий от сохи, из деревни, у которого насчёт сознания слабовато, как только приезжает в город, он знает, в какой союз обратиться, как туда можно вклиниться, потому что, не будучи членом профсоюза, найти работу было трудно.

А что сейчас получается? Мы сейчас переживаем огромный недостаток рабочей силы в ряде отраслей. На одном из очень крупных заводов под самой Москвой, в нескольких десятках километров от Москвы, 60% рабочих не состоят членами профсоюзов.

Мы только теперь начинаем в это вглядываться, и не подлежит никакому сомнению, что если мы соответствующим образом не перестроим свою работу, то это и дальше так пойдёт, потому что прямая заинтересованность отпала, так как сейчас не рабочий ищет работу, а работа ищет рабочего. Так что в этом отношении надо создавать какие-то новые стимулы для вовлечения в профсоюзы.

С одной стороны, мы сейчас видим на фабриках и заводах совершенно исключительные, новые, социалистические формы труда, мы видим такие явления, как у нас в последние дни хозяйственного года для стопроцентного выполнения промфинплана люди работали сверх урока на заводах, вопреки нашему запрещению сверхурочно работать, и отказывались от какой бы то ни было сверхурочной оплаты. Значит, мы подходим к тому положению, когда труд для организованного звена рабочего класса не становится предметом существования, когда работают не потому, что иначе не проживёшь, если не станешь работать, но как раз наоборот — появляются проблески того, чем должен быть труд в коммунистическом обществе.

С другой стороны, на этом же самом этапе 60% рабочего слоя по отдельным предприятиям не состоят членами профсоюза. Тут нечему удивляться, это противоречие, обусловленное характером той эпохи, которую мы с вами переживаем. С одной стороны — полнейший расчёт, всё более и более усиливающийся расчёт с остатками капиталистической системы, но эти остатки ещё сохраняются, и, с другой стороны, — нарастающие элементы нового коммунистического отношения к работе. Здесь громадный участок теоретической деятельности наших организаций, как, скажем, Комакадемия.

Наши задачи в деревне, в частности в Ленинградской области, огромны. Если мы их не осветим настоящим прожектором теории, все уголки нашей деревенской работы, — уверяю вас, что наша задача в деревне очень и очень усложнится.

Деревня нашей Ленинградской области очень своеобразна. Она во многом отличается от деревни чисто сельскохозяйственной области.

Тут много разных условий, перечислять которые нет никакой надобности. Но вот кардинальный, решающий вопрос социалистического строительства в деревне — это наше колхозное строительство.

Все мы понимаем, что укрупнённые хозяйства, обобществление — это всё замечательно. Мы это понимаем и во всех резолюциях пишем. Но как это делать? И тут, оказывается, это гораздо сложнее. Что крупное лучше, чем мелкое, — это ясно, но как это крупное организовать — это не совсем ясно и сплошь и рядом очень и очень неясно.

Организация крупного общественного хозяйства в земледелии требует самого предельного внимания теоретической мысли.

В заключение должен сказать одно: что, если мы будем по-настоящему думать о повышении качества всей нашей работы, то нам надо, в отношении нашей Комакадемии, те решения, которые вынесены Областным комитетом партии, возможно сильнее развернуть по линии практического осуществления. Я знаю, что там много трудностей, всё это абсолютно верно. Но так же верно и то, что надо извлечь максимум того, что можно извлечь из Комакадемии для успеха работы нашей партии.

Надо сделать так, чтобы работа Комакадемии была увязана теснейшим образом с проведением основных задач, которые стоят как в частности перед Ленинградской организацией, так и перед всей нашей партией в целом.

Я думаю, что до настоящего времени этого у нас не было в необходимой степени, в какой надо. Я просматривал кое-какие материалы до сегодняшнего заседания. Вот, скажем, если взять работу нашего Института истории в 1930 г.: у вас там 43 темы были, там есть много интересного, много любопытного, история прошлого занимает немало места (*смех*), но иногда бывает, что чем дальше в историю заглянешь, тем менее глубоко

занимаешься историей (*смех*). Я думаю, что в том смысле, в каком нам нужна история, известная нам — ленинцам, большевикам, непосредственным строителям социализма, — я думаю, для того, чтобы углубить работу исторического института, надо заняться более близкими историческими темами.

Например там есть IV век — Греции, это очень далеко, да и с практикой нашей работы мало связано. Где там вспоминать Александра Македонского, не глубже ли будет, если поближе возьмём.

Это не значит, что запрещено читать Канта и проч. — это всё нужно. Но надо читать то, что действительно сегодня помогло бы нашему социалистическому строительству, чтобы это было прожектором, который освещал бы пути нашего соцстроительства.

Под этим углом зрения и вынесено решение Обкома партии, которое, наверное, известно работникам Комакадемии. Может быть там чего-нибудь нехватает, но одно для нас ясно, что жизнь и деятельность такого высоко-необходимого учреждения, как Комакадемия, должны быть увязаны с практикой нашей работы, должны явиться не просто лабораторией теоретической мысли: где-то, что-то, откуда-то. Отнюдь нет, нужно, чтобы всё это было самым непосредственным образом увязано с тем генеральным планом, генеральной линией, которая у нас есть. В этом отношении Комакадемия может нам оказать громадную помощь.

Я вам приведу два примера, совершенно прозаических, которые потерпели некоторый ущерб именно потому, что мы не посмотрели на проведение этих вопросов достаточно основательно теоретически.

Я хочу сказать о нашей финансовой реформе. В основе реформа, безусловно, правильная. Но то, что мы, с самого появления, не осветили эту финансовую реформу со всех сторон острым теоретическим прожектором, — привело к тому, что в ряде сторон эта самая финансовая реформа ударила очень и очень отрицательно по всему нашему народному хозяйству.

Второй пример. Мы совсем недавно провели громадную работу по реорганизации нашего транспорта. Все мы, конечно, знаем, и ещё Маркс говорил, что без транспорта... и т. д. социализма не построишь. Мы и решили, что раз так — транспорт необходимо реорганизовать. Эта реорганизация началась без достаточно всестороннего освеще-

ния всех перемен, вносимых перестройкой. Теперь мы должны вновь заниматься транспортом.

Тут, может быть, скажут: вот тебе на, Комакадемия, ленинизм, марксизм! Транспорт затормозился — теоретическая мысль во-время не подспела. Но, товарищи, это именно так. И вот, если мы сумеем это взаимодействие между практикой нашей работы и теорией установить, не подлежит никакому сомнению, что через некоторый промежуток времени, когда мы встретимся с вами снова, мы тогда с несколько иными итогами придём в нашей общей работе и в частности — в работе Комакадемии. Ещё раз и ещё раз повторяю, глубокую ошибку сделаем мы, если будем думать, что чем ближе к победе, тем меньше мы нуждаемся в марксистско-ленинской теории. Никогда ни в одну эпоху эта теория не играла такого колоссального значения, какое она играет сейчас.

А к великому сожалению, если говорить в порядке самокритики, когда мы подбираем кадры для наших научных учреждений, у нас до сих пор даже ни сил, ни средств не оказывается, мы даже, шутя, бросаем такие фразы: «Подумаешь, нашёл чем заниматься — доцентурой», если у нас пятилетка в программе дня! Надо здесь произвести перелом, надо добиться этого, это нужно во что бы то ни стало!

Каждое теоретическое положение освещает нашу социалистическую стройку, оно в буквальном смысле слова становится достоянием миллионов и миллионов трудящихся, и чем ближе будем подвигаться к социализму, тем более почётное, более достойное положение будет занимать и теоретическая мысль, хотя не будет того разрыва между, скажем, трудом интеллигентным и трудом рабочего человека, именно потому, что теория и теоретическая мысль всё больше и больше должны становиться уделом не только избранных. (Аплодисменты.)

ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА — РЕШАЮЩЕЕ ЗВЕНО КОЛХОЗНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

*Из речи на совещании секретарей райкомов ВВП(б)
и председателей райисполкомов
29 июня 1931 года*

МЫ НЕ МОЖЕМ МИРИТЬСЯ С ПРОРЫВОМ НИ НА ОДНОМ ИЗ УЧАСТКОВ РАБОТЫ

Очень большой и важный вопрос, который в данном случае решает всё дело, вопрос — как расставить силы, кто на какой работе должен быть. Помимо этого, каждый должен иметь перед собой точный, конечно, не математически точный до сотой процента, а хозяйственно-точный план всей работы, о чём мы не первый раз нашим районам говорим и чего, к великому сожалению, отнюдь ещё нет. Мы всё ещё продолжаем работать кампанейски, от случая к случаю, и эта кампанейщина часто становится основным методом работы.

Безусловно, что уборочная кампания требует от нас большого напряжения сил, как указывали некоторые товарищи. Это верно, ибо без напряжения социализма не построишь, но то, что при этом напряжении легче работать по хорошо составленному плану — вряд ли кто станет оспаривать. Нам предстоит не только уборка урожая и осенний сев (в частности большие задачи по зяблевой вспашке и подъёму целины, от выполнения которых зависит успех весенней кампании будущего года), но нам надо полностью выполнить и торфозаготовки, и лесосплав, и лесозаготовки, и т. д., и когда всё сразу сложишь, кажется некоторым, что выполнить это будет очень трудно. Однако, если всё продумать и заблаговременно организовать как следует и, главное, времени не терять, то весь этот план, несмотря на всю напряжённость, мы в состоянии выполнить, а в некоторых частях и перевыполнить.

Когда мы смотрим на отдельные задания, то надо понять, что они не являются разрозненными участками работы, а частью общего хозяйственного плана, чего многие до сих пор никак, к великому сожалению, понять не могут. Мы до сих пор ещё толкуем и целую дискуссию раз-

водим по вопросу об отходничестве. И я каждый раз на каждом совещании говорю, что у нас почти половина бюджета крестьянина, в том числе и колхозника, — так называемые неземледельческие заработки. Это надо понять. Поэтому нельзя смотреть на такие работы, как лес и торф (особенно эти работы), как на что-то чуждое сельскому хозяйству. Это основная часть плановой работы в нашем сельском хозяйстве, план именно таким образом и надо составлять. Совершенно правильно в нашей резолюции записано, что, пока сенокос не наступил и хлеб убирать нужно будет не скоро, надо сейчас же переключиться и выполнять задания по лесозаготовкам, сплаву и т. д.

Возьмём такой вопрос, как дрова. Мы живём в области, богатой лесом, никто нам извне леса не завезёт, и мы сами должны программу дровозаготовок выполнить во что бы то ни стало. Некоторые районы говорят, что у них не хватает рабочей силы для лесозаготовок. Когда говорят о недостатке рабочей силы, я могу только ответить, что в условиях, когда всё предоставляется самотёку, может случиться, что рабочей силы нехватит. Если заготавливать на человека по кубометру в день, то наверняка нехватит. Но люди, знающие лесное дело, говорят, что два человека в районе заготовок могут дать в летнее время от 10 до 18 складочных кубометров древесины в день. А чтобы нельзя было найти в области для тех же дровозаготовок 30 тысяч людей на сравнительно короткий промежуток времени, чтобы этих людей нельзя было как следует организовать и поставить дело по-настоящему, — это совершенно несостоятельное утверждение.

Вопрос о торфе — не менее острый вопрос. Ведь только подумайте, товарищи: если мы, благодаря своему неумению, неорганизованности, безрукости не сумеем эти 30 тысяч рабочих бросить на дровозаготовки, не сумеем выделить нужную рабочую силу на торф, — что получится? А после этого будем говорить — «Мы, конечно, за генеральную линию партии, мы, твердокаменные большевики, «левым» и правым уклонистам даём сокрушительный отпор». А на деле что получится? Худшее проявление правого уклона, чем лишение рабочих и промышленности топлива в результате оппортунистического самотёка, вряд ли найдёшь. Надо, товарищи, при составлении районных планов, которыми мы все должны заняться, все эти задания учесть.

Производственные планы колхозов должны охватывать задачи, связанные с отходом колхозников на лесо-торфопереработки.

Важнейшим участком является наша финансовая работа. Финансовый план выполняется районами области из рук вон неудовлетворительно. Когда облфо приводил цифры денежных заданий, некоторые районные работники говорили: тут и сельхозналог, и заём, и самообложение, и прочее. А как, вы думаете, всё это проходит в городе? Только благодаря напряжённой работе наших организаций нам удаётся в кратчайший срок разместить новый заём. На основе глубокой работы в цехах, на фабриках и заводах мы добились крупных побед.

В городе нам это удаётся, в деревне мы пока ещё так работать не научились, но обязаны это сделать как можно скорее.

Несколько слов скажу о заготовках.

Мы поставили этот вопрос сейчас раньше, чем в прошлом году. Мы готовимся к нему лучше и, я думаю, добьёмся лучших результатов. Но нужно помнить, что и тут самотёком дело не пойдёт. Тут нужна организованность, правильная расстановка сил, энергичнейшая мобилизация общественности, и в первую очередь колхозной общественности, для того чтобы заготовительный план выполнить.

УДАРИТЬ ПО САМОТЁКУ—ВЕСТИ ДЕЛО ПО-БОЛЬШЕВИСТСКИ

В заключение несколько слов относительно методов работы. Я говорил относительно плановости — вы понимаете, что нужно было бы сказать по адресу планирующих органов несколько слов. С кампанейскими методами работы нужно покончить; нужно в 1931 году, почти накануне второй пятилетки, научиться работать по-настоящему, по плану. Это в значительной степени облегчит нашу работу. Имейте в виду, что план — не отвлечённая штука, выдуманная экономистами, а необходимейший элемент социалистического строительства.

Без плана социализма не построить.

К сожалению, надо сказать, что у нас вместо плана в ряде мест наблюдается самый настоящий самотёк, — нужно это прямо сказать. Идёт этот самотёк до тех пор, пока не хватятся, не ударят в колокола. А после этого начинаются такие явления, о которых вы лучше меня знаете, особенно в районах, отдалённых от железных дорог, ли-

шѣнных хорошей связи, — начинается спешка, горячка, пока, наконец, после большой затраты сил, дело не идѣт на выправление.

По самотѣку нужно ударить как следует, нужно вести дело по-настоящему, по-большевистски. Тут церемониться решительно не приходится, потому что иначе, кроме вреда и разложения, ничего не получится.

С другой стороны, нужно предостеречь в нашей работе от увлечения голым администрированием.

Путѣм голого администрирования, без организации масс, без проверки своих решений дело не пойдѣт, при таких условиях наша социалистическая стройка не двинется ни в городе, ни в деревне.

О «МЕЛОЧАХ», НА КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ ВОСПИТЫВАТЬСЯ РАБОТНИКИ

Затем, товарищи, — об этом мы тоже, кажется, не раз говорили, — я бы хотел обратить внимание на вопрос о так называемых «мелочах». Я тут хочу указать вот на что: мы говорим об организации труда в колхозе, но до тех пор ни один из вас не сможет это дело поставить по-настоящему и понять все трудности, пока вы сами не скупѣтесь в это дело непосредственно, иначе у вас ничего не выйдет. Вот, председатель рика или секретарь райкома, возьмите и поезжайте в один из колхозов, попробуйте организовать дело. И тут, уверяю вас, первое, что потребует, — это объяснить, что такое трудодень, учѣт и т. д. И вы сами тогда должны будете понять значение этих «мелочей», так как колхозник вас об этом спросит, бригадир спросит, как записать, и прочее. И вы всё это увидите на деле, в жизни, вы поговорите с практиком, вас потянет к литературе, вы почитаете соответствующую книжку и т. д. И вот на этих «мелочах» и воспитывается работник. Низовой практик в этом сможет вам во многом помочь (беру практика, конечно, честного, хорошего работника): он укажет вам на то новое, что есть сейчас в деревне, потому что хотя вы и работаете в деревне, но не думайте, что вы всё знаете, там есть много нового, и то, что вчера считалось последним словом агротехники, сегодня уступает место другому, там, где, казалось, вчера нельзя было сеять, — сегодня можно, и результаты ещё лучше, чем раньше. Практик всё это нам даст при условии, если мы выедем на место и поглядим, что и как на месте происходит.

Мелкие детали в работе, о которых даже может быть иной раз, кажется, смешно говорить, они решают дело; и вот кто за это конкретное звёнышко большой или малой цепи или цепочки возьмётся, тот увидит, как сразу потянется ряд вопросов — один к другому. Так происходит выращивание кадров, помноженное на наш опыт и достижения. Таким образом мы сможем избежать тех крупных ошибок, которые часто делаем.

ВЫШЕ КАЧЕСТВО РУКОВОДСТВА

Товарищи, я просмотрел перечень районов, которые у нас идут впереди, и тех, которые отстают, и оказалось, как правило, что в тех районах, в которых на партийную работу и на работу сельсоветов обращено соответствующее внимание и подобраны люди, дело идёт лучше, а в тех районах, где районные организации на сельсоветы и партиячки обращают мало внимания, дело не движется. Это факт, и в этом нет ничего неожиданного.

В отношении партийности имеется такая справка: у нас в области 9200 колхозов, а колхозных ячеек всего-навсего 500 с чем-то, комсомольских ячеек также немного.

Укрепление сельсоветов и развитие массово-партийной работы по преимуществу является нашей основной задачей, если мы хотим двигать дело не только на сегодняшний день, а на более продолжительное время.

Здесь сетовали на работу областных организаций, и жалобы эти в значительной мере основательны. Я думаю, что если говорить всерьёз и по-настоящему, то наши областные организации далеко ещё не достаточно гибко и конкретно руководят. Правда, мы могли бы привести кучу «объективных» обстоятельств — дальность расстояния и прочее, но всё это не исчерпало бы изъяснов и недочётов, которые имеются.

Трудности есть, но есть и большие возможности реально улучшить руководство. Возьмём живое руководство и живую помощь районам. Цифры я приводить не буду, но если сложить областные аппараты, партийные, советские, кооперативные и т. д., — везде есть инструкторы, их очень большое количество, в среднем выйдет по несколько человек на район. Мы посылаем их, они ездят, вы их видите. Правда, говорят, что они бывают больше в районах, близких к железной дороге, и это верно. Он поедет, побудет некоторое время (вот как говорили насчёт кооперативных гастролей), потом уедет и пишет докладную записку

своему шефу: тут безобразия, там неполадки и прочее. А спросите, как он помог на месте исправить, — на этот счёт как-то туго. Надо поставить дело так, чтобы посылаемым людям давать конкретные задания: поезжай в районный комитет или рик, поменьше командуй, поменьше изображай ревизора, а помоги работать, поделись опытом, помоги настроить дело и посиди, пока его не закончишь. Вот, когда доведёшь дело до конца, — тогда выезжай.

Живое руководство и инструктаж, изучение областными организациями районов — это необходимейшая вещь. Правда, известный сдвиг в этом направлении есть, некоторая дифференциация руководства устанавливается, но этого ещё недостаточно.

Если отчётливо себе представить этап, на котором мы находимся, и те задачи, которые перед нами стоят, если помнить, что мы — большевики и что мы способны и не такие горы преодолевать и в более трудной, более опасной и более сложной обстановке, если мы так подойдём к решению наших задач, то я убеждён, что в кратчайший срок мы добьёмся перелома на всех отстающих участках и добьёмся такого выполнения плана, какое достойно Ленинградской области, возглавляемой таким городом, как город Ленина.

Товарищи, надо понять каждому, что сейчас надо работать засучив рукава. Надо помнить, товарищи, одно, что, когда мы начинали великую социалистическую стройку, мы сказали себе, и совершенно справедливо, что в нашей стране имеются все объективные условия для того, чтобы строить и построить социализм. Это было, товарищи, ещё несколько лет тому назад. Теперь уже никто не ставит вопроса: можем или не можем строить? Каждый видит, чувствует и понимает, что мы не только можем, но строим успешно и действительно победоносно. Но для того чтобы ещё успешнее, ещё победоноснее строить, для того чтобы скорее выйти на ещё более широкую, просторную дорогу социалистической работы, — надо навалиться со всей силой на проведение в жизнь намеченных партией решений. Не забывайте того, что наша большевистская партия всегда отличалась от всех других партий тем, что она слово не отделяет от дела, тем, что свои решения она твёрдо проводит, невзирая ни на что, потому что эти решения правильные, единственно возможные и действительно победоносные.

К НОВЫМ БОЯМ И ПОБЕДАМ!

*Из доклада на I Ленинградской городской
партиконференции 12 декабря 1931 года*

ОБРАЩЕНИЕ ЦК И СОВНАРКОМА¹ — БОЕВАЯ ПРОГРАММА РАБОТЫ

Мы много и часто говорим, и правильно говорим, что на нашу долю выпала почётная историческая роль — переработать, перевоспитать старого человека, сделать из него нового человека, достойного современной эпохи. Большая задача, но мы не всегда правильно подходим к её разрешению. Иногда возникают разного рода бытовые коммуны, в которых коммунизма вначале как будто все 100%. Продолжается это примерно месяца три, полгода, потом коммуна разваливается на составные элементы. Это происходит потому, что люди спешат, торопятся, неправильно понимают, одним словом, боком подходят к разрешению этой огромной проблемы, а между тем это задача, от которой не отмахнуться и которой не разрешить одним наскоком.

Я, товарищи, отнюдь не выступаю в качестве противника бытовых коммун. Есть коммуны, организованные на здоровой основе, которые живут и будут жить. Но надо, товарищи, понять, что на данном этапе нашего социалистического строительства задача массовой реконструкции быта, — я подчёркиваю, массовой, так как речь идёт о реконструкции быта не тысяч или десятков тысяч, а сотен тысяч и миллионов рабочих семей, — разрешается иными путями, а не путём бытовых коммун. Вот послушасм жен-

¹ Обращение ЦК ВКП(б) и СНК Союза ССР за подписью товарищей Сталина и Молотова ко всем партийным, профессиональным и комсомольским организациям Ленинграда 3 декабря 1931 г.

ЦК и СНК поставили перед Ленинградским комитетом партии и Ленинградским советом задачу в 1932 г. приступить к усиленному развёртыванию работ по реконструкции городского хозяйства и в первую очередь — жилищного строительства, городского транспорта и водоснабжения. — *Ред.*

*С. М. Киров выступает с речью на I съезде
колхозников-ударников Ленинградской области.
1933 г.*

щину, работницу. Она правильно сетует на то, что ей приходится стоять у плиты, нянчить ребят, возиться со стиркой, что все эти обязанности падают на неё, что из-за них она подчас не может принять достаточно активного участия в общественной работе, не может повышать свою квалификацию и т. д. Послушаем жену рабочего, так называемую «домашнюю хозяйку», которую эти три обязанности: уход за детьми, стирка и кухня, приковывают к дому и не дают возможности пойти на завод, на фабрику. Вот по линии именно этих важнейших практических, на первый взгляд прозаических, вопросов должна разрешаться задача социалистического преобразования быта. Это можно сделать, конечно, не путём фейерверка, тут надо систематически и настойчиво двигаться по всему фронту, тут надо наладить работу и общественной прачечной, и общественной столовой, и общественных яслей, и школы, и детской площадки, и всех бытовых и культурных институтов. Только тогда полным ходом пойдёт в быту старое высвобождение, настоящее перевоспитание старого человека в нового, социалистического. Все эти вопросы, товарищи, как будто элементарны, настолько само собой разумеющиеся, что, казалось бы, нет нужды о них говорить. Между тем это не так. Мне кажется, что мы не всегда держим в памяти, особенно в практической работе, то положение, о котором нам говорил товарищ Сталин:

«Нужно понять, что условия существования рабочих изменились у нас в корне. Рабочий ныне — не то, что раньше. Нынешний рабочий, наш советский рабочий, хочет жить с покрытием всех своих материальных и культурных потребностей и в смысле продовольственного снабжения, и в смысле жилищ, и в смысле обеспечения культурных и всяких иных потребностей. Он имеет на это право, и мы обязаны обеспечить ему эти условия»¹.

Это указание товарища Сталина должно быть положено в основу нашей дальнейшей работы.

Через год мы с вами закончим нашу первую пятилетку. В 1932 году мы должны будем развернуть напряжёнными темпами работы по подготовке второй пятилетки нашего социалистического строительства.

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 336, изд. 11-е.

Если в первую пятилетку мы закончим построение фундамента социалистической экономики в нашей стране, то легко понять, какие колоссальные задачи встанут при осуществлении второй пятилетки. Эта пятилетка не только должна дать нам дальнейшие огромные достижения в деле электрификации, индустриализации и механизации всей нашей страны, не только решительным образом продвинуть нас к тому, чтобы догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны, но она должна также поднять материальный и культурный уровень нашего советского рабочего на недостигаемую при капитализме высоту.

Вот почему, ещё раз повторяю, на июньском пленуме ЦК вопрос о культурно-жилищно-бытовых нуждах наших рабочих был со всей остротой поставлен в порядок дня нашей практической работы. Вы знаете, что часть решений июньского пленума уже осуществляется, но к значительной части их мы только теперь начинаем подходить вплотную и по-настоящему. ЦК не мог поставить задачу сразу и развернуть реконструкцию коммунального хозяйства одновременно по всем пунктам нашей огромной страны. Пришлось установить соответствующую очередность, выдвинуть на первое место наиболее ответственные, наиболее ведущие области и районы нашего Союза и с них начинать. Все вы помните, что начали мы эту работу с Москвы, теперь переходим к Ленинграду. Уже есть решение ЦК о Нижнем-Новгороде. В ближайшее время последует решение и в отношении других наиболее крупных районов и пунктов нашего Союза.

Недавно ЦК ВКП(б) и Совнарком нашего Союза опубликовали чрезвычайно важное решение в отношении Ленинграда. Это решение ставит перед нами, товарищи, не только важную, но и весьма трудную задачу, которую мы должны разрешить во что бы то ни стало. Я не буду вдаваться в детали этих решений, вынесенных ЦК ВКП(б) и Совнаркомом Союза, а остановлю ваше внимание только на основных цифрах. В 1932 году мы должны будем вложить в жилищно-коммунальное хозяйство Ленинграда 290 миллионов рублей. Для того чтобы понять, что это такое, нужно вспомнить, что в текущем, 1931 году мы в наше жилищно-коммунальное хозяйство вкладываем около 70 миллионов рублей, а в будущем году должны будем вложить 290 миллионов, т. е. больше в четыре с лиш-

ним раз а. В течение 1931 года мы построили с грехом пополам немного более 200 тысяч квадратных метров новой жилой площади, а в 1932 году должны построить 1 миллион 200 тысяч квадратных метров, т. е. в шесть раз больше того, что мы строим в этом году. Чтобы привести вам ещё иллюстрацию, я должен сослаться на пример более «опытных» муниципалитетов. Возьмите, например, ту же Вену, знаменитую меньшевистскую Вену, которую они всем показывают: там за 12 лет в коммунальное и жилищное хозяйство вложено всего-навсего 240 миллионов рублей на наши деньги, а мы за один год в наше городское строительство должны будем вложить 290 миллионов рублей.

Мы должны будем в 1932 году приступить к решительной реконструкции ряда решающих отраслей нашего городского хозяйства. Все вы знаете, как перегружен наш трамвай, особенно в часы, когда рабочие едут с работы и на работу. Нужно сказать, товарищи, что это далеко не маленький, ведомственный «откомхозовский» вопрос. Если, скажем, в Нарвском районе живёт всего треть всех рабочих, работающих на территории района, а две трети ездят, если в Московском районе живёт одна пятая, а остальные ездят, если в Выборгском районе на ряде заводов, по свидетельству партийных организаций, основной причиной спозданий на работу является перегрузка трамвая, то надо, товарищи, понять, что вопрос о трамвае — не мелкий вопрос, что от него в известной мере зависит и выполнение промфинплана и здоровье и удобство многих сотен тысяч рабочих и трудящихся. ЦК и Совнарком постановили в наступающем 1932 году расширить трамвайный пассажирский парк на 450 вагонов, проложить 55 километров нового трамвайного пути, закончить в 1932 году постройку главных трамвайных мастерских. Одновременно с этим решено значительно увеличить число работающих в Ленинграде грузовых машин, дать 370 автобусов и 500 такси, а также восстановить водно-пассажирское движение по Неве, для чего уже в течение 1932 года пустить 40 катеров. Проведение всех этих мероприятий, при условии, конечно, если мы уделим им достаточное внимание, позволит нам в значительной мере ликвидировать теперешнюю перегрузку трамвая.

Радикальные мероприятия намечают решения ЦК и Совнаркома и по другому важнейшему звену нашего коммунального хозяйства — по водопроводу. Мы уже

сейчас имеем такое положение, когда наша водопроводная станция работает с предельной нагрузкой, когда расход воды настолько велик, что в некоторых районах, например, в Нарвском, бывают случаи, когда вода не подаётся даже в третий этаж, когда вопрос о водоснабжении грозит стать узким местом в работе некоторых наших фабрично-заводских предприятий.

Решения ЦК и Совнаркома намечают проведение работ, обеспечивающих увеличение мощности главной водопроводной станции до 90 тысяч кубометров суточной подачи воды и окончание к началу 1933 года строительства первой очереди Южной станции мощностью в 160 тысяч кубометров суточной подачи. Одновременно с этим решён вопрос о приступе в 1933 году к строительству Ладужского водопровода, которое должно уже целиком и полностью разрешить вопрос о снабжении Ленинграда достаточным количеством чистой и здоровой воды.

Постановлением ЦК и Совнаркома решено начать постройку нового моста через Неву (у фабрики «Красный ткач»). Я не могу подробно останавливаться на вопросе о мостовых, набережных, мостах, канализации и т. д.; я хочу выделить только два вопроса: о банях и прачечных и о газовом хозяйстве.

Постановление ЦК и Совнаркома предлагает осуществить в 1932 году в Ленинграде строительство 5 бань и 3 банно-прачечных комбинатов. Все вы знаете, какое большое значение имеет баня с точки зрения гигиены и санитарии и просто с точки зрения бытовых удобств. И вот в связи с этим я хотел обратить ваше внимание на одну маленькую деталь, на одну мелочь, которая, однако, не является такой мелкой, как это кажется с первого взгляда. Всем известно, что у нас нехватает бань, что подчас стоят очереди, люди ждут, чтобы помыться, и т. д. Объясняют всё это объективными причинами, теснотой старых бань, разрушением их в военные годы и т. д. Всё это верно. Ну, а скажите, какими объективными причинами можно объяснить то, что в банях нехватает шаек? А очереди стоят не только потому, что в бане места нет, но и потому, что шаек меньше, чем мест. Попал в баню — и сиди, мыться не можешь, шайки нет, а если и есть, — она дырявая. Вот это явление, товарищи, оно тоже имеет свои причины, и причины отнюдь не объективные, а причины, имя которым — глупость, халатность и разгильдяйство. Я это, товарищи, говорю к тому, что нужно не только по-

строить новые бани, нужно решительным образом улучшить существующее банное хозяйство. Нужно, товарищи, чтобы у нас не было таких фактов, какие мы имеем сейчас, что в бане на 370 мест 150 шаек, большинство дырявых; вода из шаек течёт, а на стенах повсюду плакаты: «Экономьте воду». Это, товарищи, не придумано, это факт. Решение ЦК специально ставит вопрос о прачечных. У нас, в Ленинграде, имеется, оказывается, завод, который снабжает оборудованием прачечные всего СССР, выпускает 600 комплектов в год, а с маленькой задачей — открыть в этом году 38 механизированных прачечных — мы справиться не могли. Это безобразие, товарищи, но это факт, и на этот участок мы сейчас должны навалиться.

Последнее, на чём я хотел остановиться, — это вопрос о газовом хозяйстве. Имеющийся в Ленинграде газовый завод бездействовал за всё время революции. Сейчас постановление ЦК и Совнаркома предлагает форсировать работы по восстановлению газового хозяйства, с тем чтобы к началу 1933 года обеспечить производство 60 миллионов кубометров газа, т. е. значительно больше того, что давал этот завод при царе.

Большое место уделено в постановлении ЦК вопросу об обслуживании культурных потребностей рабочих и благоустройстве города. ЦК и Совнарком признали необходимым увеличить площадь зелёных насаждений, усилить освещение, укрепить пожарное дело и т. д. Нам предложено в ускоренном порядке провести мероприятия по созданию Парка культуры и отдыха на Островах, по расширению сети пляжей, купален, лодочных станций и т. д. Одновременно с этим ЦК и Совнарком обратили наше внимание на необходимость улучшения работы существующих клубов и домов культуры и лучшего использования пригородных парков и дворцов для отдыха рабочих.

И вот, товарищи, если мы взглянем на все эти цифры, на все эти объекты работы, если попробуем всё это оценить и сравнить с тем, что мы делали до сих пор, то станет видно, что перед нами поставлена действительно грандиозная программа.

Я хочу сказать ещё пару слов о самой цифре в 290 миллионов рублей. Эта цифра утверждена постановлением ЦК и Совнаркома, но было бы ошибкой думать, что эти 290 миллионов рублей уже находятся в кармане Исполкома. Надо сказать и подчеркнуть, что эти 290 миллионов рублей мы пока имеем, в известном смысле слова,

условно, иными словами, получение их будет зависеть от нашей работы.

Если мы будем, скажем, работать дальше по линии нашего коммунального хозяйства теми же темпами, не топясь, то мы этих 290 миллионов иметь не будем. Их должны нам дать не от американского дядюшки, — львиная доля их должна быть получена прежде всего в результате работы нашего коммунального хозяйства. Это важнейшее обстоятельство, которого нельзя забывать.

«ПО-НОВОМУ РАБОТАТЬ, ПО-НОВОМУ РУКОВОДИТЬ»

Я думаю, товарищи, что для того, чтобы действительно по-настоящему перейти на новые рельсы в нашем коммунальном хозяйстве, нам нужно проделать большую работу по перестройке не только органов, непосредственно ведающих коммунально-жилищными вопросами, настала пора вообще поставить в порядок дня и разрешить вопрос о более глубокой и более широкой реорганизации всей системы нашей работы. Вы знаете, что большевики, в отличие от других партий, вопросам организационным придадут, согласно заветам Ленина, исключительное значение.

Я уже говорил, товарищи, о тех достижениях, которые мы имеем после XVI съезда нашей партии. Разрешите вам одновременно с этим напомнить, что этим успехам социалистической стройки со времени XVI партсъезда содействовала коренная перестройка целого ряда наших органов. Возьмите управление нашей промышленностью — всё, начиная от завода и кончая ВСНХ, организовано теперь иначе, чем полтора-два года тому назад. Возьмите транспорт. Вы помните, мы недавно занимались этим вопросом и провели огромную перестройку транспорта. Мы проделали колоссальную реформу советской работы в нашей деревне, упразднили округа, приблизив тем самым власть к районам, к селу. Мы перестраиваем наши профсоюзы по линии обеспечения наиболее дифференцированного и наиболее детального руководства всей работой, и эта перестройка ещё до сих пор не закончена.

Возьмём нашу партийную работу, — каждый, имеющий то или другое отношение к ней, знает, какая глубокая перестройка произошла на этом участке. Торговля наша, кооперация, общественное питание, наша школа, — какой бы области нашего строительства вы ни коснулись, осо-

бенно за последние полтора года, вы везде и всюду видите коренное переустройство наших органов. Это делается не потому, что у большевиков мода от времени до времени перестраиваться, а потому, что на данном отрезке нашей социалистической стройки нам необходимо по-новому работать, по-новому руководить. Это положение товарища Сталина, под которым решительно все подписываются, за которое все голосуют, но которое, к сожалению, далеко не всегда проводится в жизнь. Я могу привести ряд примеров безобразного, головотяпского, никудышного руководства. Вот мне, например, говорили, что по Стругокрасненскому леспромхозу за одну только декаду — с 21 по 30 ноября — получено от Леспромтреста 129 бумаг, по 13 бумаг в день. Вы скажете, что лесозаготовки — это неудачный пример, что в нашей городской ленинградской промышленности дело обстоит иначе. Но я могу привести примеры и из области нашей городской работы. Есть у нас в Ленинграде один квалифицированный завод, где с внешней стороны по-новому работают, по-новому руководят, а на деле получается другое. Несколькими времени тому назад сделали штамп в 8—9 тонн весом, обрабатывали, потом положили, потом об этом штампе забыли. Отковали новую болванку, снова хотели обрабатывать новый штамп, и только случайно один из рабочих подсказал им, что уже есть сделанный, обработанный штамп.

Вы скажете — это пустяки? Нет, это далеко не мелочь и не пустяк, когда на заводе 8—9 тонн стали валяются, и никто не хочет об этом знать и только случайно об этом вспоминают.

Я мог бы привести целый ряд других, буквально возмутительных фактов. Я вам приводил пример с банями без шаек. Я мог бы вам привести завод, где выстроили новые корпуса, оборудовали их по всем правилам техники, но забыли... об уборных. Я мог бы вам рассказать, как летом возили рыбу в обыкновенных вагонах и она портилась, но зато в вагонах-ледниках возили помидоры. Я мог бы вам рассказать, как в одной из наших транспортных организаций (управление Октябрьской железной дороги) рабочего-ударника, старика, премировали... лыжами. Это не анекдоты, товарищи, это факты. Почему они происходят? Они происходят потому, что целый ряд наших работников не умеет, а кое-кто и не хочет «по-новому» работать, по-новому руководить». Потому что люди любят руководить «вооб-

ще», руководить на бумаге, а конкретное, живое дело забывают, а от этого и происходят всякие безобразия.

Вы читали в газетах о суровых мерах, которые приняли ЦК и Совнарком по отношению к дезорганизаторам рабочего снабжения, к людям, которые отправляли печенье без тары, заговаривали консервы, махорку и т. д. Вы знаете, что ряд из них исключён из партии, отдан под суд и т. д. Правильно ли поступил ЦК? Совершенно правильно. Если ты сидишь на каком-либо участке работы и руководишь этим участком, а в результате получаются безобразия, и от этих безобразий страдает рабочий, — неси строжайшую ответственность.

Партия и Советская власть за такие дела гладить по головке не будут.

Что значит «по-новому работать; по-новому руководить»? Это значит — уделять внимание тем, «мелочам» нашей конкретной социалистической действительности, о которых нам товарищ Сталин так много говорил.

Из кабинета делать это невозможно. Сейчас руководить, не бывая непосредственно на местах, в цеху, в жакте, в столовой, — будь ты откомхозник, директор завода, профсоюзник, партработник, кто угодно, — становится невозможным. Во-первых, там ты кое-чему научишь, а во-вторых, что бывает чаще, тебя там кое-чему научат, потому что из кабинета тебе дело представляется одним, а на месте, когда посмотришь, может представиться совсем иным. По этой линии нужно вести реорганизацию наших органов, чтобы действительно по-новому работать, по-новому руководить.

Товарищ Сталин чрезвычайно ярко сформулировал задачу организации руководства по-новому:

«Что требуется для того, чтобы наладить руководство по-новому?

Для этого требуется прежде всего, чтобы наши хозяйственные руководители поняли новую обстановку, изучили конкретно новые условия развития промышленности и перестроили свою работу сообразно с требованиями новой обстановки.

Для этого требуется, далес, чтобы наши хозяйственные руководители руководили предприятиями не «вообще», не «с воздуха», а конкретно, предметно, чтобы они подходили к каждому вопросу не с точки зрения общей болтовни, а строго деловым образом, чтобы они не ограничивались бумажной отпиской или

общими фразами и лозунгами, а входили в технику дела, вникали в детали дела, вникали в «мелочи», ибо из «мелочей» строятся теперь великие дела»¹.

Исходя из осуществления этого лозунга, мы поставили вопрос о необходимости дифференцировать работу руководящих областных органов — партийного комитета и областного исполкома. Мне думается, что при данной обстановке мы имеем все основания к тому, чтобы выделить Ленинград в пределах области в самостоятельную административно-хозяйственную и партийную единицу, организовать городской комитет партии и городской исполком, которые будут заниматься городскими делами, будут осуществлять в первую очередь ту огромную программу, о которой я вам говорил. Опыт в этом отношении есть: вы знаете, что Москва с полгода тому назад провела такую же работу и опыт оказался очень удачным.

Мы решили, и ЦК это дело утвердил, выделить Ленинград в пределах области в самостоятельную административно-хозяйственную единицу. Но этого ещё мало. За этим должна последовать соответствующая перегруппировка остальных наших органов. Но я ещё и ещё раз повторяю: если мы только формально отнесёмся к этому большому начинанию, к этой партийной и советской реформе, то из этого, конечно, ничего не выйдет.

Нам надо в эту реформу вложить новое содержание, работу действительно конкретизировать и дифференцировать, каждого из нас, каждую организацию, каждый орган поставить по возможности ближе к тому участку, на котором он должен работать или которым он должен руководить.

УСКОРИТЬ ТЕМПЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ НАШЕЙ СТРАНЫ ОТ ИНОСТРАННОЙ ЗАВИСИМОСТИ

В заключение, товарищи, мне хочется остановить ваше внимание на некоторых ближайших задачах нашей очередной работы на пороге четвёртого года пятилетки. Мы с вами заканчиваем сейчас третий год пятилетки. Вы на районных конференциях слушали, и я в докладе говорил о тех больших достижениях, которые мы имели в области развёртывания промышленности. Но было бы ошибкой думать, что у нас в этом отношении дело не остав-

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 348, изд. 11-е.

ляет желать лучшего ни на одном участке. Это неверно. У нас есть прекрасные предприятия, которые выполнили пятилетку, кончают пятилетку, но есть такие предприятия, которым нужно очень и очень подтянуться. У нас мало времени осталось до конца текущего хозяйственного года, но мы в практике знаем случаи, когда в течение, скажем, одной декады, при известной мобилизации и настойчивости всех фабрично-заводских сил, удавалось проделать такую работу, которую в обыкновенное время не удавалось сделать даже на протяжении квартала.

Остаток текущего года нам надо употребить на максимальную мобилизацию сил и средств для того, чтобы как можно полнее и основательнее выполнить те задачи, которые стоят перед нами в области нашей промышленности. В этот отрезок времени надо приготовиться к новому хозяйственному году, провести все необходимые мероприятия, которые целиком и полностью обеспечили бы выполнение программы 1932 года.

Есть одна важнейшая задача, которая должна красной нитью проходить в программе четвёртого года нашей пятилетки и в которой одно из решающих мест занимает наш Ленинград. Я говорю о работе тех предприятий, которые главным образом изготовляют оборудование, т. е. об основных заводах нашей ленинградской промышленности.

Мы ведь ставим перед собой задачу индустриализировать нашу страну и на этой основе в кратчайший срок освободиться от капиталистической зависимости. Мы сейчас достигли больших результатов в этом отношении, но успокаиваться на этих результатах ещё нельзя. Нам нужно поставить задачу ускорения темпов освобождения нашей страны от иностранной зависимости, пересмотреть программы наших заводов.

Под этим углом зрения надо пересмотреть все наши предполагаемые импортные заявки, и не только наши, но притти на помощь также и заводам, находящимся за пределами нашей области, для того чтобы наметить по возможности всё, что можно изготовить внутри страны.

Наша ленинградская промышленность может выполнять сейчас ответственные технические задания, о чём мы сами иногда и не подозреваем. Это показал хотя бы блюминг, выпущенный Ижорским заводом, и электропривод для блюминга, изготовленный «Электросилой». Мы

ещё не научились достаточно эффективно использовать наше оборудование. У нас, в Ленинграде, есть ряд заводов, которые могут быть буквально образцами для многих европейских или американских заводов, а между тем на этих заграничных слабее оборудованных заводах сплошь и рядом производят более сложные вещи, чем мы.

Техническая база нашей промышленности сейчас укреплена основательно, есть много нового. Этим надо воспользоваться в максимальной степени, для того чтобы действительно более форсированными темпами идти по пути нашего освобождения от заграницы.

Мы должны со всей энергией вести борьбу за осуществление шести условий товарища Сталина, за умножение источников и ускорение темпов социалистического накопления, за строжайшее проведение действительного хозяйственного расчёта во всех звеньях промышленности. Нам необходимо ещё шире поставить работу по овладению техникой, по подготовке собственной технической интеллигенции рабочего класса. Особого внимания требуют к себе качественные показатели работы промышленности, которые до сих пор остаются неудовлетворительными.

Крупнейшая задача стоит перед нами в области транспорта. Наши организации должны приложить все силы к тому, чтобы Октябрьскую и Мурманскую железные дороги и водный транспорт сделать образцовыми в Советском Союзе. Можно ли это сделать? Я убеждён, что можно. На помощь нужно взять нашу ленинградскую технику, провести ряд организационных мероприятий. ЦК прикрепляет сейчас ответственных людей к заводам, работающим на наш железнодорожный транспорт. Здесь нужно мобилизоваться по-настоящему и помочь транспорту чем и как только можно. Мы это сделать можем и должны, особенно у нас, в Ленинграде.

Сложные и ответственные задачи стоят перед нами в области сельского хозяйства и его социалистического преобразования.

Наше сельское хозяйство крепнет, вооружается новой техникой, принимает с каждым годом всё более дифференцированный характер.

Возрастают его роль и значение как продовольственной, сырьевой и топливной базы для Ленинграда, экспортной базы для Советского Союза.

В колхозном строительстве мы должны сосредоточить главное внимание на орга-

низационно-хозяйственном укреплении колхозов, преодолении мелкобуржуазных колебаний и кулацких влияний в отдельных звеньях колхозного движения.

На этой основе необходимо обеспечить повышение урожайности и увеличение товарного выхода сельскохозяйственной продукции.

Надо сказать ещё об одном обстоятельстве — наша внешняя обстановка такова, что каждый чувствует, что сейчас больше чем когда-либо нам нужно очень внимательно, по-большевистски отнестись к максимальному укреплению и усилению нашей обороноспособности. Во всём мире идёт сейчас бешеная подготовка новой антисоветской войны.

Целый ряд буржуазных политиков видит в войне единственный выход из того громадного кризиса, который переживают Западная Европа и Америка. Для нас, ленинградцев, этот вопрос имеет исключительное значение. Мы ведь, как вы знаете, в двух шагах от границы, мы все знаем, какое место занимает Ленинград в Союзе, какое исключительное значение он имеет и какие исключительные сокровища для дальнейшей социалистической стройки находятся в нашем городе. Именно поэтому обязанностью нашей организации является с особым вниманием, с особой, исключительной настойчивостью заняться вопросами усиления мощи нашей Красной армии и нашего Флота.

ТВЁРДО, СОЗНАТЕЛЬНО И УБЕЖДЁННО СТОЯТЬ НА ПОЗИЦИЯХ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Я хочу остановить также ваше внимание на одной задаче из области внутрипартийной работы.

Самое ценное, самое дорогое, самое близкое дело для всякой парторганизации — это ленинское воспитание членов нашей партии. Мы сейчас в Ленинграде имеем 200 тысяч членов и кандидатов партий, не считая военных организаций. Это огромная величина. Но, товарищи, в этом числе мы имеем много молодняка, у нас свыше 30% кандидатов, а в отдельных районах нашей организации этот процент доходит до 40. Это, товарищи, такое обстоятельство, которое нас к очень многому и многому обязывает.

Нашей партией и её ЦК в данный момент все коренные принципиальные вопросы решены, и решены правильно. Коллективизация не вызывает никаких сомнений, индустриализация тоже.

Но вы знаете, что правооппортунистические колебания и «левые» загибы ещё остаются в практической работе, что время от времени прорываются различного рода извращения марксизма-ленинизма на отдельных участках теоретического фронта. Всё это показывает, что классовый враг на разных участках всё ещё пытается задержать победоносное наступление социализма.

Мелкобуржуазные колебания в отдельных звеньях колхозного движения, буржуазные тенденции в отдельных совхозах, оппортунистическое сопротивление переходу на новые формы работы и руководства, вылазки классового врага на теоретическом фронте, троцкистская контрабанда в истории большевизма, разоблачённая товарищем Сталиным, различные формы проявления давления враждебных нам классовых сил на отдельных участках социалистической стройки — всё это требует от нас величайшей бдительности.

К теоретическому фронту я хотел бы особо привлечь ваше внимание. В нашей практической работе по хозяйству мы сплошь и рядом этому фронту не уделяем необходимого внимания. Это, товарищи, недопустимо. Чем крепче, чем шире мы будем внедрять во все звенья нашего огромного партийного организма, во все звенья нашего огромного советского аппарата принципы ленинизма, тем твёрже, тем надёжнее пойдёт наше движение вперёд по укреплению и расширению позиций социализма.

Вся история нашей партии складывалась таким образом, что мы всегда были сильны и богаты именно тем, что основные ведущие кадры нашей партии всегда твёрдо, сознательно и убеждённо стояли на ленинско-марксистских позициях. Я обращаю ваше внимание на последнее письмо товарища Сталина, написанное в связи с некоторыми вопросами истории нашей партии.

История нашей партии, её борьбы — самая сокровенная вещь в огромном багаже, который имеет наша партия. История большевизма, его непримиримой борьбы с оппортунизмом воспитывает миллионы рабочих и работниц.

На нас, на Ленинградской организации, в этом отношении лежит сугубая ответственность. Мы с вами являемся поставщиками механического оборудования для всего Союза, но мы такие же поставщики и партийных кадров на весь наш Советский Союз, и на ближайший период времени это ещё будет продолжаться. Поэтому наша обязанность — готовить стойких большевиков, способных драться за генеральную линию партии, за чистоту марксистско-ленинской теории, против всех врагов рабочего класса, против оппортунистов всех мастей.

ЦК нашей партии должен знать, что наша Ленинградская организация была, есть и будет одной из передовых колонн большевистской партии, надёжной опорой Центрального Комитета нашей партии, надёжной опорой ленинизма, на основе которого мы с вами поведём и впредь великую работу социалистической стройки, которую вслед за нами будут поднимать все новые и новые миллионы людей.

Товарищи, в порядке дня нашей конференции стояли как будто очень прозаические вопросы. Но эти вопросы являются частями одного большого, великого вопроса — дела нашей дальнейшей социалистической стройки.

Ещё и ещё раз хочу вам, товарищи, напомнить, что дело индустриализации, коллективизации страны неразрывно, органически связано с делом величайшего подъёма материально-культурного уровня советского рабочего — носителя социализма в нашей стране. Именно поэтому обсуждённые нами сегодня вопросы должны занять то почётное, то исключительное место, которого они заслуживают. Одним из главных рычагов в деле обслуживания нужд рабочих является наше жилищное и коммунальное хозяйство, которое мы обязаны сейчас перестроить на новых началах, на новых основах. Настало время развернуть широкую работу в деле реконструкции на социалистических началах и этого участка нашей страны.

Товарищи, несколько десятков лет тому назад, выходя на арену тяжёлой исторической борьбы, французские революционеры шли под лозунгом «мир хижинам, война дворцам». Мы, товарищи, живём в такую пору, когда на смену хижинам и старым дворцам мы выдвигаем новые, рабочие города, новые, социалистические дворцы. И каждый из нас считает для себя огромным счастьем быть

прорабом на этих великих работах. Дело наше, товарищи, непобедимо не только потому, что у нас великая армия строителей, но и потому, что мы строим по плану такого архитектора, который не собьётся с правильной исторической дороги, наш архитектор — это наша непобедимая большевистская партия, вооружённая ленинизмом. *(Бурные аплодисменты, переходящие в овацию.)*

1932 год

НА ИСТОРИЧЕСКОМ РУБЕЖЕ МЕЖДУ ПЕРВЫМ И ВТОРЫМ ПЯТИЛЕТНИМ ПЛАНОМ

*Из доклада на объединённой IV областной и городской
Ленинградской конференции ВКП(б)
23 января 1932 года*

БОГАТСТВА СЕВЕРА — НА СЛУЖБУ СОЦИАЛИЗМУ

В директивах к составлению второго пятилетнего плана говорится, что мы должны принять все меры к тому, чтобы развивать производительные силы в нашей стране. В этом отношении наш край представляет собой чрезвычайно богатый район. К нам уже стучится в двери вопрос о местной металлургической базе для нашей ленинградской промышленности. Когда я говорю об этой местной металлургической базе, я подразумеваю отнюдь не то, что мы строим Колпинский завод на отходах и остатках металла в нашей промышленности. Нет, пора — и в 1932 году это надо твёрдо сделать — поставить вопрос об обеспечении Ленинграда и ленинградской промышленности своим собственным чугуном и известной частью цветных металлов за счёт использования внутриобластных рудных месторождений. Есть все основания думать, что если не в 1932 году, то уже в 1933 году мы разрешим эту проблему. Мы имеем железо около Мурманска, на западе от Хибиногорска имеем район с совершенно определёнными залежами железной руды. Мы имеем те же самые показатели в ряде мест Карелии. Почему приходится так энергично подчёркивать значение этой отрасли работы? Да потому, что к концу 1937 года мы в Советском Союзе должны будем добыть 22 миллиона тонн чугуна, а в истекшем 1931 году мы добыли всего около 5,5 миллиона тонн.

22 миллиона тонн чугуна во второй пятилетке как минимум — это колоссальная проблема для нашего народного хозяйства. На прошлой конференции один из товарищей, выступая с этой кафедры, говорил про Карелию и Мурманский край, край, который ещё так недавно

назывался краем «непуганой птицы». Мы теперь должны встряхнуть эту старую землю, — геологи говорят, что она самая старая на всём земном шаре, — за это не ручаюсь, но, старая она или молодая, надо посмотреть недра этой земли, чтобы установить всё, что в ней содержится. Ещё Ломоносов в своё время звал на Север посмотреть, что там делается. Этот проникательный человек, который жил 200 лет тому назад, сокрушался: «По многим доказательствам заключаю, что и в северных земных недрах prodigioso и богато царствует натура, и искать оных сокровищ некому!» «А металлы и минералы, — добавлял Ломоносов, — сами на двор не придут. Они требуют глаз и рук в своих поисках». Я думаю, что все наши просвещённые организации, начиная с Академии наук, и все практические работники должны последовать совету Ломоносова и действительно глазами и руками прощупать всё, что имеется в этом богатом и обширном крае.

Мы живём в огромном городе, мы располагаем всеми нужными научными и культурными силами, а между тем о естественных богатствах нашей Ленинградской области и Карелии мы имеем ещё очень мало сведений.

Оказывается, в лучшем случае мы имеем всего каких-нибудь 5% территории нашей области более или менее исследованных. Об остальных 95% территории области и Карелии мы ничего не знаем. С этим надо покончить. В 1932 году необходимо по этой линии поставить работу таким образом, чтобы помочь всему Советскому Союзу максимально развернуть свои производительные силы во вторую пятилетку.

Во второй пятилетке мы должны выполнить огромную, всемирно-историческую задачу, мы должны в течение этой пятилетки ликвидировать окончательно и бесповоротно капиталистические элементы и уничтожить эксплуататорские классы в нашей стране. Для этого нужна колоссальная хозяйственно-организационная работа, которая дала бы возможность эту задачу выполнить. Мы должны завершить реконструкцию всего нашего народного хозяйства на основе действительно последнего и новейшего слова техники и науки. Мы должны будем в три с половиной раза увеличить наше машиностроение. Мы должны будем выработать 100 миллиардов киловатт-часов электроэнергии вместо 17 миллиардов, вырабатываемых сейчас. Мы должны добыть 250 миллионов тонн угля, увеличить в два-три раза добычу нефти. Мы должны будем

добыть 22 миллиона тонн чугуна. Мы должны будем добиться полного удовлетворения народного хозяйства цветными металлами и ликвидировать отставание химии.

Все эти миллиарды, которые я перечислял, не лежат в одном месте, а расположены по всей нашей огромной стране. Для того чтобы их привести в движение, нужно по-настоящему, революционно реконструировать наш транспорт. Необходимо развить лёгкую индустрию и пищевую промышленность таким образом, чтобы обеспечение населения основными потребительскими товарами и продуктами питания увеличить к концу второй пятилетки не менее чем в два-три раза. Надо, наконец, создать условия для полного устранения противоположности между городом и деревней.

Есть ли для всего этого необходимые предпосылки? Не слишком ли большие задачи мы перед собой ставим? Здесь порукой и экзаменом является первая пятилетка и реальная возможность победоносно окончить её в 1932 году. Всё говорит о том, что объективные условия налицо. Всё говорит о том, что если мы с вами по-настоящему вооружимся, то мы это дело выполним.

И на фоне этой работы ни на одну минуту мы не должны забывать о необходимости всячески ограждать целостность и независимость нашего Советского Союза. Если во всяком хозяйственно-политическом и каком угодно вопросе мы будем постоянно помнить о необходимости усиления обороноспособности нашей страны, — чем можно, как можно и где можно всемерно помогать Красной армии и Флоту, — то всё остальное будет зависеть действительно целиком от нас.

Программа второй пятилетки не отличается от первой в том отношении, что никакой метафизики, ничего сверхъестественного, ничего невозможного для большевиков в ней нет. Весь этот план, вся эта программа, говоря словами товарища Сталина, — это мы с вами, наша готовность к борьбе, наша выдержка, наше стремление к победе. Если всё это будет, то во вторую пятилетку, товарищи, мы войдём подготовленными настолько, чтобы к концу пятилетки, в 1937 году, заявить партии о полном, стопроцентном выполнении тех основных заданий, о которых я только что вам говорил.

УЧИТЬСЯ КОММУНИЗМУ, ОТТАЧИВАТЬ ОРУЖИЕ САМОКРИТИКИ

В разрешении всех стоящих перед нами задач громадная работа падает на долю массовых организаций. Вы знаете отношение рабочих и колхозников к нашей социалистической стройке. Дело зависит от наших организаций, которые призваны поставить работу таким образом, чтобы даром не пропадала инициатива масс, чтобы она была подхвачена и перенесена на практические рельсы, а то у нас дело доходит иной раз до совершенно безобразного отношения к инициативе, идущей снизу.

В Москве был съезд изобретателей. Подавляющее большинство — рабочие. И оказывается, что у них дело иногда упирается в то, что их готовность работать и отдать силы социалистической стройке разбивается о бездушно-бюрократическое отношение со стороны некоторых организаций.

В деле овладения техникой одно из первых мест должно принадлежать комсомолу, у которого энергия бьёт ключом, который не раз давал образцы большевистской борьбы за осуществление лозунгов партии.

И именно сейчас комсомол должен решительно подтянуться в области учёбы. Техническая учёба, учёба вообще и политическое воспитание комсомола — это самое главное в работе комсомола в текущий период.

В данный момент количественно комсомол растёт в огромной степени, усваивает новые организационные формы, а систематическая, упорная методическая работа по политическому воспитанию ещё основательно хромает. Может быть комсомольцев смущает то обстоятельство, что при хорошей, упорной, большевистской учёбе они станут умнее нас, стариков, и как бы сойдутся на осуждённый партией «авангардизм». Мы можем сказать, что этого бояться совершенно не следует, никакого сползания с партийной линии тут не получится.

Лозунг «учиться», выдвинутый Владимиром Ильичём на III съезде комсомола, в наше время приобретает для комсомола небывало ответственное значение. Учиться коммунизму и овладеть всей суммой знаний, накопленных человечеством, везде и во всём быть последовательным борцом за коммунизм, за чистоту ленинизма, за международную пролетарскую революцию — такова центральная задача Ленинского комсомола в текущий период.

Чрезвычайно ответственное место в социалистическом строительстве принадлежит профсоюзам.

Профсоюзы проделали сейчас большую работу в смысле перестройки. Они должны ещё более полно включиться в каждое звено, каждый цех и бригаду, чтобы всюду чувствовалась руководящая рука профессиональной организации. Наши профессиональные организации за последнее время сильно выросли. Дальнейшая перестройка, ещё более глубокое освоение новых задач, в особенности борьба за решительное улучшение организации труда и проведение действительного хозрасчёта, улучшение массовой воспитательной работы, в особенности с новыми слоями, — главные моменты профсоюзной работы.

Нужно ли вам напоминать, товарищи, о таком важнейшем методе нашей работы, как самокритика!

Значение самокритики в текущей полосе нашей работы не только не ослабевает, но возрастает и усиливается. Самокритика необходима не только для искоренения всякого рода прорывов и недостатков, она нужна и для предупреждения чрезвычайно опасного для нас «головокружения от успехов». Ленин в своё время предупреждал нашу партию от опасности «заязвиться», от опасности самонения. Самокритика — вернейшее оружие против зазнайства. Мы одержали грандиозные победы, проходим вплотную к пятилетке уничтожения классов. Тут кое у кого может закружиться голова. Вот почему нам надо шлифовать и оттачивать оружие большевистской самокритики. В этом деле огромную роль играет печать. Укрепление печати, её кадров, улучшение всей её работы — важнейшее звено деятельности нашей организации.

И самое важное и ценное, от чего будет зависеть выполнение нашей программы социалистического строительства, — это наша партийная организация.

БЕЗ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ТЕОРИИ НЕЛЬЗЯ ДВИГАТЬСЯ ВПЕРЁД

Я не буду приводить подробные цифры, скажу только, что на 1 января 1932 года мы имеем в нашей объединённой городской и деревенской организации 252 714 коммунистов. За последние 1½ года мы приняли в партию более 104 тысяч человек, из них рабочих — 82,9%, колхозников — 10,6%, женщин — 21,7%. Последняя цифра говорит о том, что приём в партию женщин — рабочих и колхозниц — ещё недостаточен.

В связи с этим огромным ростом наших рядов особенное внимание надо обратить на партийно-политическое воспитание наших кадров. Надо сказать, что у нас происходят большие перемены в составе партактива в различных отраслях работы. Я приведу несколько цифр. Мы провели обследование партстажа всего нашего хозактива по Ленинграду. Получаются следующие цифры: до 1924 года вступили в партию 36,2%, в 1924—1926 годах — 26,7%, в 1926—1931 годах (подчеркиваю) — 36,2%, т. е. больше трети актива вступило в партию после 1926 года. Такого же рода процесс наблюдается и в составе партийного актива. Отсюда напрашивается вывод, который мы должны совершенно отчётливо понять.

Мы должны поставить перед собой в качестве центральной задачи во всей внутрипартийной работе организацию политического ленинского воспитания этих новых кадров партийного актива в духе большевистской партийности, в духе основных принципов нашей большевистской партии. Учтите, что это актив, а у нас есть ещё 91 тысяча кандидатов, или 36,1% всей организации, у нас 48,8% кандидатов в сельрайонах, 42,4% всех членов партии вступили в партию в 1929—1931 годах. Это уже совсем молодые кадры, и отсюда ясно, какое исключительное значение для нашей Ленинградской организации, которая является одной из передовых организаций, имеют вопросы партийно-политического воспитания. Надо твёрдо помнить, что ленинская теория даст этим молодым кадрам «силу ориентировки, ясность перспективы, уверенность в работе, веру в победу нашего дела»¹.

Надо помнить, что партийное воспитание, большевистская закалка, подъём на более высокий уровень всей нашей теоретической работы — главнейшая задача партийной работы, ещё раз с исключительной силой и чёткостью подчеркнутая в письме товарища Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция». Основоположники научного коммунизма — Маркс и Энгельс, наш великий учитель Владимир Ильич всегда придавали исключительное значение революционной теории, ибо без неё нельзя победоносно двигаться вперёд.

На нашу партию, воспитанную Лениным, победоносно строящую социализм, падает особо ответственная задача в деле борьбы за чистоту ленинизма, за дальнейшую разра-

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 275, изд. 11-е.

ботку теоретического наследства Маркса — Энгельса — Ленина, за дальнейшее развитие их революционного учения. Нашей партии принадлежит руководящая роль в Коммунистическом Интернационале, мы — авангард международной пролетарской революции. Это обязывает нас высоко держать знамя ленинизма, знамя революционной теории Маркса — Ленина.

Особенно бдительными нам надо быть в вопросах истории нашей большевистской партии, на которой учатся и воспитываются миллионы рабочих и работниц всех стран.

Наши классовые враги — как показывает пример троцкистских контрабандистов Слуцких и Волосевичей — пытаются опорочить и оклеветать научную историю нашей партии, с тем чтобы подорвать доверие международного пролетариата к её руководству. Борьба с гнилым либерализмом в вопросах истории партии и ленинизма является важнейшим участком всей борьбы пролетариата за социализм.

Эти вопросы требуют к себе особенного внимания, так как даже отдельные большевистские историки допускают грубейшие ошибки в вопросах истории ленинской партии, облегчая тем самым контрабандистские вылазки троцкизму.

Энгельс рассматривал теоретическую борьбу как одно из трёх основных направлений классовой борьбы международного пролетариата.

«Впервые с тех пор, как существует рабочее движение, борьба ведётся планомерно во всех трёх её направлениях, согласованных и связанных между собой: в теоретическом, политическом и практически-экономическом (сопротивление капиталистам). В этом, так сказать, концентрическом нападении и заключается сила и непобедимость немецкого движения»¹.

Товарищ Сталин даёт каждому из нас, всей нашей партии пример того, как надо по-ленински вести борьбу за социализм, за торжество мировой пролетарской революции.

Глубокий марксистско-ленинский теоретический анализ коренных изменений в экономике и соотношении классовых сил в стране в результате поворота основных масс крестьянства на путь коллективизации позволил товарищу

¹ *Карл Маркс*, Избранные произведения в двух томах, т. II, стр. 427—428, изд. 1933 г.

Сталину выдвинуть величайшей политической важности лозунг ликвидации кулачества как класса.

Вооружённый революционной теорией Маркса — Ленина, обогащающий и развивающий её на основе богатейшей практики строительства социализма и международной борьбы пролетариата, товарищ Сталин разоблачил контрреволюционную теорию Троцкого о невозможности построения социализма в нашей стране и буржуазно-кулацкую платформу правооппортунистической бухаринской оппозиции.

Решающее условие наших дальнейших побед — твёрдое, непреклонное проведение ленинской политики партии и её ЦК, непримиримая борьба против правого и «левого» оппортунизма, против всяческих проявлений мелкобуржуазных колебаний и гнилого либерализма к вылазкам классового врага.

Мы должны быть особенно беспощадны к троцкизму, ставшему передовым отрядом буржуазной контрреволюции, дающему ей идейно-политическое, тактическое и организационное оружие в борьбе против побеждающего социализма.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ ЛИНИЯ ПАРТИИ ПРОВЕРЕНА МИЛЛИОНАМИ

*Из речи на пленуме Ленинградского совета
28 апреля 1932 года*

**ДО МЕЛОЧЕЙ ПРОВЕРЯТЬ ВСЮ ПОСТАНОВКУ РАБОТЫ,
БУДИТЬ ТВОРЧЕСКУЮ ЭНЕРГИЮ РАБОЧИХ И РАБОТНИЦ**

За три с лишним года нашей работы в рамках пяти-летнего плана мы сумели достигнуть крупнейших успехов не только в тех областях, о которых я вам говорил. Не подлежит никакому сомнению, что за последние годы мы добились серьёзных улучшений в культурно-бытовом обслуживании рабочих масс, значительных успехов в повышении их материального благосостояния.

Мы не скрываем того, что рост бюджета рабочей семьи в известной мере подрывается некоторым повышением цен. Но если взять всю сумму мероприятий, которая называется культурно-бытовым обслуживанием нашего рабочего, то совершенно бесспорно, что мы из года в год идём по восходящей линии.

В этом смысле никоим образом нельзя недооценивать такой важнейший факт, как ликвидация безработицы, которая ещё совсем недавно обрекала десятки тысяч людей на тяжёлое существование, держала их под гнётом постоянной заботы о завтрашнем дне.

Партия и Советская власть проводят коренное переустройство городского хозяйства в основных промышленных центрах Советского Союза. Это переустройство направлено к улучшению жилищных условий рабочих и работниц, к повышению работы городского транспорта, к расширению сети культурно-бытовых учреждений и т. д.

Широкую программу осуществляет партия и по улучшению организации рабочего снабжения, развёртыванию пригородного хозяйства и развитию советской торговли. Тем не менее немедленно устранить все трудности на нашем пути нельзя.

Некоторые нетерпеливые и горячие товарищи рассуждают так: «Скоро уже первая пятилетка останется позади,

мы заканчиваем её в четыре года, а трудностей впереди ещё остаётся очень много. Когда же им будет конец, не пора ли перестать толковать о трудностях?» Эти товарищи не отдают себе полного отчёта в источниках наших трудностей, не понимают того, что устранение одной группы трудностей связано с окончательным уничтожением классов внутри страны, устранение другой — требует уничтожения капитализма в мировом масштабе. Когда мы с вами приступили к строительству социализма, мы знали, что это социалистическое строительство требует от рабочих и трудящихся нашей страны огромнейшего напряжения, огромнейшей работы, что путь социалистической стройки будет усеян большими трудностями.

Если бы мы совершили экскурсию в недавнее прошлое нашей социалистической работы, если бы мы вспомнили тот период, когда мы ещё только расчищали поле для нашей социалистической стройки, то мы увидели бы, какие перспективы стояли тогда перед нашей страной. То, о чём я говорил в самом начале, казалось отдалённым идеалом, к которому мы придём лишь в результате длинного и тяжёлого пути, а некоторые в наших рядах усомнились вообще в успехе нашего дела.

Однако в течение небольшого исторического срока на основе ленинской политики партии, в непримиримой борьбе против правого и «левого» оппортунизма мы достигли громаднейших завоеваний в индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. Мы успешно закончили в главных сельскохозяйственных районах ликвидацию кулачества как класса.

Правые оппортунисты, сами смертельно напуганные сопротивлением классового врага, пугали партию и рабочий класс всякими кризисами и бедствиями. Рабочий класс не убоился трудностей, смело смотрел им в лицо и, руководимый партией, одержал величайшие победы в строительстве социализма.

Мы не скрываем от себя трудностей в дальнейшей работе, но мы относимся к ним так, как учил нас Владимир Ильич, мы делаем всё для того, чтобы каждый рабочий и работница, каждый колхозник и единоличник совершенно сознательно и открыто смотрели на те трудности, которые стоят перед ними, научились по-большевистски преодолевать их.

Кроме того, нельзя забывать, что особенно большие

трудности, которые стояли перед нами, уже уходят всё дальше в область прошлого.

Мы разрешили в основном такой больной вопрос, как хлебный вопрос. Это обстоятельство, несомненно, даёт нам полную уверенность в том, что мы и другие вопросы, связанные в частности со снабжением нашего рабочего, безусловно решим успешно на основе твёрдого и неуклонного проведения генеральной линии партии, проверенной практикой социалистического строительства, практикой десятков миллионов трудящихся города и деревни.

В деле нашего социалистического строительства громаднейшие задачи стоят перед нашими Советами. Мы в своей повседневной работе убеждаемся в том, что роль Советов на данной стадии исторического развития нашей диктатуры не только ни в какой степени не ослабевает, но, наоборот, с каждым днём она всё больше и больше возрастает.

Я вам сказал, что во второй пятилетке мы с вами построим социалистическое общество в нашей стране. Кое-кому может показаться, что ввиду этого роль проводника диктатуры пролетариата — Советов — должна постепенно ослабевать. Это — глубочайшее заблуждение, влекущее за собой вредные политические последствия.

Без всемерного укрепления Советов, основного рычага диктатуры пролетариата, нельзя сломить сопротивление гибнущих капиталистических элементов, нельзя отстоять Советскую страну против международного империализма, нельзя победоносно завершить первую пятилетку, нельзя построить бесклассовое социалистическое общество.

Укрепление диктатуры пролетариата, усиление руководящей роли рабочего класса — важнейший залог наших новых побед.

Союз рабочего класса с крестьянством на данной стадии социалистической стройки приобретает особо важное значение.

Я хотел бы особо обратить ваше внимание на выполнение нашего промышленного плана в 1932 году. Я должен сказать, что по первому кварталу выполнение нашей программы во всём Союзе и в Ленинграде оставляет желать лучшего.

Мы не только недовыполняем количественную сторону

наших планов, но мы особенно отстаём в отношении качества нашей работы, в деле снижения себестоимости и повышения качества нашей продукции.

Каждый из нас обязан сделать всё для того, чтобы программа 1932 года была выполнена и перевыполнена. Каждый рабочий и работница должны осознать особо важное и ответственное значение промфинплана текущего года, который завершает первую пятилетку и вводит нас во вторую пятилетку, ещё более важную по своему значению. От успешного выполнения нашей программы зависит не только укрепление индустриальной мощи нашей страны, улучшение снабжения трудящихся города и деревни,— надо постоянно помнить и другое: чем лучше будет работа наших фабрик и заводов, тем надёжнее и прочнее будет обороноспособность Советского Союза, военная мощь социалистического отечества всех трудящихся. В выполнении программы 1932 года Ленинградскому совету принадлежит крупнейшая роль.

РУКОВОДИТЬ КРЕПЧЕ, КОНКРЕТНЕЕ, С ГЛУБОКИМ ЗНАНИЕМ ДЕЛА

Громадное значение имеет сейчас работа наших советских органов — наших Советов по улучшению государственного аппарата. Об этом мы говорим не переставая на протяжении всех лет революции. Государственный аппарат у нас лучший по сравнению с любой буржуазной страной, но всё-таки такой, в котором ещё очень много всякого рода изъянов. Государственный аппарат, как мы его ни совершенствуем, ни шлифуем, нуждается в дальнейших улучшениях. Роль Совета, роль каждого депутата Совета очень велика. Мы поставили перед собой задачу на данном историческом этапе провести работу так, чтобы перестроиться и по-новому руководить работой. Надо на это дело, на эти новые способы руководства и новые способы работы обратить самое серьёзное внимание.

Дело складывается таким образом, что из года в год, по мере того как множатся материальные ресурсы нашей страны, развивается народное хозяйство, растёт социалистическая стройка, вырастает и наш социалистический аппетит, вырастают более высокие требования к нашему руководству.

Для того чтобы дело социалистической стройки двигать

вперёд более форсированным темпом, для этого надо руководить всеми областями нашего хозяйства, всей нашей хозяйственной и какой угодно работой ставить по-новому, руководить поближе, плотнее, крепче и конкретнее, с глубоким знанием дела. Надо научиться полностью использовать не только каждый день, но и каждую минуту нашего драгоценного времени, покончить навсегда с такой привычкой в работе, когда люди действуют по пословице: «работа не медведь, в лес не убежит», — спешить некуда. Ну, прошёл первый квартал 1932 года, подумаешь — какая важность. Впереди, слава богу, три квартала, успеем, дескать, — подождёт.

Когда спрашиваешь, как программа такого-то квартала выполнена? — отвечают: на 75%. Почему не на 100%? — Ещё успеем, ещё несколько дней есть.

Смотришь, в прошлом месяце — 31 день, один день лишний — ещё «гак» получается. Как-нибудь набегит.

Это — вреднейшее оппортунистическое рассуждение. Это — оправдание самотёка. Это — ставка на то, что всё само как-нибудь образуется.

На деле это обязательно приведёт к срыву программы. Если не навалишься и не нажмёшь, ничего вперёд не двинется. Вот даже на том уровне социалистического строительства, на котором мы сейчас находимся, — успехи громадные, стоим мы на гребне очень высоком, — но если бы так случилось, что мы задержались на некоторое время, то назад нас потянуло бы стремительным маршем.

Иногда бывает даже так, что вот поставили перед собой задачу, записываем её в торжественной обстановке; когда надо принимать резолюцию, все за неё: какие могут быть разговоры, мы — пролетарии, да ещё ленинградские, что это для нас — пустяки. Приняли резолюцию. Начали работать — и начинаются со всех сторон недоумения, начинают появляться сомнения: не много ли взяли, не хватило ли через край и т. д. И пока не произойдёт крепкой большевистской встряски, дела не получается.

Я вам приведу только один пример.

В начале зимы мы в Ленинграде испытывали затруднения с нефтью. Нефти по разным причинам мы завезли с прошлого лета не столько, сколько бы нам хотелось. Да тут ещё вышло так, что нефть стали расходовать в большом количестве. После всяческих шагов и мероприятий взялись за это дело как следует и из трудного положения с нефтью вышли.

И так в любом деле: как только вы несколько ослабляете темпы — развал неизбежен, и, наоборот, — то, что кажется сегодня невозможным, оказывается выполнимым, если всё как следует взвесить, учесть все ресурсы, до мелочей проверить всю постановку работы, разбудить творческую энергию рабочих и работников.

Ни на одну минуту нельзя пускать дело социалистической стройки на рельсы самотёка: самотёк — бич, который причиняет нам большой ущерб каждый день. Вместо того чтобы активно бросить все средства на выполнение программы — ждут, пока само придёт. Проходит день, другой — не приходит. Нельзя ни одной минуты надеяться на это «само придёт», нужно вести беспощадную борьбу против самотёка.

Я хочу остановить ваше внимание на вопросах жилищно-коммунального хозяйства.

Несмотря на предстоящий праздник, должен сказать вам, что в этом отношении нужно основательно подтянуться. Та исключительная программа, которую поставили перед нами партия и Советская власть, которой вы занимаетесь каждый день, требует колоссальнейшего напряжения со стороны каждого советского работника, каждого депутата Совета. Нужно сказать, что в этой отрасли работы сосчитаны не только месяцы, но буквально и дни.

‘Надо развернуть работу’ так, чтобы действительно в каждом звене нашего советского аппарата кипела работа, нужно сверху донизу провести мобилизацию всех сил и средств нашего Ленинградского и районных советов, для того чтобы выполнить, а тем более перевыполнить наш план.

А у нас есть признаки глубоко неправильного подхода к этому важному для трудящихся делу.

Если начать приобретать стройматериалы так, как иной раз их приобретаем, платить по 250 рублей за 1 тысячу штук кирпича, тогда, извините, всякий человек может повести строительство, для этого вовсе не нужно особых деловых качеств.

Мы обязаны сделать так, чтобы кирпичом, песком, гравием себя обеспечить по цене, которая была бы ниже плановой цены прошлого года на 4%. Так должен ставить перед собой задачу каждый рабочий и работница, так должны вести дело все строительные организации, все советские органы.

А если перестать считать деньги, перестать смотреть за качеством, лишь бы как-нибудь собрать да построить, тогда, конечно, никакого коммунального хозяйства не построишь.

Перед нами стоит задача не только вложения громадных денег в преобразование нашего города, но и широкого, систематического улучшения существующих фондов жилищно-коммунального хозяйства.

В нашем громадном городе заложены миллиарды. Город этот принадлежит трудящимся. Надо воспитать в каждом трудящемся заботливое и бережное отношение к городскому хозяйству, к улице, мостовой, мостам, трамваям, дому и т. д.

Посмотрите наши жакты. Мы имеем богатейший старый жилищный фонд. А отношение к жилищам в целом ряде случаев самое возмутительное. Живём в доме и думаем, что приехали на постоянный двор, где пожил, уехал — и тебя не касается. Это неверно. Это — безобразнейшее отношение к делу.

У каждого из нас должно быть чувство общественной собственности.

Мы должны быть собственниками гораздо более, чем любой капиталист. Каждую гайку, каждое звёнышко нашего дела надо беречь, надо холить самым настоящим образом, потому что это наше, рабочее, трудовое, это завоёвано нами.

Мы иной раз всё это забываем. Если дует — пусть дует, если льёт — пусть льёт, не наше, дескать.

Если намечено 340 миллионов рублей вложений, то мы говорим: не мало ли, не лучше ли вдвое больше? Это может быть законное рассуждение, но прежде чем так говорить, надо научиться беречь то, что есть, бережно относиться к эксплуатации наличных фондов. Если относиться по-хозяйски, так, чтобы каждая копейка жгла руку, когда платишь, то из того, что есть, можно сделать очень и очень много.

Чтобы закончить, надо сказать одно: тут нам нечего ждать, надо разворачивать широчайшим фронтом всю работу по преобразованию нашего города.

Я, грешный человек, думаю, что, если хотим по-настоящему преобразовать Ленинград, то должны дело так поставить, чтобы, куда ни посмотришь, чувствовалось во всём, что кипит напряжённая работа. А у нас этого пока

что нет: то мы ждём, чтобы снег растаял — нельзя мостовые чинить, но вот снег растаял, снега нет, будто бы все в порядке, а мы всё ждём, планируем. А посмотрите на наши мостовые вплоть до Невского — на хороших улицах шашки понемногу вываливаются, а мы ходим около этого дела с большими портфелями подмышкой и спрашиваем: где генеральный план реконструкции всего города? (*Смех, голоса: «Правильно».*) А чтобы попробовать эти шашки на место поставить — этого нет.

И большие, и малые, и пустяковые объекты надо по-настоящему поставить в порядок дня нашей работы. Дело социалистической реконструкции нашего города заключается не только в постройке новых домов, комбинатов и прочее, но и в том, чтобы привести в надлежащий порядок то, что мы имеем.

Товарищи, во всей нашей работе громадное значение будет иметь применение шести исторических указаний товарища Сталина. Без их проведения на деле, в практике работы нельзя по-большевистски вести борьбу за победоносное строительство социализма. Некоторые думают, что достаточно записать шесть условий товарища Сталина в резолюции, и всё дело пойдёт. Конечно, такое отношение к шести условиям товарища Сталина ничего, кроме вреда, делу принести не может и открывает настежь ворота оппортунистическому самотёку.

1933 год

ОДЕРЖАНА ВЕЛИКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОБЕДА

*Доклад об итогах январского объединённого пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) на собрании партийного актива
Ленинградской организации ВКП(б)
17 января 1933 года*

Товарищи, январский объединённый пленум ЦК и ЦКК¹ имеет совершенно исключительное значение.

Основной вопрос, которым был занят объединённый пленум, — это итоги нашей работы за последние четыре года, в течение которых мы осуществили нашу первую пятилетку.

Эта пятилетка, имеющая всемирно-историческое значение, войдёт в историю как эпоха великих работ социалистического строительства в нашей стране.

Вы все помните, товарищи, ту обстановку, в которой происходило составление плана нашей первой пятилетки.

Когда мы только что приступили к основным намёткам нашего пятилетнего плана, то многим казалось, что это настолько грандиозная работа, что нужно иметь громадную смелость, чтобы так или иначе определить основные задания этого плана.

Мне вспоминаются первоначальные наброски, проекты и докладные записки, которые говорили отнюдь не о том, что мы получили в действительности в итоге работы по осуществлению пятилетнего плана, которые не говорили о тех положительных великих достижениях, которые мы имеем сейчас. Эти первоначальные намётки останавливались главным образом на тех трудностях, которые авторам их казались неразрешимыми.

В первоначальном проекте говорилось о том, что едва ли в нашей стране найдутся материальные средства,

¹ Объединённый пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), происходивший 7—12 января 1933 г., рассмотрел следующие вопросы: 1. Итоги первой пятилетки и народнохозяйственный план 1933 года — первого года второй пятилетки. 2. Цели и задачи политических отделов МТС и совхозов. 3. Внутрипартийные вопросы. — *Ред.*

С. М. Киров на заводе ВАРЗ.
Картина худ. Н. Кочергина.

с помощью которых можно было бы браться за осуществление этого грандиозного исторического плана. Нам говорили о том, что мы на первых же шагах этой работы столкнёмся с такими трудностями, которых, пожалуй, ещё не знала наша страна.

Нас пугали громадным перенаселением в нашей стране, нам говорили об исключительном росте безработицы, который неизбежно будет, если мы начнём осуществлять программу этих великих работ. Это заявляли нам с серьёзнейшим видом «учёные» экономисты (часть которых потом оказалась вредителями), и это же повторяли отдельные члены нашей партии, впоследствии открыто перешедшие в лагерь правой оппозиции.

Но вот теперь, товарищи, мы уже имеем возможность не теоретически рассуждать о значимости и выполнимости пятилетнего плана, а на основе конкретных данных, подытоживая реальные результаты этой огромной работы. Если говорить коротко, то выполнением первого пятилетнего плана мы ответили в положительной форме на основные вопросы строительства социализма, которые стояли перед нами. Все вы знаете, как много времени мы потратили в дискуссиях на тему о том, возможно ли построение социализма в нашей стране. Троцкисты отрицали самую возможность построения социализма в одной стране; правые оппортунисты на словах не оспаривали возможности строительства социализма, предлагая, однако, на деле такую программу, которая неизбежно привела бы к буржуазно-капиталистической реставрации. Мне кажется, что сейчас уже трудно найти человека, конечно, здорового человека, который взялся бы отстаивать те положения, с которыми выступали оппозиционные течения всех направлений в нашей партии. Победоносным осуществлением нашего пятилетнего плана мы доказали, что строительство социализма в нашей стране, которая была в начале первой пятилетки крайне отсталой в технико-экономическом и культурном отношении, возможно.

Больше того, мы уже одержали решающие победы в социалистическом строительстве. Мы твёрдо, в положительной форме ответили на основной вопрос, который поставил Владимир Ильич, на вопрос «кто кого».

Выдающаяся роль в нашей исторической борьбе за пятилетку принадлежит товарищу Сталину.

Когда мы только что вступили в первые этапы нашей

работы по пятилетнему плану, товарищ Сталин задавал вопрос:

«Существуют ли у нас, в нашей Советской стране, средства и силы, необходимые для того, чтобы уничтожить, ликвидировать возможность восстановления капитализма?»

И отвечал:

«Да, существуют. На этом именно и зиждется правильность тезиса Ленина о возможности построения в СССР полного социалистического общества. Для этого необходимо упрочение пролетарской диктатуры, укрепление союза рабочего класса и крестьянства, развитие наших командных высот под углом индустриализации страны, быстрый темп развития индустрии, электрификация страны, перевод всего народного хозяйства на новую техническую базу, массовое кооперирование крестьянства и поднятие урожайности его хозяйства, постепенное объединение индивидуальных крестьянских хозяйств в общественные хозяйства, развитие совхозов, ограничение и преодоление капиталистических элементов города и деревни и т. д. и т. п.»¹ Так стоял вопрос, когда мы подходили к работам по пятилетнему плану.

Программа, которую наметил в 1928 году товарищ Сталин, и легла в основу всей нашей работы.

МЫ СОЗДАЛИ НОВЫЕ ГРОМАДНЫЕ ОТРАСЛИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Что мы теперь в результате первой пятилетки имеем? Тут я должен заранее оговориться, что мне придётся привести довольно порядочное количество цифр, тех цифр, которые, как мне кажется, должны быть постоянно в голове каждого коммуниста, каждого сознательного рабочего, каждого колхозника. Мы должны помнить паизусть по крайней мере основные показатели той работы, которую мы закончили на протяжении этой пятилетки.

Если мы обратимся к основной работе в нашем социалистическом строительстве, к развёртыванию социалистической промышленности, то здесь мы имеем по валовой продукции в среднем по всем отраслям промышленности выполнение на 93,7% нашего пятилетнего плана.

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 206, изд. 11-е.

Как видите, если взять на круг, то некоторое количество процентов мы недовыполнили, хотя общая валовая продукция всей промышленности нашей страны более чем вдвое превысила уровень 1928 года.

Но если брать группу «А», т. е. тяжёлую промышленность, основу нашей индустриализации, то мы пятилетний план по ней выполнили на 108% и произвели в 1932 году 258,6% того, что выпустили в 1928 году.

По группе «Б», т. е. по лёгкой промышленности, мы выполнили план на 84,9%. Это отнюдь не значит, конечно, что мы не имеем за это время в области лёгкой промышленности громадных успехов. Достаточно сказать, что выпуск лёгкой промышленности составил в 1932 году 187% того, что она произвела в 1928 году. Но известное отставание от плана тут, конечно, налицо.

Мы запроектировали капитальные вложения в нашу промышленность на протяжении пятилетки в 18,8 миллиарда рублей. Фактически они выразились в сумме 23,3 миллиарда рублей, т. е. на 24% больше, чем мы полагали. Сами по себе эти проценты говорят уже много, но они становятся ещё значительнее, если сопоставить их с тем, как мы выполнили пятилетку в её основных, решающих, узловых местах.

Вы знаете, что мы поставили основной задачей на протяжении пятилетки индустриализировать нашу страну. Это одна из основных, кардинальных задач нашей работы, и в этом отношении мы имеем показатели ещё более значительные, чем те проценты, которые я только что огласил.

Мы сумели на протяжении четырёх с небольшим лет поднять на невиданную высоту отрасли индустрии, имевшиеся раньше у нас в зачаточном состоянии. Мы за этот промежуток времени сумели создать новые отрасли промышленности, которых старая Россия и наш Советский Союз до пятилетнего плана не имели.

Товарищ Сталин, подводя на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) величайшие итоги нашей работы, говорил:

«У нас не было чёрной металлургии, основы индустриализации страны. У нас она есть теперь.

У нас не было тракторной промышленности. У нас она есть теперь.

У нас не было автомобильной промышленности. У нас она есть теперь.

У нас не было станкостроения. У нас оно есть теперь.

У нас не было серьёзной и современной химической промышленности. У нас она есть теперь.

У нас не было действительной и серьёзной промышленности по производству современных сельскохозяйственных машин. У нас она есть теперь.

У нас не было авиационной промышленности. У нас она есть теперь.

В смысле производства электрической энергии мы стояли на самом последнем месте. Теперь мы выдвинулись на одно из первых мест.

В смысле производства нефтяных продуктов и угля мы стояли на последнем месте. Теперь мы выдвинулись на одно из первых мест.

У нас была лишь одна единственная угольно-металлургическая база — на Украине, с которой мы с трудом справлялись. Мы добились того, что не только подняли эту базу, но создали ещё новую угольно-металлургическую базу — на Востоке, составляющую гордость нашей страны.

Мы имели лишь одну единственную базу текстильной промышленности — на Севере нашей страны. Мы добились того, что будем иметь в ближайшее время две новые базы текстильной промышленности — в Средней Азии и Западной Сибири.

И мы не только создали эти новые громадные отрасли промышленности, но мы их создали в таком масштабе и в таких размерах, перед которыми бледнеют масштабы и размеры европейской индустрии»¹.

Если перевести то, что говорил товарищ Сталин, на язык цифр, то получаются такие достижения: на протяжении нашей пятилетки мы сумели увеличить производство чугуна до 190% по сравнению с 1928 годом; на протяжении пятилетки мы ввели в действие 40 доменных печей, из которых 17 совершенно новых; мы установили 66 мартеновских печей, из которых 45 совершенно новых.

В 1933 году мы думаем зажечь новых 15 доменных печей и 51 мартен. На протяжении пятилетки мы сумели поднять важнейшие отрасли народного хозяйства, без которых невозможна никакая индустриализация. Я говорю о цветной металлургии. Мы поставили тракторное производство и далеко обогнали в этой отрасли все европей-

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 373—374, изд. 11-е.

ские страны. Мы приступили к постройке автомобилей, и в частности здесь, в Ленинграде, мы должны будем решить в 1933 году на «Красном путиловце» новую задачу по постройке легковых автомобилей европейского типа. Мы сумели на протяжении пятилетки в четыре с половиной раза по сравнению с 1928 годом увеличить наше машиностроение и станкостроение.

В области химии, где мы являлись наиболее отсталой страной, мы заново поставили на протяжении четырёх с небольшим лет 58 крупных химических заводов, вложив в них почти 1,5 миллиарда рублей.

В области сельскохозяйственного машиностроения в 1928 году мы имели продукции на 140 миллионов рублей, теперь же, в 1932 году, мы добились выпуска её на 412 миллионов рублей, или в три раза больше, чем было накануне пятилетки. Мы здесь сумели переключиться на производство особенно сложных сельскохозяйственных машин, таких, как комбайны, и машин, преимущественно направленных к развёртыванию и поднятю технических культур, сельского хозяйства, — я говорю о разного рода уборочных машинах. Мы в течение 1931/32 года сумели освоить около 130 марок новых сельскохозяйственных машин.

Мы сумели поставить авиационную промышленность и в частности наладить производство мощных авиамоторов; производство электроэнергии мы сумели увеличить с 5 миллиардов киловатт-часов в 1928 году до 13 540 миллионов киловатт-часов в 1932 году, причём мощность электростанций с 1 905 тысяч киловатт в 1928 году выросла до 4 677 тысяч киловатт в 1932 году. Вместо 18 районных электростанций в 1928 году мы сейчас имеем 44 районных станции, в том числе 10 станций мощностью свыше 100 тысяч киловатт, в то время как в 1928 году мы не имели ни одной такой станции. Я мог бы продолжить перечисление этих цифр, но я думаю, что это заняло бы слишком много времени; вы можете ознакомиться с ними по опубликованным в нашей печати материалам пленума. Но я ещё раз подчёркиваю, что во всех этих показателях нельзя забывать ни на одну минуту качественную сторону дела. Речь идёт не только о массовом количестве валовой продукции, речь идёт о её характере, о том, что мы добились выпуска продукции нап-

более сложной, наиболее совершенной, наиболее отвечающей последним техническим требованиям Европы и Америки. В этом отношении мы проделали настоящую революцию в таких отраслях, как угольная, нефтяная и торфяная промышленность. Мы в 1932 году механизировали добычу угля на 65,1%, но при этом нужно иметь в виду, что в этой области мы уже почти вплотную подошли к такой стране, как США, где процент механизации не намного больше, чем у нас. Сейчас у нас 72%, а у них — 77%.

В нефтяной промышленности мы на протяжении пятилетки добились того, что добыча нефти механизирована на все 100%. Вся нефть добывается исключительно механизированным путём. Если при царе и в первые годы нашего советского строительства нефть добывалась знаменитой желонкой, то сейчас эта желонка уже музейная редкость. Даже добычу торфа мы сумели механизировать, и если в 1928 году добыча его была механизирована всего на 15%, то сейчас уже на 64%.

Нужно ли вам, товарищи, перечислять наши гиганты, которые мы за эти четыре года построили и пустили в ход? Мне кажется, что сейчас уже в любой школе всех ступеней, даже наши малыши знают о наших гигантах — Магнитогорске, Кузнецке, Днепрострое, тракторных заводах, Московском автомобильном заводе, Сельмаше, Березниках и длинном ряде тех новых гигантов, которые мы построили за эти четыре с небольшим года. Надо иметь в виду, что это не просто гиганты, т. е. большие заводы с большим количеством станков и оборудования, с большим количеством работающих на них рабочих. Эти заводы по своему оборудованию представляют собой образцы передовой промышленной техники. Об этом вы все прекрасно знаете, это у нас уже достаточно популяризировано. Я хочу обратить ваше внимание на другое. Дело в том, что наряду со строительством новых заводов, новых гигантов мы ни на одну минуту не забывали реконструкции наших старых заводов, что особенно важно в частности для нашей ленинградской промышленности. И в этом отношении мы, товарищи, добились также совершенно исключительных успехов. Установка новых машин и станков на наших предприятиях по годам происходила следующим образом: в 1928 году мы поставили на наших фабриках и заводах 9 400 новых станков, из них 34%

станков и машин отечественного производства; в 1929 году — 11 800 новых станков, из них 43% отечественного производства; в 1930 году — 21 500 новых станков, из них 42% отечественного производства; в 1931 году поставили 31 200 станков, из них 41% отечественного производства, и в одном только первом квартале 1932 года мы поставили 10 300 новых станков и машин, из них 46% отечественного производства.

В этой области, товарищи, мы также успешно догоняем и перегоняем передовые капиталистические страны. У нас нет совершенно точных сравнительных цифр, ибо эти страны пока что ещё не завели социалистического учёта своей промышленной мощи, но даже по тем данным, которыми мы располагаем, не подлежит никакому сомнению, что у нас машин и станков больше, чем, скажем, во Франции, и, несомненно, не меньше, чем в Англии. А вот если взять США, эту страну, которая буквально насыщена станками, то мы имеем одну пятую того, что имеют США.

Если взять структурную сторону нашего оборудования, наших машин, т. е. их качество и их техническое совершенство, то здесь, товарищи, надо прямо сказать, что если мы в отношении количества, по сравнению с Америкой, представляем собой величину в пять раз меньшую, то в отношении качественной стороны мы едва ли в чём-нибудь ей уступим. А если взять такие гиганты, как наши тракторные заводы, то надо прямо сказать, что таких заводов в мире нет не только по величине, но и именно по качеству своего оборудования.

РАЗРЕШЕНЫ СЛОЖНЕЙШИЕ ТЕХНИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Наряду со строительством новых гигантских заводов мы провели громадную работу в отношении переоборудования и увеличения производительности наших старых заводов. В этом отношении особенно интересны данные нашей ленинградской промышленности. Они частично фигурировали на последнем пленуме ЦК нашей партии.

Например, если взять завод «Светлана», то здесь мы имеем такие данные. В 1928 году основной капитал этого завода равнялся 3 560 тысячам рублей, в 1932 году — 5 600 тысячам рублей. Рабочих было 583 человека, теперь 5 тысяч человек. Валовая продукция составляла 3,97 миллиона рублей, а в 1932 году уже 78,2 миллиона рублей.

Если взять такой завод, как «Электроприбор» (я буду говорить только по выпуску продукции), то он в 1928 году выпускал на 707 тысяч рублей продукции, а сейчас выпускает на 24,4 миллиона рублей. Основной капитал этого завода возрос в два с половиной раза, с 2,8 до 7,6 миллиона рублей.

«Электросила» выпускала продукции на 23 миллиона рублей, а сейчас выпускает на 78 миллионов рублей. Основной капитал «Электросилы» вырос почти в два раза (с 12,9 до 23,3 миллиона рублей).

«Красный путиловец» выпускал продукции на 47 миллионов рублей, а сейчас выпускает на 163 миллиона рублей. Основной капитал «Красного путиловца» возрос с 59 миллионов рублей в 1928 году до 109,2 миллиона рублей в 1932 году.

Оптический завод выпускал продукции на 4495 тысяч рублей, а сейчас выпускает на 35 с лишним миллионов рублей. Основной капитал этого завода увеличился за пятилетку в три с лишним раза.

Если взять 23 аналогичных завода по всему нашему Союзу (старые заводы), то оказывается, что основной капитал этих заводов в 1928 году был 257,8 миллиона рублей, теперь этот капитал равен 493 миллионам рублей. Работали на этих 23 заводах 54 тысячи человек, сейчас работают 139 тысяч. Если эти заводы в 1928 году выпустили продукции на 284 миллиона рублей, то сейчас они выпускают на 1308 миллионов рублей. Выработка на одного рабочего увеличилась на протяжении пятилетки на 82%.

Говоря о качественной стороне реконструкции нашего народного хозяйства, нельзя не привести ещё одной области нашей работы, которая внешне кажется наиболее отсталой, которая оставляет желать (это надо прямо сказать) в настоящее время ещё много лучшего. Я имею в виду нашу строительную промышленность. Все вы знаете, что качество работы нашей строительной промышленности и многих наших строительных организаций стоит не на должной высоте. В частности это мы видим по нашему коммунальному и жилищному строительству в Ленинграде.

И всё-таки, если мы возьмём даже эту, значительно отставшую отрасль промышленности и подытожим ту работу, которую мы проделали по её реконструкции, то результаты получатся очень интересные.

Центральное статистическое управление подсчитало, что в строительной промышленности к концу пятилетки мы имеем около 30 тысяч электромоторов, которые представляют в общем 400 тысяч лошадиных сил, в то время как до войны все электрические станции старой царской России давали 1 миллион лошадиных сил. Таким образом, только механизация и электрификация нашего строительства потребляют 40% всей той электрической энергии, которая добывалась в старой царской России.

Ещё один показатель, который я возьму также по сравнению со старой царской Россией. Если взять так называемое ударно-обжимное оборудование нашей промышленности и, скажем, приравнять к 100 то, что было в самом начале империалистической войны, то мы имеем сейчас 465%.

Если взять так называемые режущие станки и машины, то по сравнению с 1914 годом 1932 год даёт 541%, т. е. почти в пять с половиной раз больше. Вот если бы сейчас взять всех этих Гучковых, Рябушинских, Путиловых и т. д. и ткнуть их носом в эти цифры, то они должны были бы по совести (если бы у них была совесть) признать, что за четыре года пятилетки рабочий класс сделал больше для индустриализации и технического подъёма нашей страны, чем сделали фабриканты и банкиры за десятки лет своего господства.

Я ещё раз, товарищи, обращаю ваше внимание на то, что ни в коем случае нельзя останавливаться только на чисто цифровых данных, а нужно постоянно помнить о качественной стороне этого нового оборудования. Мы сейчас можем твёрдо, без хвастовства, с полной уверенностью заявить, что нет сейчас на свете такой сложной машины, нет такого сложного станка, которых мы не смогли бы сделать на наших советских социалистических заводах. Если мы чего-нибудь не делаем или делаем что-нибудь плохо, то не потому, что этого не позволяет нам мощность оборудования наших фабрик и заводов, а только потому, что мы не всегда умело обращаемся с тем, что мы имеем. Совсем ещё недавно, какие-нибудь два, два с половиной года тому назад, мы отказывались делать целый ряд станков и машин, считая, что мы до этого не доросли, и нужен был величайший нажим ЦК нашей партии, чтобы приняться за это дело. Так, в начале 1932 года, по инициативе товарища Сталина, ЦК жёстким образом ограничил ввоз импортного оборудо-

дования в нашу страну. И когда нас поставили перед дилеммой — или производи своё оборудование, или вообще его не получишь, то наши хозяйственники, наши партийцы, наши ударники и инженеры стали пошесвельчивать мозгами и в 1932 году сделали гигантский шаг вперёд. И теперь, когда открываешь любую из наших газет, интересующуюся вопросами нашего промышленного хозяйства, то изо дня в день встречаешь сообщения: то там, то сям, то на одном, то на другом заводе выпускаются новая машина, новый станок, новая установка, которых до сих пор в Советской стране не делали. Надо сказать ещё раз, сказать прямо, что нет сейчас такой машины, которую мы не сумели бы сделать, если бы захотели.

Первое время мы копировали иностранный технический опыт. Теперь положение иное — наши молодые и старые специалисты разрешают сейчас такие конструктивные задачи, которые вчера казались совершенно неразрешимыми, мы разрешаем их самостоятельно, без всякой помощи со стороны. Мы вырастили за это время кадры своих, советских, высококвалифицированных инженеров, инженеров-конструкторов, мы сломали сопротивление и разгромили организации вредителей, мы сделали всё, чтобы использовать технический опыт и знания старого инженера — и в результате мы добились разрешения сложнейших технических проблем. Достаточно вспомнить только блюминг, производство высоковольтного кабеля, карбюраторов, производство высококачественных сталей и многое другое.

Я уже говорил вначале, что мы по пятилетнему плану в общем валовом выпуске нашей промышленности недополнили несколько процентов. Надо сказать, что это мы большим ущербом, большим недочётом в нашей работе не считаем. Дело в том, что за последние полтора года и особенно за 1932 год нам пришлось произвести большое переключение работы наших машиностроительных заводов в сторону поворота их на производство орудий и средств обороны нашей страны. Вы знаете, что как раз накануне последнего года пятилетки, четвёртого года, вокруг нашего Советского Союза очень сильно сгустились тучи, главным образом на Востоке. И тогда Центральный Комитет, по инициативе товарища Сталина, крепко поставил вопрос о том, что

пятилетний план, конечно, пятилетним планом, ширпотреб, конечно, ширпотребом, всякая лёгкая индустрия, конечно, своим чередом, но, если мы будем сидеть и ждать у моря погоды, если мы будем сидеть и ждать, когда кто-нибудь попробует, насколько подготовлена Советская страна к защите нашей социалистической стройки, и не будем принимать меры к тому, чтобы должным образом встретить любого врага, мы можем оказаться в очень тяжёлом положении. Мы вели и ведём твёрдую политику мира, но все вы всликоленно понимаете, что, проводя эту политику, мы должны быть в полной готовности к обороне нашей страны, и притом к обороне от противника, вооружённого и снабжённого по всем правилам современной военной техники. И это заставило нас обратить особое внимание на техническую базу нашей обороны.

И вот то относительное невыполнение нашей программы, о котором я вам говорил, целиком обусловлено тем, что мы переключили значительную долю внимания на производство предметов обороны. Плохо или хорошо сделали мы? Безусловно сделали очень хорошо.

В современных международных отношениях происходит то же самое, что в обычных человеческих отношениях. Если, скажем, человек драчливого нрава встречается с человеком сажённого роста, то при всей своей драчливости он деликатно походит вокруг этого человека. А если он встретит человека слабого, развинченного, который идёт и ноги волочит, то у драчуна невольно руки чешутся и хочется подраться. Это сравнение, может быть, немного грубое, но в нынешних международных отношениях именно так и происходит. Если ты слаб, не вооружён, ты хоть двадцать тысяч раз исповедуй мирную политику, тебя будут грабить и бить, и никакими словесными протестами ты этого грабежа не остановишь. Таков закон капитализма. Если до сих пор были наивные люди, которые этого не понимали, то то, что происходит сейчас на Дальнем Востоке, должно отрезвить самого наивного человека.

А так как мы отнюдь не хотим, чтобы нас били и грабили, и так как мы отнюдь не хотим, чтобы кто-нибудь извне вмешивался в нашу социалистическую стройку, чтобы её немножко «поправить» на капиталистический образец, то мы должны были поставить перед собой задачу создать мощную техническую базу обороны

нашей страны. Мы эту задачу поставили, мы сделали всё, чтобы её выполнить, и мы её выполнили.

И, товарищи, прямым следствием укрепления обороноспособности нашей страны являются пакты о ненападении. Тут надо прямо сказать, что если мы и дальше хотим обеспечить спокойствие нашей социалистической стройки, то безусловно надо, наряду с настойчивым проведением политики мира, наряду с беспощадным разоблачением империалистической комедии о «разоружении», надо систематически и упорно работать над дальнейшим усилением обороноспособности нашей страны. И в 1933 и 1934 годах нам надо этот участок работы обеспечить на все 100 %.

ГОРОД ЛЕНИНА ГЕРОИЧЕСКИ БОРОЛСЯ ЗА ПЕРВУЮ ПЯТИЛЕТКУ

Товарищи, в героической борьбе за досрочное выполнение нашей первой пятилетки, борьбе, которую успешно завершил рабочий класс нашей страны, почётное место принадлежит нашему городу, в котором мы с вами живём, городу Ленина.

Наша ленинградская промышленность за время первой пятилетки больше чем утроила выпуск своей продукции. Если в 1928 году мы выпустили продукции на 1,5 миллиарда рублей, то в 1932 году валовая продукция ленинградской промышленности достигла 4,7 миллиарда рублей.

Свой пятилетний план ленинградская промышленность, в основном, выполнила в три года. А если взять 1932 год и сравнить его с теми намётками, которые мы делали для последнего года пятилетки, то окажется, что план последнего года выполнен нами на 115,8 %. Соответствующая цифра по Союзу, как я уже говорил, равняется 93,7 %.

Мы сумели за время нашей пятилетки в Ленинграде освоить свыше 200 новых производств, которых не знала старая, дореволюционная ленинградская и вообще российская промышленность. Громадную роль в этих технических завоеваниях сыграли, надо это особенно отметить, научно-исследовательские организации Ленинграда, которые проделали громадную работу в области металлургии, химии, электротехники и т. д.

Ленинград и ленинградские научные учреждения сыграли чрезвычайно большую роль в той гигантской работе по выявлению и освоению громадных природных богатств

нашей страны, которую мы проделали в первой пятилетке.

Число лиц, занятых наёмным трудом в Ленинграде и области, с 917 тысяч человек в 1928 году увеличилось до 1 919 тысяч человек, т. е. на один миллион человек. Число лиц, занятых в цензовой промышленности, увеличилось с 401 тысячи человек до 882 тысяч, т. е. на 481 тысячу человек.

По отдельным отраслям пятилетний план выполнен ленинградской промышленностью следующим образом: тяжёлая промышленность выполнила пятилетку на 142%. Валовая продукция тяжёлой промышленности в 1932 году составила к валовой продукции 1928 года 435%. Лёгкая промышленность выполнила пятилетку на 82,6%. Как вы видите, лёгкая промышленность отстаёт, но и она по отношению к 1928 году, взятому за 100, даёт увеличение продукции почти в два раза (188,9%).

Лесная промышленность выполнила пятилетку на 77,7%, валовая продукция 1932 года в процентах к 1928 году равна 174%.

Пищевая промышленность выполнила пятилетку на 129,5%, валовая продукция в процентах к 1928 году — 281,9%.

Вся промышленность, как я уже сказал, дала в 1932 году 115,8% того, что она должна была дать в последнем году пятилетки, и 301,9% по сравнению с фактическим уровнем 1928 года.

Мощность электростанций Ленинграда со 128 тысяч киловатт в 1928 году поднялась до 300 тысяч киловатт в 1932 году.

Удельный вес ленинградской промышленности в отношении к союзной промышленности в 1928 году выражался в 10%. Сейчас наш удельный вес равен 15%. Таким образом, наша роль не только не падает, но увеличивается.

Нельзя не отметить, что мы, главным образом во второй половине нашей пятилетки, произвели громадные работы по реконструкции нашего Ленинграда, особенно много сделано в этом отношении в 1932 году — последнем году пятилетки.

Мы сейчас подошли вплотную к настоящей, глубокой и основательной реконструкции всего городского хозяйства. Правда, мы делаем это не совсем успешно в некоторых

областях, но в общем и целом мы достигаем здесь очень высокого уровня.

Нужно особо отметить ту большую работу, которая проделана на протяжении пятилетки в отношении освоения северных районов нашей области. Я имею в виду Карельскую республику и Кольский полуостров, особенно ту часть его, которая находится за Полярным кругом и которая три года тому назад казалась не только нам, но и вообще всему Союзу недоступной. Совсем недавно казалось, что заниматься освоением тяжёлой северной природы там, за Полярным кругом, где вечные холода и полугодовые ночи, является слишком трудной задачей. Но сейчас эта задача успешно разрешена.

За последние два-три года в северных районах нашей области нами произведена колоссальная работа. Все вы слышали о сложнейшем комбинате, который расцвёл в Хибинах вокруг апатитов. Мы сейчас имеем созданный буквально на пустом месте город с населением в 45 тысяч человек. И каждый день несёт новые открытия, если не в Хибинах, то в окружающих районах.

Эта северная, считавшаяся бесплодной и бесполезной, пустыня оказалась в действительности одним из богатейших мест на земле. В настоящее время апатиты, которые мы думали вначале употреблять только как средство удобрения нашей советской земли, являются одним из важнейших видов технического сырья и находят себе применение свыше чем в двадцати производствах, причём каждый новый день открывает всё новые возможности применения этого совершенно исключительного минерала.

В этих же северных районах мы ставим производство алюминия, собираемся ставить производство серной кислоты, там мы имеем громадные богатства разных редких металлов.

Мы открыли залежи железных руд, которые простираются от Мурманских берегов дальше на юг. Сейчас там идёт и в 1933 году должно быть закончено строительство довольно большой, по тамошним масштабам, станции на реке Ниве мощностью в 60 тысяч киловатт. И, наконец, что имеет особо громадное значение в деле освоения Севера, там разрешается поставленная по инициативе товарища Сталина задача — соединить водным путём Балтийское море с Белым. Уже в старину были смелые люди, которые мечтали об этом, но ни

у кого нехватило сил и средств осуществить этот смелый замысел. Нет сомнения, что если нев мае, то летом 1933 года Балтийско-Беломорский канал будет открыт. Он будет иметь большое народнохозяйственное значение, ему будет принадлежать также большая роль в деле усиления обороны наших северных границ.

ОСВОИМ НОВЫЕ ГИГАНТЫ, ОВЛАДЕЕМ НОВОЙ ТЕХНИКОЙ

Успехи нашей социалистической индустриализации и реконструкции сельского хозяйства обеспечили на протяжении первой пятилетки значительные сдвиги в росте материального и культурного уровня широких трудящихся масс. Весь народный доход нашего Союза дал на протяжении пятилетки прирост на 85% и достиг в 1932 году 45,1 миллиарда рублей.

Мы сумели за это время вдвое увеличить число рабочих и служащих нашей страны. Мы подняли заработную плату на 67% в среднем, увеличили фонды нашего социального страхования на 292%; охват общественным питанием за время пятилетки увеличился в шесть раз, и сейчас около 70% рабочих и служащих ведущих предприятий охвачены общественным питанием.

Все эти показатели достаточно ярко говорят о систематическом улучшении материально-бытового положения широких рабочих масс в результате первой пятилетки.

Особенно крупные достижения в деле улучшения материального положения трудящихся мы имеем в связи с полной ликвидацией безработицы. Товарищ Сталин достаточно ярко обрисовал наши исключительные достижения в области ликвидации безработицы и ликвидации нищеты в деревне. Я думаю, что среди присутствующих есть такие товарищи, которые в своё время бывали на положении безработных и знают, какое это величайшее несчастье для человека. И вот уже третий год мы не знаем безработицы, и наши рабочие не знают того чувства постоянной боязни лишиться работы, постоянной неуверенности в завтрашнем дне, которое тяжёлым бременем висит над каждым европейским и американским рабочим.

Помимо этих моментов, тесно связанных с материальным положением нашего рабочего, ликвидация безрабо-

тицы является громадным плюсом и с точки зрения народнохозяйственной. Надо сказать, что в 1926 году мы имели зарегистрированных безработных около 1 миллиона человек, в 1928 году их было 1½ миллиона. Полтора миллиона безработных обходились государству примерно (не всё ещё подсчитано) около 1 700 миллионов рублей в год. Если бы мы не сумели ликвидировать безработицу, то, несомненно, в данное время, скажем, в 1932 году, мы тратили бы в результате этой безработицы 2—3 миллиарда рублей в год. Вы понимаете, товарищи, каким громадным ущербом это явилось бы для всего нашего народного хозяйства.

Сейчас мы приступили к выполнению плана второй пятилетки. Пока мы имеем записанный и установленный план работы на 1933 год, в ближайшее время полностью будет утверждена вторая пятилетка.

Основным для второй пятилетки является то, что нам надо сейчас мобилизовать себя таким образом, чтобы в кратчайший срок суметь полностью овладеть всем тем, что было нами создано на протяжении первой пятилетки. Я имею в виду не только освоение новых гигантов промышленности, но я имею в виду освоение той техники, которая вложена как в новые, так и в старые предприятия нашей промышленности. Это огромная, совершенно исключительная задача, которая стоит перед каждым из нас и решение которой требует напряжённой работы, подъёма на более высокую ступень качества и организации руководства промышленными предприятиями.

Первая пятилетка имела свои задачи — задачи проведения индустриализации нашей страны наиболее ускоренными темпами.

Задачи второй пятилетки будут заключаться в освоении в кратчайший срок всего того, что мы создали до настоящего времени. Нам необходимо полностью овладеть всей этой новой техникой, новыми заводами и установками и организовать производство таким образом, чтобы в ближайшее время загрузить полностью весь имеющийся у нас огромный производственный аппарат, оборудованный согласно требованиям современной передовой техники.

Не говоря уже о новых заводах, подсчитано, что наши старые заводы имеют ещё в данное время запасную, резервную мощность от 25 до 30%. Всем этим мы должны, товарищи, овладеть. Отсюда для второй пятилетки мы

берём уже несколько менее ускоренные темпы, чем те, которые были в первой пятилетке.

Это, товарищи, отнюдь не значит, что наше абсолютное движение вперёд станет медленным. Об этом очень понятно и исчерпывающе сказано в докладе товарища Сталина. Если в 1925 году каждый процент прироста нашей продукции давал всего 45 миллионов рублей, а в 1928 году каждый процент равнялся 126 миллионам рублей, то в 1933 году каждый процент прироста промышленной продукции составляет уже 320—340 миллионов рублей. О чём говорят эти цифры? Они говорят о нашей возросшей во много раз индустриальной мощи. Они говорят о том, что если 66% прироста продукции в 1925 году составляли всего 3 миллиарда рублей, то 16% прироста продукции в 1933 году составляют свыше 5 миллиардов рублей, т. е. почти вдвое больше. Это надо помнить для того, чтобы совершенно ясно представить себе, что означают в условиях второй пятилетки те или другие проценты прироста.

Мы накопили на протяжении первой пятилетки порядочно опыта, обогатили наши знания, научились лучше работать, и всё это нам нужно приложить на протяжении второй пятилетки, с тем чтобы, двигаясь менее ускоренными темпами на протяжении первых лет второй пятилетки, через два-три года суметь развернуть наши творческие силы таким образом, чтобы двинуться вперёд быстрее, опираясь на новые громадные технические возможности, которые имеются в нашей социалистической промышленности.

СДЕЛАЕМ КОЛХОЗЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО БОЛЬШЕВИСТСКИМИ

Перехожу к нашему сельскому хозяйству. Здесь мы на протяжении пятилетки, опираясь на достижения, которые мы имели в промышленности, также достигли громадных успехов. Заложив основу, укрепив нашу тяжёлую промышленность, создав мощную техническую базу индустриализации, мы тем самым получили возможность развернуть социалистическую перестройку нашего народного хозяйства в других областях — и в сельском хозяйстве, и на транспорте, и в коммунальном хозяйстве, и во всех прочих областях нашей народнохозяйственной работы. Но особенным вниманием партии пользовалось наше сельское хозяйство, и это понятно. На протяжении этой пятилетки

мы решали кардинальную задачу, ту задачу, о которой говорил в 1928 году товарищ Сталин, задачу объединения индивидуальных крестьянских хозяйств в обобществлённые хозяйства, развития совхозов, ликвидации капиталистических элементов деревни на базе сплошной коллективизации.

Сейчас, как вы уже знаете, мы вместо 23—25 миллионов распылённых индивидуальных крестьянских хозяйств имеем около 200 тысяч колхозов и 5 тысяч совхозов, причём эти 200 тысяч колхозов обслуживаются 2 446 машинно-тракторными станциями, этими основными рычагами технической реконструкции сельского хозяйства. Благодаря этому мы получили возможность в значительной степени повысить эффективность нашего сельского хозяйства. Если в начале пятилетки мы получали от нашего сельского хозяйства около 600 миллионов пудов хлеба для государства, то сейчас эта цифра достигает уже 1 200—1 400 миллионов пудов. Посевные площади за это время увеличились на 21 миллион гектаров, причём технические культуры расширились на 75%. В частности в нашей Ленинградской области основная техническая культура — лён — увеличилась за эту пятилетку на 75%.

Здесь, как и в промышленности, нельзя говорить только о количественной стороне дела, здесь также необходимо иметь в виду, что каждый наш шаг в перевооружении сельского хозяйства надо рассматривать в первую очередь с точки зрения качественного переворота в нашем сельском хозяйстве, и в этом отношении мы имеем также чрезвычайно показательные цифры. К началу пятилетки у 27% крестьянских хозяйств не было рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря, и 47% крестьянских хозяйств имели только пахотный инвентарь, другого не было. Таким образом, в итоге, 74% крестьянских хозяйств или совсем не имели никакого рабочего скота и инвентаря, или имели только пахотный инвентарь.

Что же мы имеем к концу первой пятилетки? 25% крестьянских хозяйств имеют уже целую систему сложных машин, 30% крестьянских хозяйств имеют набор машин для конной тяги, не только для пахотной работы, но и для прочих сельскохозяйственных работ. Таким образом, больше половины крестьянских хозяйств обеспечено достаточно совершенным сельскохозяйственным инвентарём. Надо иметь

в виду, что к началу пятилетки 40 % крестьянских хозяйств молотили хлеб вручную, цепом, чем молотили ещё при Владимире Мономахе. В 1933 году мы ставим задачу — и думаем, что осуществим её на всё 100 %, — производить обмолот машинами.

Вот те немногие показатели, которые я привёл для того, чтобы показать, каким стремительным темпом идёт реконструкция нашего сельского хозяйства. Я не говорю о том, какое громадное количество тракторов, автомобилей и прочей тяговой силы мы перебросили в наше сельское хозяйство. Достаточно сказать, что в 1932 году на полях нашего Союза работало 148 тысяч тракторов. В нашем сельском хозяйстве происходит сейчас громадная техническая революция, значение которой тем более важно, что наше сельское хозяйство ещё вчера представляло собою совершенно отсталый участок. Главная задача, поставленная пятилеткой в области сельского хозяйства, заключалась в проведении коллективизации.

Если взять на круг по Союзу, мы имеем свыше 60 % крестьянских хозяйств, объединённых в колхозы, причём около 70 % лучших, надо подчеркнуть, земель находится в распоряжении обобществлённого сектора. Таким образом, задача коллективизации нашей деревни на протяжении первой пятилетки решена, и решена прочно.

«Теперь вопрос стоит уже не об ускоренных темпах коллективизации, и тем более не о том — быть или не быть колхозам, — этот вопрос уже решён положительно. Колхозы закреплены, и путь к старому, единоличному хозяйству закрыт окончательно. Теперь задача состоит в том, чтобы укрепить колхозы организационно, вышибить оттуда вредительские элементы, подобрать настоящие, проверенные большевистские кадры для колхозов и сделать колхозы действительно большевистскими.

В этом теперь главное»¹.

Есть ещё много, конечно, недочётов и изъянов в практике колхозного строительства. Но в основном дело коллективизации нашей деревни в основных районах закончено.

Однако находятся люди, которые за отдельными недостатками в колхозном строительстве не замечают этого

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 384—385, изд. 11-е.

величайшего завоевания партии, не понимают значения проделанной нами работы в деревне. Ведь надо понять, что коллективизация нашей деревни это не просто организационная перестройка,— это громадный исторический сдвиг.

Ведь трещат вековые устои, ломаются предрассудки, которые долгое время владели многомиллионной деревней.

Происходит социалистическая перестройка деревни, и только наивные люди могут думать, что всё это может проходить без изъянов, без трудностей.

Так может рассуждать только тот человек, который в экономике ничего не смыслит. Достаточно провести параллель с тем временем, когда мы только приступали к организации нашей социалистической фабрично-заводской промышленности. Вспомните, какие громадные трудности пришлось преодолеть нашей партии, когда налаживалась социалистическая промышленность.

А в деревне мы имеем гораздо более сложные и тяжёлые условия, и тем не менее, в основном, повторяю, задача социалистического переустройства деревни нами решена.

Если говорить о прочности смычки между рабочим классом и крестьянством, между городом и деревней на этой новой производственной базе, на базе новой современной сельскохозяйственной техники, которую город даёт деревне, рабочий — крестьянину, мы сейчас имеем смычку такой прочности, какой мы никогда не имели.

Главное на данном этапе заключается в организационно-хозяйственном укреплении колхозов и в овладении всей той массой технических средств и орудий, которые мы в таком изобилии направляем в деревню. Это очень сложная задача, которая стоит не только перед товарищами, непосредственно работающими в деревне, но и перед всей нашей коммунистической партией.

РЕЧЬ ТОВАРИЩА СТАЛИНА — ВАЖНЕЙШИЙ ПРОГРАММНЫЙ ДОКУМЕНТ

Товарищи, я уже сказал, что пленум наметил программу работ на 1933 год, на первый год второй пятилетки. Я не буду подробно останавливаться на ней, скажу лишь об основных показателях. Важнейшие хозяйственные задачи 1933 года подробно изложены в докладах товарищей Молотова и Куйбышева.

Мы намечаем рост продукции на 1933 год по всей нашей

промышленности на 16,5%, причём производительность труда должна подняться на 14%. По тяжёлой промышленности мы намечаем прирост продукции на 21,2% и прирост производительности труда на 16,5%. По лёгкой промышленности — на 10,5% и производительность труда должна вырасти на 12%. Рост продукции пищевой промышленности намечен на 13%, производительность труда должна повыситься на 15%. Лесная промышленность должна увеличить свою продукцию на 12% и поднять производительность труда на 18%.

В сельском хозяйстве, оставляя существующие размеры посевных площадей, мы поставили перед собой задачу поднять урожайность в среднем на 13%. По такой важнейшей для нашей области культуре, как лён, мы должны поднять в 1933 году урожайность на 20%.

Вот общие показатели первого года второй пятилетки. Мы здесь совершенно сознательно берём упор на качественную сторону дела как в сельском хозяйстве, так и в промышленности.

Теперь каждой фабрике и заводу необходимо во главу угла поставить задачу повышения качества продукции. Необходимо поставить во всю ширь вопрос о снижении себестоимости этой продукции. Необходимо на производительность труда начать смотреть несколько иначе, чем мы смотрели до настоящего времени. Основное, что отличает план 1933 года — это качественные показатели. Тем большей работы, напряжённой большевистской работы план 1933 года потребует от нас.

Большая работа, товарищи, предстоит нам на протяжении 1933 года в отношении нашей деревни. Я уже сказал вам о тех достижениях, которые мы имеем в деревне, но было бы большой ошибкой недооценить те недостатки, те отрицательные стороны, которые мы там имеем. Выступление по этому поводу товарища Сталина каждому из вас я рекомендую самым внимательным образом прочесть, и не только прочесть, но и тщательно продумать и понять.

Надо сказать, что если основная линия, основное направление нашей работы в области сельского хозяйства было безусловно правильно, то в отдельных местах у нас получились в нашей деревенской работе известные изъяны. Главный источник недостатков в деревенской работе, как это с исчерпывающей глубиной показал товарищ Сталин,

в том, что многие сельские и ряд областных организаций не поняли новых условий, новой обстановки в деревне, созданных победами в колхозном строительстве, не поняли новых задач партийного руководства. В результате дело было предоставлено зачастую самотёку. Свою роль сыграло и то обстоятельство, что не всегда правильно учитывалось соотношение между промышленностью и сельским хозяйством.

Мы все усвоили, так сказать, основные «азы» нашей политики, заключающиеся в том, что городская промышленность, особенно тяжёлая, играет ведущую роль. И это, конечно, правильно, потому что если мы решаем основные вопросы в нашей промышленности, особенно в тяжёлой, то тем самым мы предопределяем в основном и решение всех других вопросов, в том числе и вопроса о нашем сельском хозяйстве.

Однако нельзя это дело схематизировать и представлять так, что всё идёт автоматически, в раз установленном порядке. Впереди идёт тяжёлая промышленность, за ней лёгкая, пищевая, лесная и всякая другая, и потом уже идёт сельское хозяйство, — так всё это громадной колонной и шествует стройно, одно за другим. На деле, на практике всё это получается гораздо сложнее, и вот в этой практической сложности не сумел разобраться ряд наших работников, особенно на местах. У многих голова закружилась ещё и потому, что мы, опираясь на развитую тяжёлую индустрию, в короткий срок сумели в основном реконструировать наше сельское хозяйство и в техническом и в социальном отношении, как я уже говорил. Это окончательно укрепило их в мысли, что теперь сельское хозяйство уже само по себе пойдёт за промышленностью.

Они, примерно, рассуждали так, что если в деревне имеется громадная сеть машинно-тракторных станций, имеется мощная техническая база, если большинство крестьянских хозяйств обобществлено, коллективизировано, если кулака мы уже разгромили достаточно основательно, то теперь о чём же говорить, теперь там дело в полном порядке и нужно только наблюдать и регистрировать.

Но на деле вышло иначе, на деле оказалось, что колхозы сами по себе без надлежащего руководства, без надлежащего нашего партийного вмешательства могут повернуться таким образом, что вместо положительных мы будем иметь отрицательные результаты. Это может полу-

читься не только с колхозами, но и с любым мероприятием, будь оно двадцать тысяч раз коммунистическим, социалистическим по форме, если при проведении его не будет на всех решающих участках обеспечено твёрдое, настоящее большевистское руководство. Об этом многие наши работники забыли, и на практике получилось, что в ряде мест колхозы, а иногда и совхозы оказались в руках враждебных нам классовых элементов. Выходцы из капиталистической среды, остатки разбитых нами старых капиталистических классов, разного рода авантюристы, тёмные элементы и явные контрреволюционеры оказались в ряде мест у руководства нашей колхозной работой. Особенно сильно сказалось это за истекший 1932 год на практике такой важнейшей кампании, как хлебозаготовки, которые во многих отношениях явились проверкой всего качества нашей работы в деревне.

Многие решили, что, поскольку хлебозаготовительный план понижен, постольку выход товарной продукции должен быть больше, чем в прошлом году, и урожай лучше, чем в прошлом году, — очевидно, что хлеб пойдёт сам собой, а нам остаётся только сесть и принимать его. Но они забыли, что хотя свыше 60% крестьян и находится в колхозах, в обобществлённом секторе, но всё-таки вчерашний единоличник-индивидуалист ещё далеко не стал социалистическим работником.

Крупнейшую ошибку допустил ряд наших товарищей и в области колхозной торговли. Они не поняли, что новая обстановка в связи с этим делает более сложным и ответственным проведение всех заготовок, и в частности заготовок хлеба. Они не поняли, что один факт наличия двойной цены создаёт в неустойчивой, во многом ещё мелко-собственнической психологии колхозника стимул к тому, чтобы уклониться от важнейших государственных обязательств. И вот, увидев и поняв только одну сторону колхозной торговли, поняв, что партия разрешила торговать колхознику, забыли о том, что партия разрешила торговать только после выполнения государственных заготовок.

И не удивительно, что при таком «понимании» соответственно строилось и «руководство» колхозной торговлей на местах, что это «руководство» сводилось к стихийности и самотёку. Прямым результатом этого явилось вздувание цен и попытки классового врага использовать колхозную торговлю в своих интересах. Поэтому совершенно правиль-

ны те мероприятия, которые мы намеряем сейчас и которые должны внести в дело колхозной торговли необходимую организацию и, в частности, понизить непомерно вздутые цены.

Повторяю, обо всём этом с исключительной яркостью сказано в речи товарища Сталина о работе в деревне, в речи, которая является важнейшим документом, освещающим ряд наиболее сложных вопросов нашей работы в деревне. Именно в отношении работы в деревне нам необходимо скорейшее устранение недостатков, указанных товарищем Сталиным. Надо сказать, что деревня потребует от нас исключительного внимания, в особенности на протяжении ближайших двух лет. Старая психологическая закваска крестьянина-индивидуалиста ещё очень крепка и в течение известного времени будет давить на сознание крестьянина и будет мешать осуществлению ряда мероприятий нашего правительства и нашей партии. Но, поскольку основные недостатки нашей работы в деревне сейчас ясны, я думаю, не потребуется много времени, чтобы их выправить, тем более, что мы выявили, откуда проистекают наши недостатки, а тем самым нашли и способы их устранения.

Укрепление нашей коммунистической партии на селе должно сыграть решающую роль в деле оздоровления всей нашей работы в деревне. Тут надо прямо сказать, что в ряде мест наши партийные организации в деревне, в том числе и в нашей Ленинградской области, оставляют желать много лучшего. У нас есть засорённость чуждым элементом наших партийных рядов, и это, конечно, прежде всего сказывается в деревне. И поэтому нам нужно начать крепить дело в первую очередь с нашей партийной организации. Товарищ Сталин прав, когда он говорит, что за неудачу, недостатки отвечает прежде всего коммунист, прежде всего наша коммунистическая организация, включая и секретарей наших областных комитетов партии.

Если во главе колхоза стоят люди, преданные нашей партии и Советской власти, умеющие вести дело по-революционному, — там дело идёт прекрасно. Если же во главе колхоза стоит классовый враг — вчерашний дьякон, кулак, белогвардейский офицер, петлюровец и т. п. — там дело идёт из рук вон плохо и поворачивается против нас.

*С. М. Киров
на трибуне XVII съезда ВКП(б).
1934 г.*

Вся работа в деревне определяется уровнем работы нашей партийной организации и качеством наших партийных рядов, и именно на укрепление этого рентающего звена направлены последние мероприятия ЦК нашей партии.

В обстоятельном докладе товарища Кагановича были намечены практические мероприятия по улучшению партийной работы в деревне на основе создания политотделов при МТС и совхозах.

Когда вы читаете о создании политотделов при МТС и совхозах, то не понимайте задачу узко, что строится новое партийное учреждение и этим дело ограничивается. Ничего подобного, — это начало укрепления, и, может быть, не будет преувеличением сказать, начало создания настоящей, подлинной большевистской партийной организации на селе. Сейчас вопрос поставлен так, что без этого мы основных задач нашей работы в деревне не разрешим, тем более не разрешим, что сейчас в деревенской работе мы имеем новую, отличную от прошлой обстановку, которая, наряду с громадными достижениями и возможностями дальнейшего социалистического роста, порождает и новые своеобразные трудности, которых мы раньше не имели.

Когда раньше у нас было море индивидуальных, разобщённых крестьянских хозяйств, перед нами не стояла задача руководства, планирования и контроля каждого отдельного хозяйства.

Сейчас положение другое, сейчас мы имеем в деревне 200 тысяч колхозов, т. е. 200 тысяч крупных сельскохозяйственных предприятий. Этими предприятиями нужно руководить, эти предприятия нужно направлять по определённому руслу, эти предприятия нужно каким-то образом планировать, для чего необходимо, прежде всего, совершенно твёрдое, устойчивое партийное руководство, — только после этого можно будет решать все остальные задачи.

Таким образом, на ближайшие 1—1½—2 года нам нужно громадную долю нашего партийного внимания, а соответственно и большую долю наших партийных кадров перенести на деревню.

НА ВЫШУЮ СТУПЕНЬ КАЧЕСТВО ВСЕЙ НАШЕЙ РАБОТЫ

Мы начинаем работу по выполнению плана второй пятилетки. Если первая пятилетка завершила дело построения фундамента социализма в нашей стране, то вторая пятилетка должна будет поднять всю нашу социалистическую стройку на недостижимую высоту, должна будет, как это записано в решениях нашей последней партийной конференции, окончательно ликвидировать классы и уничтожить причины, порождающие возникновение классовых различий и эксплуатацию человека человеком.

Мы, товарищи, на протяжении первой пятилетки решили величайшую задачу, задачу ни в коей мере не меньшую той, которую мы решили в великие Октябрьские дни, когда впервые в истории пролетариат взял власть в свои руки. Это было величайшее событие мировой истории, и вторым величайшим историческим событием является осуществление первой пятилетки, когда социализм из области теории претворился в практику, когда пролетариат огромной страны показал всему миру, как надо строить социализм.

Вспомните, товарищи, завет В. И. Ленина, который часто и крепко напоминал нам, что успехи нашей социалистической стройки являются лучшим и самым убедительным агитатором за дело коммунизма, что рабочие и угнетённые всего мира будут относиться к нашему Советскому Союзу в зависимости от того, как мы на деле, на практике будем двигать вперёд дело нашей социалистической стройки. Вот эта наша конкретная социалистическая работа — лучший агитатор и лучший пропагандист за дело коммунизма не только в нашей стране, но и во всём мире.

Первая пятилетка завершена с успехом. Вторая пятилетка поставила новые гигантские задачи. И важнейшей из этих задач является поднять на новую, высшую ступень качество всей нашей работы.

Надо вам сказать, что если в общем и целом мы имеем в своём активе такие громадные успехи, если мы успешно ликвидировали вековую отсталость нашей страны и по целому ряду показателей, в том числе и по качеству технического оборудования ряда наших заводов, уже догнали и перегнали передовые капиталистические страны, то вместе с тем, подытоживая все эти громадные достижения, нельзя не остановиться и на ряде отрицательных сторон и недостатков в нашей работе. Я уже приводил вам основные

цифры о том, как мы выполнили пятилетний план по промышленности в Ленинграде. Мы занимаем не последнее место в общих рядах индустриальных центров нашей страны, но если в порядке самокритики, — благо есть в зале и хозяйственники, и профработники, и партийные работники, т. е. представители всех звеньев нашей работы, — остановиться на наших отрицательных сторонах, то их найдётся у нас немало.

Я хотел бы на пару минут привлечь ваше внимание к тому, что мы называем качественными показателями работы нашей промышленности; под этим мы понимаем себестоимость, производительность труда, брак и т. д., — те показатели, которые у нас часто отступают на второй план перед показателями количественного роста.

У нас в Ленинграде есть прекрасные заводы-гиганты с большим прошлым, с громадными революционными традициями, с первоклассным техническим оборудованием. Многие из этих заводов недурно выполнили свой промфинплан по общему выпуску продукции, многие из них добились крупных технических достижений. Но когда переходишь к качественным показателям их работы, видишь другое.

И для того, чтобы найти завод, который справился не только с количественными, но и качественными показателями программы, приходится, товарищи, обойти гигантов и обратиться к заводам, так сказать, второй величины. Вот здесь мы действительно находим предприятия, достойные того, чтобы о них говорить на данном собрании, чтобы их поставить в пример другим.

Я вам назову, товарищи, такой относительно небольшой для нашего ленинградского масштаба завод, как «Красный инструментальщик». Он выполнил годовую программу по валовой продукции на 138%, поднял производительность труда на 38% выше плана и на 68% по сравнению с 1931 годом, снизил себестоимость на 30,8%, в то время как по плану дано снизить на 12,8%.

Как видите, показатели неплохие, и остаётся пожелать, чтобы завод в 1933 году остался на том же высоком уровне.

Я вам назову и второй завод, завод побольше — «Красный гвоздильщик». Годовую программу он выполнил на 116%, производительность труда поднял на 14% сверх плана и на 25% к 1931 году, несколько недотянул по себестоимости — снизил на 8,2% вместо 9,5% по плану.

Затем «Красный металлист». Программу выполнил на 166%, производительность труда увеличил сверх плана на 21%, себестоимость снизил на 12,1% (по плану — на 12,3%).

Завод имени Энгельса. Программу выполнил на 122%, производительность труда составляет к плану 106%, себестоимость снизил на 19,4% вместо 7,5% по плану.

Неплохо работали заводы «Кооператор», «Ильич», имени Молотова, имени Войкова. Я перечисляю вам эти заводы, а ведь они не так уже популярны. Ведь если взять завод «Красный инструментальщик», то во всей стране его, пожалуй, не знают, да и в Ленинграде не крепко знают. А вот если взять такие заводы — директора, наверно, здесь — как, скажем, Путиловский — весь мир его знает, металлический завод имени Сталина тоже хорошо знают, и другие, — там насчёт программы ещё можно козырнуть, а вот насчёт качественных показателей не выходит.

Я вам назвал предприятия, которые могут для десятков других, в том числе и для заводов, превосходящих их размерами во много раз, быть примером, как надо работать, каких показателей надо добиваться. Но я мог бы вам привести и ряд других примеров, примеров того, как работать нельзя.

Есть такая фабрика имени Дзержинского. В первом квартале на этой фабрике было брака 38%, а себестоимость вместо понижения поднялась на 19%. Во втором квартале брак составлял 27%, а себестоимость поднялась на 12%. В третьем квартале брак составлял 39%, а себестоимость повысилась на 14%. В четвёртом квартале брак составлял 59%, а себестоимость поднялась на 8%. Прочёл я эти цифры и не поверил, попросил проверить, что-то тут уж очень сносшибательные «успехи» накануне второй пятилетки. Оказалось — правильно.

Дальше, Невхимкомбинат — это химический завод, который знает вся страна; там программа выполнена на 69,3%, производительность труда — на 87% вместо 100% нормальных, а зато заработная плата поднялась сверх плана на 28,6%, себестоимость увеличилась на 21%. Завод новый, недавно работает, но так работать, как работает Невхимкомбинат, не выйдет — и особенно накануне второй пятилетки.

К чему я всё это, товарищи, веду? Я хочу подчеркнуть, какие сложные и серьёзные задачи стоят перед нами во второй пятилетке, и хочу разбить те настроения, которые

кое-где проглядывают. Некоторые говорят, что первая пятилетка была такая крутая, так быстро шли вверх, что тяжело было, а теперь «полегче стало», темпы пониже, можно будет передохнуть.

И вот этих товарищей, любителей преждевременного отдыха, я должен предупредить, что их ждёт большое разочарование. Дать прирост продукции больше чем на 5 миллиардов за один год, да ещё выдержать полностью качественные показатели, это, товарищи, далеко не лёгкая задача. И тысячу раз прав товарищ Сталин, когда он говорит, что для выполнения всех этих задач мы должны энтузиазм и пафос нового строительства

«дополнить энтузиазмом, пафосом освоения новых заводов и новой техники, серьёзным поднятием производительности труда, серьёзным сокращением себестоимости.

В этом теперь главное»¹.

Пафос и энтузиазм, а не отдых и самотёк! Тот, кто рассчитывает выполнить план первого года второй пятилетки сложа руки, на волнах самотёка — плохой хозяйственник и плохой коммунист.

Я уже говорил вам о таких качественных показателях, как себестоимость, производительность труда и т. п. Я хочу обратить ваше внимание и на вопросы качества в прямом смысле, в смысле непосредственного качества выпускаемой продукции. Нужно сказать, что на этом участке у нас особенно много изъёнов. Правда, мы уже научились выпускать целый ряд изделий, не уступающих по качеству самым лучшим заграничным образцам. Мы уже выпускаем генераторы здесь у нас, в Ленинграде, на «Электросиле», которые, по отзывам большинства наших электростанций, работают не хуже импортных заграничных генераторов. Мы освоили за последний год производство ряда сложнейших приборов и машин. Я вам уже упоминал заводы имени Энгельса и «Красный инструментальщик». Помимо перечисленных цифровых показателей, эти заводы сумели добиться высокого качества своей продукции. По отзывам наших обувных фабрик, те обувные машины, которые делает завод имени Энгельса, не уступают лучшим заграничным образцам. «Красный инструментальщик» добился в 1932 году выпуска 75% микрометров высшего класса точности.

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 378, изд. 11-е.

Этот список я мог бы продолжить и отнять у вас этим перечислением очень много времени. Но, к сожалению, ещё больше можно продолжить, и ещё больше времени отняло бы у вас перечисление буквально позорных изъянов в качестве продукции, выпускаемой рядом наших фабрик и заводов и рядом артелей нашей промкооперации. Я начну с последней, ибо, несмотря на всю свою внешнюю скромность в сравнении с гигантами нашей индустрии, промкооперация играет и должна играть большую роль в деле снабжения наших рабочих и крестьян предметами ширпотреба.

В этой области мы имеем особенно много изъянов и явных безобразий.

Есть такая артель белодеревцев; туда ездила целая комиссия, проверяла работу, и что же? — сколько изделий ни проверили, ни одно изделие не отвечает требованиям в смысле качества продукции. Эта артель объединяет белодеревцев, — это верно, но нужно посмотреть, нет ли там белогвардейцев у руководства этим делом. То же самое в артели «Деревообделочник», где тоже нет ни одного изделия, где бы не было того или другого дефекта. Почти то же самое в артели «Металл» и в ряде других. И на этой почве порой дело доходит до печальных курьёзов. Приведу вам один случай, который был выявлен уже в торговой сети, т. е. там, где продукция уже непосредственно ждёт того, чтобы попасть в руки потребителя. Есть такая организация, как Ленпромторг, которая в числе прочего торгует музыкальными инструментами. Мы же люди теперь культурные, занимаемся вопросами искусства, в том числе музыкой; наша музыкальная промышленность не только гармониками занимается, но делает и сложные вещи, например такой симфонический инструмент, как флейта. Цена флейты — 700 рублей. Привезли эту флейту в торговую сеть; там, прежде чем продать, испытали, и оказалось — пустяковое дело, — флейта, как флейта, все клапаны отполированы, на вид — красота, но один лишь «маленький недостаток» — не играет.

И вы думаете, что такого рода вещи, такого рода безответственное отношение к качеству выпускаемых изделий имеет место только в артелях, только в мелких предприятиях? Ничего подобного. Этим грешат и более солидные организации — наши большие заводы. Получить в срок хороший серьёзный заказ с большого завода — дело в высшей

степени трудное, редко кто из директоров «способен» большой заказ выполнить в срок.

Если говорят, что заказ надо сдать к 1 марта, то это вовсе не значит, что заказ к 1 марта действительно будет готов. Правда, директор заказ принимает, обязательство подписывает, но чтобы пошевелиться и сдать заказ к сроку — этого не ждите. Получается на манер старого прожжённого купца — он никогда вам в срок не платил денег, он считал, что если в срок заплатит, то всякое уважение потеряет к себе. И наши директора рассуждают так, что, мол, заказ надо взять, но чтобы его во-время сделать, об этом не думают. Это в отношении сроков. А возьмите в отношении комплектности. Если малоопытный в этом отношении человек попадёт на завод, ему показывают большие агрегаты, уникамы для больших заводов, поводят около них, похвастанут, а на вопрос о готовности ответят, что машина выполнена «в основном». Это слово «в основном» в промышленности прививается всё больше и больше. Что значит «в основном»? Это значит, что агрегат привезли заказчику, собрали, и тут выясняется, что не привезли плиты, на которой он должен стоять: она ещё не готова; потом придёт плита; пока устанавливают плиту, оказывается, нет болтов — они ещё не сделаны. К сожалению, так ещё бывает иной раз в нашей практике.

Мы умеем строить пароходы, теплоходы, рефрижераторы, многие из них сделаны очень прилично, тральщиков несколько десятков сделали, а посмотрите, как наши тральщики работают. Машина на месте, плавает неплохо, но лебёдка, оказывается, плохо работает, как раз та лебёдка, которой надо вытаскивать трал. И вот ходим около трала, вместо того чтобы вытащить трал в положенное время, и много часов приходится ждать, пока лебёдка наша вытащит трал. Сплошь и рядом, товарищи, мы на этих мелочах терпим серьёзный урон в практической работе. Много недостатков ещё и в кооперировании заводов. Я основной исполнитель заказов, но всё выполнить не могу, мне нехватает, скажем, литья, стального или какого-нибудь другого, другой завод должен его сделать. Вот тут-то и начинается зачастую настоящая канитель. Если для себя заказ с грехом пополам каждый директор ещё старается более или менее в срок уложить, то для другого завода этого уж не получается.

Я это веду к тому, что на протяжении второй пятилетки нам надо со всей этой расхлябанностью кончать и кон-

чать самым решительным, самым революционным образом.

Возьмём план. Вот составляется план на 1933 год. Как у нас отдельные хозяйственники на план смотрят? Это, говорят, там запланировано, а как, что выйдет, это ещё посмотрим. А чем в действительности должен быть план для директора завода, председателя объединения или треста? План — это приказ. Это значит — выполняй и не рассуждай. А как у нас иной раз происходит? Формально план примут, но выполнять по-большевистски не будут.

Возьмём, далес, выполнение важнейших заказов. На весь Союз мы нашумели заказами для чёрной металлургии. В газетах нашим директорам объявлены выговоры. Даётся приказ — выполнить такой-то заказ. Проходит месяц, два, три, а завод не только не выполняет заказа, а даже не приступает к выполнению, и только после того, как его берут как следует по партийной линии, заказ начинают выполнять. Разве так можно работать? Не выйдет дело. Если так работать, то никаких качественных показателей мы не сумеем дать в 1933 году. Во второй пятилетке мы должны работать по-настоящему, на все 100% во всех отчислениях. Работать и руководить по-новому, как это подчёркивал товарищ Сталин, мы должны научиться во что бы то ни стало.

Это относится к срокам и качеству, это целиком относится к стоимости. Ведь до сих пор мы всё ещё мало интересуемся тем, чтобы подсчитать, что такая-то машина, такой-то станок, такое-то изделие стоит столько-то. Мы меньше всего думаем о том, чтобы мобилизоваться и сделать возможно дешевле, потому что это крайне необходимо, крайне нужно. Тут, товарищи, надо очень крепко подтянуться.

И в этом деле громадную роль должна сыграть наша работа над кадрами. Работа над кадрами, их распределением, расстановкой, воспитанием имеет колоссальное значение. Надо иметь в виду, что за прошедшую пятилетку мы и по линии кадров много продвинулись вперёд. Например, если взять по линии тяжёлой промышленности, то у нас инженеров с дипломами стало вдвое больше. Это большое достижение. А сейчас у нас колоссальное количество всяких школ, которые готовят новые и новые десятки молодых пролетарских специалистов, которые в ближайшие годы вольются в нашу промышленность. И в этих условиях правильная расстановка наших кадров имеет важнейшее значение.

КРЕПИТЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ ДИСЦИПЛИНУ ВО ВСЕХ ЗВЕНЬЯХ НАШЕЙ СТРОЙКИ

Товарищи, одним из ближайших условий всемирно-исторических побед первой пятилетки была самоотверженность рабочего класса, его революционный энтузиазм, нашедший своё выражение в развёрнутом социалистическом соревновании и ударничестве, встречном промфинплане и хозрасчётных бригадах.

Вступая во вторую пятилетку, мы должны научиться лучше организовывать инициативу масс, поднять качество социалистического соревнования и ударничества.

Из всех задач, стоящих перед нами, я хотел особенно выделить вопрос о дальнейшем улучшении рабочего снабжения. Вы знаете, что этим вопросом за последнее время особенно много занимался ЦК и, в частности, товарищ Сталин. Вы знаете, что в результате проведённых ЦК мероприятий мы уже добились несомненного улучшения в деле снабжения рабочих таким основным продуктом питания, как мясо. Сейчас ЦК и СНК проводят ряд мероприятий, направленных к тому, чтобы улучшить снабжение рабочих жирами и молочными продуктами. И в деле снабжения, как во всех других отраслях, решающее значение также имеет качество нашей работы. Правильно организовать дело снабжения, довести фонды снабжения до рабочего, отсеять всех прихлебателей и туенядцев, дать по рукам вора и всем пытающимся примазаться к делу снабжения — в этом сейчас заключается основная задача наших снабженческих и хозяйственных организаций.

И второе, — что мы неоднократно повторяли, что в своих решениях записал сентябрьский пленум ЦК, — это развитие местной инициативы. И здесь, товарищи, дело не только в количестве. Можно завести много свиней, много коров, на бумаге всё это будет выглядеть очень внушительно, но если всю эту скотину оставишь без корма, ничего не получится, кроме конфуза. Добиться того, чтобы скот был обеспечен кормами, не падал и не болел, чтобы каждая корова давала максимальный удой, чтобы каждая свинья давала максимальный нагул, чтобы каждый гектар огорода давал максимальный, а не минимальный, как это сейчас бывает, урожай, — вот какую задачу должны поставить перед собой и наши кооператоры, и наши директора, и вновь организованные отделы рабочего снабжения.

Мы должны добиться чёткой ответственности во всех звеньях нашего аппарата и жёсткой дисциплины. Мы много раз говорили об этой задаче, но до сих пор, пожалуй, не ставили её достаточно решительно. А теперь мы её поставили и надеемся целиком разрешить. Многим из вас, быть может, покажутся странными слова «советская дисциплина». О партийной дисциплине слышали, что такое военная дисциплина — знаем, а советская дисциплина — это что-то новое. И я боюсь, что для тех товарищей, которые этих слов действительно не понимают, они могут принести много неприятного. Ибо, товарищи, Советская власть есть диктатура пролетариата, и этого характера нашей власти мы не скрывали и не скрываем. Аппарат Советской власти есть аппарат диктатуры, и тот, кто этого не хочет понять, кто думает, что расхлябанность, безответственность, разгильдяйство будут и должны мирно жить в стенах советского аппарата, тот должен пенять сам на себя.

Советская, социалистическая дисциплина должна быть установлена в наших учреждениях, на наших фабриках и заводах. Мы должны покончить с таким положением, когда отдельные наши предприятия больше напоминают собой проходные дворы, чем организованную производственную единицу. Мы должны по-большевистски проводить последнее решение партии и правительства о прогулах и беспощадно выбрасывать из рядов партии, профсоюзов и хозяйственных организаций тех, кто попытается подменить борьбу за железную пролетарскую дисциплину на производстве гнилым либерализмом. И я знаю так же, как знает и всякий из вас, что в этой работе мы будем поддержаны всем, что есть лучшего и революционного в рядах рабочего класса.

Мы должны, товарищи, в этом первом году второй пятилетки добиться подлинной экономии и подлинного хозяйственного расчёта. Небрежное отношение к советскому рублю мы должны преследовать, как худший вид расточительства, мы должны научиться рассматривать перерасход, как растрату, мы должны уметь выявлять расхитителей, вытаскивать их на свет, клеймить их позором перед лицом всей нашей общественности и карать их по всей строгости наших пролетарских законов.

И мне хотелось бы сказать ещё одно: вопросы качества работы, которые сейчас выпирают везде и всюду — и в городе, и в деревне, и на фабрике, и на заводе, и в советских учреждениях, где угодно, эти вопросы мы решим лучше, полнее и быстрее, если позаботимся в первую очередь

об одном — это о поднятии партийности во всех звеньях и во всех секторах нашей работы. У нас иногда так говорят: партийная заповедь, партийное решение — само по себе, а тут дело техническое, причём тут решение ЦК, тут надо свою хозяйственную программу выполнять, тут вопросы техники, тут никакой особой партийности не требуется. Неверно это. Без повышения партийной идейности, партийной ответственности в работе на всех участках трудно будет разрешать те громадные задачи, которые стоят перед нами во второй пятилетке. Именно поэтому, товарищи, мы вынесли решение о необходимости чистки нашей партии, потому что без того, чтобы подтянуть наши партийные ряды, — без этого разрешить успешно задачи второй пятилетки будет трудно. Безусловно правильно поступил ЦК, принявший решение о чистке. Без очищения от шатких элементов, как сказал товарищ Сталин, партия не может укрепляться.

Товарищ Ленин учил, что партия может укрепляться, только освобождаясь от неустойчивых элементов, которые проникают в партию. Надо почиститься. У нас партия очень большая, мы за последние годы местами двери открывали широко, и, несомненно, что тут влилось в ряды партии известное количество вредного баласта. Эта чистка будет отличаться от всех предыдущих тем, что в ней будет меньше всякого рода формальных моментов, а будет больше проверки по существу, чтобы каждый член партии отчитался в том, как он проводит в жизнь генеральную линию партии, как он проявляет себя в деле конкретного проведения партийных решений, как он повседневно, ежедневно участвует в нашей гигантской социалистической стройке.

Я думаю, товарищи, что на пороге второй пятилетки великое звание члена партии надо поднять на такую высоту, на какой оно никогда ещё не было. Это — большое и высокое звание, и, для того чтобы поднять его на должную высоту, нужно будет не останавливаться даже перед тем, чтобы, если потребуется, отсечь несколько сот тысяч человек. Конечно, не надо устанавливать никаких контрольных цифр, но всё лишнее, всё ненужное, всё тормозящее, присосавшееся к партии надо самым решительным образом отсечь. Этого требует современная обстановка, этого требуют задачи второй пятилетки, этого требует переживаемое нами обострение классовой борьбы.

**ПОД РУКОВОДСТВОМ ТОВАРИЩА СТАЛИНА —
ВДОХНОВИТЕЛЯ И ОРГАНИЗАТОРА ПЯТИЛЕТКИ —
К НОВЫМ ПОБЕДАМ!**

Мы добились, товарищи, решающих успехов, мы разрешили в пользу социализма основной вопрос «кто кого», мы разгромили классового врага и его агентуру, но было бы величайшей ошибкой думать, что мы впредь будем вести нашу социалистическую стройку без малейших затруднений, что всё пойдёт гладко и ровно, — ничего подобного!

Сейчас мы, товарищи, переживаем такой момент, когда представители оппозиций всех мастей вынуждены признать правильность генеральной линии партии и банкротство своих взглядов, признать ленинское руководство нашего ЦК во главе с товарищем Сталиным. Теперь, когда наша пятилетка выполнена в четыре года и почти на 100%, теперь бывшие оппозиционеры выходят на трибуну, говоря: мы за партию, мы за ленинизм, мы за товарища Сталина и т. д. Вы читали покаянные речи Томского и Рыкова, почитайте их ещё раз, но прежде чем прочитать, задайте себе такой вопрос: а какие бы они произнесли речи, если бы пятилетка вышла не так, как сейчас?

Есть ли у нас трудности в предстоящей работе? Безусловно, есть. Классовая борьба ещё не окончена, остатки враждебных разбитых революцией классов ещё не добиты окончательно, они рассеяны по всей стране, остатки, пережитки прошлого ещё цепко живут в психологии, в навыках, в быту миллионов людей. И вот в этих условиях дисциплина, ленинская стойкость, чистота рядов нашей партии имеют совершенно исключительное значение. Ведь если завтра, а это вполне возможно, мы станем лицом к лицу с новыми затруднениями—что тогда получится? Если во главе колхоза или совхоза будет стоять коммунист, который за панибратства с кулаком, с попом, с бывшим офицером, то с такими «молодцами» далеко не уйдёшь, с такими людьми успешной борьбы за социализм не поведёшь. И поэтому необходимо нашу партию почистить самым основательным образом и тем самым гарантировать её от всяких шатаний, которые затрудняют нашу работу.

В этом отношении чрезвычайно показательны те факты, которые мы наблюдали на протяжении последних 3—4 месяцев. Не успели мы закончить дело контрреволюционной

Рютинской группы, как вылезло другое дело, которое мы рассматривали на последнем пленуме ЦК, — дело группочки Эйсмонта, Толмачёва, Смирнова и других. Правда, эта группочка не особенно многочисленна, но дело обстоит так, что такая группа всё же создалась.

В чём же дело?

А дело в том, что, несмотря на то, что у нас безусловно превалирует социалистический сектор не только в городе, но и в деревне, несмотря на то, что капиталистические элементы мы вышибли с производственных позиций, несмотря на то, что кулачество ликвидировано в основных районах, остатки враждебных классовых сил имеются в большом количестве.

Они рассосались по нашей огромной стране, по всем каналам нашей сложной советской системы, проникли в наши советские, хозяйственные и даже партийные организации. Всё это вместе взятое в обстановке острой классовой борьбы не может не находить отражения в отдельных звеньях нашей партии. Поэтому не удивительно, что Смирнов, Эйсмонт, выражая чаяния и интересы остатков разбитого революцией классового врага, додумались до того, что надо пойти назад в деле коллективизации, надо пойти назад в деле индустриализации, а для того чтобы этого достичь, надо изменить состав Центрального Комитета и руководство ЦК.

Товарищи, классовая борьба продолжается. Она продолжается и принимает новые формы в зависимости от новых этапов и задач нашей социалистической стройки. И сейчас, когда социализм победил и растёт по всему фронту, когда место капиталистической основы эксплуатации человека человеком занимает общественная социалистическая собственность, активность классового врага направлена в первую очередь в эту сторону. Хищения, воровство, сознательная порча, утаивание от государства — вот сейчас методы и приёмы классового врага. И плох тот коммунист, который не умеет распознать сейчас классового врага в его новом виде, кто представляет его попрежнему обязательно с винтовкой или обрезом в руках и благодушно проходит мимо хищника, вора и вредителя.

Товарищи, в продолжение веков буржуазия объявляла свою частную собственность «священной и неприкосновенной». В течение веков буржуазия заливала потоками крови всякую попытку рабочего класса и трудящегося крестьян-

ства посягнуть на «святость и неприкосновенность» этой, основанной на грабеже, насилии и обмане, собственности. И теперь, когда эта частная собственность на средства производства ликвидирована, когда пролетариат создал свою священную и неприкосновенную социалистическую собственность, осколки разбитых революцией классов всячески стараются подорвать эту общественную собственность, основу социалистического строя. Здесь, на^{*} этом участке, проходит сейчас фронт ожесточённой классовой борьбы. Здесь проверяется бдительность каждого коммуниста, каждого честного советского работника, классовая стойкость каждого рабочего и колхозника. И именно здесь, на этом участке, мы должны со всей силой обрушиться на голову нашего классового врага, всей мощью нашей революционной законности, нашей пролетарской диктатуры. Очиститься от лодырей, туеядцев, прихлебателей и паразитов, калёным железом выжечь хищения, растраты, воровство — в этом, товарищи, заключается сейчас одна из важнейших задач. Укрепление революционной законности в этой обстановке приобретает огромную политическую важность.

И вот всё это вместе взятое ещё и ещё раз подтверждает мысль о необходимости чистки нашей партии. Я думаю, что во всей нашей дальнейшей партийной работе красной нитью должна проходить борьба за повышение и укрепление партийной дисциплины. Тут тоже, нечего греха таить, под влиянием успехов нашей стройки мы несколько распустились. Есть целые звенья, которые перестали представлять отряды боевых революционеров-большевиков.

Революционная теория и железная сознательная дисциплина — это ведь то, что, в конечном счёте, крепко отличает нас от всех остальных партий. Ни одна партия не обладала и не может обладать такой железной дисциплиной, как наша партия. Ведь недаром же Ленин говорил, что тот, кто хоть сколько-нибудь ослабляет железную дисциплину партии пролетариата (особенно во время его диктатуры), тот фактически помогает буржуазии против пролетариата. Это сказано не для красного словца. Каждый нарушающий партийную дисциплину подрывает мощь нашей партии, а тем самым увеличивает шансы нашего противника. В этом нет никакого сомнения.

Вот на эту партийную дисциплину в процессе чистки нужно очень крепко нажать всем нашим партийным организациям.

Товарищи, в 1917 году Ленин писал:

«Революция сделала то, что в несколько месяцев Россия по своему политическому строю догнала передовые страны.

Но этого мало. Война неумолима, она ставит вопрос с беспощадной резкостью: либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также и экономически...

Погибнуть или на всех парах устремиться вперед. Так поставлен вопрос истории»¹.

С тех пор, товарищи, как мы закончили восстановительный период, мы по-настоящему, вплотную занялись делом нашего социалистического строительства, главным образом за последние четыре года. И вот как говорил товарищ Сталин на последнем пленуме Центрального Комитета:

«Итоги пятилетки показали, что капиталистическая система хозяйства несостоятельна и непрочна, что она уже отживает свой век и должна уступить своё место другой, высшей, советской, социалистической системе хозяйства, что единственная система хозяйства, которая не боится кризисов и способна преодолеть трудности, неразрешимые для капитализма, — это советская система хозяйства»².

Вот, товарищи, итоги нашей работы за протяжении первой пятилетки.

А что происходит вокруг нас? Тут я не буду утруждать ваше внимание, все вы знаете, в какой невероятной трясине находится на данном историческом этапе вся капиталистическая система Старого и Нового Света. Я не говорю уже о том страшном бедствии, в котором находится рабочий класс Европы и Америки.

Все вы знаете, в каком направлении представители современного империализма ищут выхода из того положения, в котором оказались капиталисты всех стран. Империалисты всех стран буквально со скрежетом зубным оценивают наши достижения.

Товарищи, наша страна вступает во вторую пятилетку гораздо более крепкой, гораздо более сильной, чем она

¹ Ленин, т. XXI, стр. 191.

² Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 397.

была, вступая в работу по выполнению плана нашей первой пятилетки. Но, товарищи, и ответственность и задачи, стоящие перед нами, также более сложны, чем они были четыре года тому назад. Четыре года тому назад мы с вами были значительно дальше от последнего, решающего боя с международным капитализмом, чем мы находимся сейчас, накануне второй пятилетки. Поэтому наша задача — отнюдь с не меньшей, а с гораздо большей энергией и самопожертвованием включиться в работу по выполнению плана великих работ нашей второй пятилетки.

Товарищи, партия, членами которой мы с вами являемся, не имеет себе равной в мире, партия наша крепнет с каждым днём. Руководство нашей партии находится в верных руках твёрдого ленинца. Центральный Комитет нашей партии возглавляется лучшим ленинцем, который является вождём всего Коммунистического Интернационала. На протяжении всей работы по пятилетнему плану мы, товарищи, неоднократно убеждались в том, какую исключительную историческую роль в деле нашей социалистической стройки играет товарищ Сталин. Организатором пятилетки, её вдохновителем, организатором всемирно-исторических побед партии и рабочего класса в первой пятилетке был товарищ Сталин. Никто, как он, с такой твёрдостью не защищал пятилетнего плана, никто, как он, не защищал чистоты наших ленинских рядов, ленинских заповедей. Я думаю, что под этим надёжным, испытанным руководством мы, несмотря на множество недостатков в нашей работе, так же победно, так же много осуществим в эти ближайшие годы, как мы сделали на протяжении первой пятилетки.

Товарищи, много веков тому назад великий математик мечтал найти точку опоры, для того чтобы, опираясь на неё, повернуть земной шар. Прошли века, и эта опора не только найдена, она создана нашими руками. Не пройдёт много лет, как мы с вами, опираясь на завоевания социализма в нашей Советской стране, оба земных полушария повернём на путь коммунизма. *(Бурные, продолжительные аплодисменты.)*

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ И ТОВАРИЩ СТАЛИН ДАЮТ НАМ НАГЛЯДНЫЙ ПРИМЕР ЛЕНИНСКОГО РУКОВОДСТВА

*Из речи на объединённом пленуме Ленинградского
областного и городского комитетов ВКП(б)
9 февраля 1933 года*

Наше руководство должно плотно и крепко охватить одновременно все основные отрасли нашей работы. Между тем возьмите любую работу и вы увидите, что это ещё в редких случаях удаётся. Обычно так выходит: подналяжем на хлеб — начинают хромать льнозаготовки, навалимся на льнозаготовки — начинают отставать лесозаготовки и т. д.

С лесом до самого последнего времени было очень худо. В начале января мы подтянулись и добились по заготовкам 100 % выполнения программы первой пятилетки. Продолжает резко отставать вывоз заготовленного леса. Надо научиться работать так, чтобы вся система работы обеспечивала постоянное и крепкое руководство каждым участком нашей стройки.

Тут говорили много о посевной кампании, обсуждали, предлагали. Если со стороны посмотреть, скажем, из Америки приехать, можно подумать, что в Ленинградской области никогда не сеяли, только первый раз начинаем. Между тем вот уже шестнадцатый раз будем сеять. Казалось бы, пора научиться очень многому. На словах «четвёртая большевистская весна», «первая весна второй пятилетки» и т. д., на деле — большевистского подхода к подготовке сева во многих случаях всё ещё нет.

Мы имеем боевую программу для улучшения качества нашей работы — шесть условий товарища Сталина. Кто из вас, товарищи, по многу раз не голосовал за шесть исторических условий товарища Сталина? А они все действительно исторические, они являются основой для правильной организации работы на фабриках, на заводах, в колхозах, совхозах, на лесоза-

готовках и т. д. Там, где люди всерьёз дерутся за их воплощение в повседневной работе, там мы получаем крупные положительные результаты. Но, к сожалению, чаще другого рода случаи, когда дальше слов и резолюций дело не движется. Больше того, кое-кто ухитряется даже забыть о шести условиях товарища Сталина, полагая, очевидно, что это была какая-то кампания, которая теперь уже позади.

Повышение качества руководства, повышение ответственности, суровая проверка исполнения отучат нас от этой привычки забывать решения, которые мы выносим. У нас охотно помнят те решения, где записано, кому что-либо получить. Если записано такого-то числа Исполкомом: отпустить столько-то такому-то риксу или другому, — это помнят. Другой раз вытащат мелким шрифтом записанное — zapomнили, оказывается. А там, где записано: посеять льна столько-то, ржи столько-то, никак¹ не меньше, — тут плохо или совсем не помнят и прячутся за то, что их план несколько раз меняли, а потому, видите ли, они его не выполнили.

Любую задачу, любой вопрос можно поднять и разрешить, если будет правильно организовано руководство. И я думаю, что наша организация со всеми задачами, которые поставлены в решениях ЦК и нашего пленума, безусловно справится, если только мы с завтрашнего же дня будем по-большевистски их проводить, если мы повысим качество нашего руководства и поднимем чувство ответственности.

В заключение я хотел сказать ещё одно. Вы знаете, что те успехи, которых мы достигли, дались нам недаром. Мы завоевали их в условиях жесточайшей классовой борьбы — классовой борьбы, которая не только не ослабевает в современных условиях, а, наоборот, обостряется, принимая чрезвычайно сложные формы. Классовый враг главный удар направляет на подрыв и расхищение священной социалистической собственности.

Мы должны обрушить на голову враждебных нам классовых сил революционную законность, могучее оружие в нашей борьбе против остатков капиталистических элементов в городе и деревне.

Отчаянное сопротивление классового врага не может не находить соответствующего отражения среди отдельных, наименее устойчивых элементов внутри нашей партии. На

январском пленуме Центрального Комитета мы не слышали никаких оппозиционных выступлений, нам не предъявляли никаких оппозиционных деклараций, а, наоборот, как вы знаете из отчёта, выступали бывшие вожди правой оппозиции, произносили длинные речи в защиту генеральной линии партии и её руководства во главе с товарищем Сталиным. Почему? Да потому, что пятилетний план победоносно завершён в четыре года, а всякие оппозиции со всеми их программами и платформами обанкротились. И до сих пор, даже на победоносном рубеже между первой и второй пятилетками, в партии есть известное количество если не ярко выраженных оппозиционеров, то во всяком случае таких людей, которые вообще в народнохозяйственный план «верят», а вот на своём отдельном участке в его выполнение не верят. Если, вообще говоря, они готовы призвать к проявлению энтузиазма рабочий класс, то себя-то они, во всяком случае, не потревожат энтузиазмом ни в какой степени. Я уже не говорю о таких элементах, которые сидят и выжидают.

Победоносная армия рабочего класса под руководством ленинской партии развивает громадное социалистическое наступление, стойко преодолевая всяческие трудности на своём пути.

Но в этих боевых колоннах есть и такие люди, которые прикидывают в уме, нельзя ли свернуть куда-нибудь в сторону, чтобы отсидеться, если слишком круто пойдёт. Расчёт тут простой. Идёт огромная армия, как на войне, — а ведь мы на войне, товарищи! — идёт наступление, там впереди стреляют, убить ведь могут, лучше отсидеться. Есть такие, которые были бы непрочь дезертировать, но боятся, потому что это тоже дело рискованное, — поймут, за это на войне пощады не дают. И он плетётся в хвосте, думая: чорт его знает, когда-нибудь ведь всё-таки остановятся. Он не хочет наступать, он ждёт; не выйдет ли чего-нибудь, хоть бы передышку на год, на два дали, тогда у него настроение поднимется. Такие тоже есть.

И, наконец, есть такие, которые до сих пор думают про себя, что мы на социалистической стройке рано или поздно сломим себе голову. Если вы пятилетний план выполнили — брюзжат они, — то какой ценой? Такие элементы безусловно есть, и проявление таких настроений мы наблюдаем в отдельных разговорах, которые ведутся шопотом и полупшопотом. Возьмите дело Рютина, возьмите группу Эйсмонта — Смирнова, дело которых рассматрива-

лось на январском пленуме ЦК и ЦКК. Что это такое? Это и есть выражение всех этих антипартийных настроений. Есть разные каналы, через которые антипартийные настроения передаются иной раз даже отдельным старым партийцам. Объективная обстановка такова, что она порождает и будет ещё порождать проявления оппозиционных настроений внутри отдельных звеньев нашей партии. Новое, что раньше было в потенции, заключается в том, что сейчас всякое оппозиционное отклонение от генеральной линии нашей партии ведёт гораздо дальше, чем в предшествующие годы. Сейчас, когда основные вопросы строительства в городе и деревне решены в пользу партии и её генеральной линии, вступление на путь оппозиции (если только не заметить во-время своих ошибок) прямо и непосредственно ведёт в лагерь контрреволюции. Тут уж дело не во фракции внутри нашей партии, а в неизбежном переходе на ту сторону баррикад, на сторону оголтелой контрреволюции. Поэтому не случайно, что группа Рютина приняла сразу же контрреволюционную платформу.

Группа Эйсмонта — Смирнова, вступившая на путь борьбы с партией, повторила по существу рютинско-слепковскую платформу, с первых же шагов своей деятельности стала вбирать в себя антисоветские контрреволюционные элементы. И это неизбежно.

Дальнейшие успехи нашей социалистической стройки в решающей степени будут зависеть от боеспособности каждого звена партийной организации, от монолитности нашей партии.

Громадную роль в смысле мобилизации всех наших сил и укрепления нашей партии, роста её авторитета среди трудящихся сыграет предстоящая партийная чистка. Но этого мало, к этому должно присоединиться дальнейшее улучшение всего дела воспитания наших партийных рядов. От большевика требуется революционная работа, самоотверженная и беззаветная, — вот что нас отличает от всякой другой партии. Для этого нужно крепить связь с массами, чаще бывать там, где строится социализм, — на фабриках, заводах, в совхозах и колхозах. Вот там надо учиться, воспитываться и закаляться каждому большевику.

Надо построить всю нашу партийную жизнь так, что-

бы укрепить нашу большевистскую мощь ленинской учёбой, где соединяется живая революционная практика с теорией марксизма-ленинизма. Тогда мы будем и во всей предстоящей работе действительно настоящими последователями Ленина, основоположника нашей партии, достойными членами партии, которые твёрдо идут вперёд под руководством Центрального Комитета партии во главе с товарищем Сталиным, великим продолжателем великого дела Ленина.

Товарищ Сталин—это образец большевика в полном смысле и значении этого слова. Не случайно поэтому враги направляют свои стрелы прежде всего в товарища Сталина, воплощающего в себе непобедимость и величие большевистской партии. Если мы хотим итти за ним и достойно следовать тем заветам, которые оставил Владимир Ильич Ленин, нам нужно постоянно помнить о самом главном для члена нашей партии—о своём боевом большевистском воспитании членов нашей партии. *(Бурные аплодисменты. Пленум стоя приветствует товарища Кирова).*

БУДНИЧНАЯ КОЛХОЗНАЯ РАБОТА — ВЕЛИКОЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ДЕЛО

*Из речи на II Ленинградском областном съезде
колхозников 17 июня 1933 года*

РАБОТАТЬ ПО-ХОЗЯЙСКИ, КРЕПИТЬ ОБЩЕЕ КОЛХОЗНОЕ ДЕЛО

Для того чтобы развернуть работу по укреплению колхозов, для того чтобы сделать колхозы большевистскими, а колхозников зажиточными, надо всю работу поставить на основе указаний товарища Сталина о том, что надо работать по-честному, по-большевистски.

Что значит работать по-честному, по-большевистски?

Работать по-честному — люди понимают, а вот что значит работать по-большевистски — не всегда понимают, говорят или думают, что это сказано для красного словца. Не верно это, товарищи.

Что значит работать по-большевистски? Начнём хотя бы с постановления, только что принятого нашим съездом.

То самое решение, которое вы сейчас приняли, — это большое обязательство, его надо понимать таким образом, что раз это дело приняли, надо провести его обязательно. Это и будет по-большевистски.

А если проголосовали только для того, чтобы проголосовать, а завтра эту бумагу свернули на цыгарки, то это будет совсем не по-большевистски, это выйдет по-кулацки.

Возьмём другое. Если настала страдная пора, весенняя, уборочная или какая другая, всю свою работу следует вести, не считаясь с временем.

Надо дать каждому работу по силам и чтобы каждый трудился добросовестно, выполняя не формально, а по-хозяйски, общее колхозное дело. Вот это и значит работать по-большевистски. Если что-нибудь не успели сделать вчера, нужно сделать всё для того, чтобы наверстать и нагнать сегодня. Если ты считаешься ударником, будь действительно ударником и оправдай это высокое звание. Большевики отличаются от всех прочих людей таким ка-

чеством: у них слова не расходятся с делом, — уж если ты сказал и обещал, то хоть в лепёшку разбейся, а сделай. Вот это называется работать и действовать по-большевистски. Ничего, кроме хорошего, как вы знаете и убедились на опыте, при таком способе работы не будет. На этой основе мы должны организовать труд.

Изо дня в день надо вести работу над тем, чтобы сделать колхозы крепче, очистить их от кулака, изгнать лодыря из колхоза, если он неисправим, удалить из колхозов всяких воров и вредителей.

Нужно поставить дело так, чтобы работа каждого колхозника в колхозе рассматривалась в зависимости от того, насколько он усердно работает. Ведь люди работают по-разному. Когда сравниваешь работу колхозника с работой на заводе, то нужно знать, что ведь и на заводе не все рабочие работают одинаково. Один умеет делать более сложную работу, работает более усиленно, более упорно, более старательно, поэтому он и получит больше за день, а кто знает своё дело хуже, работает с прохладцей — тот меньше и получит, а порой и совсем потеряет место у станка, уступит его тому, кто больше пользы принесёт. Так же нужно делать и в колхозе.

К великому сожалению, этого в большинстве случаев ещё нет, чаще оценивают работу по «справедливости», у а в н и т е л ь н о. Эта «справедливость», товарищи, — гнилая, кулацкая, не наша пролетарская справедливость. Потому что, если я работаю больше, а ты меньше, то на каком основании мы получаем одинаково? Из этого ничего не выйдет, так нельзя людей воспитывать. Нужно каждого — это и будет по-большевистски — оплачивать в зависимости от его работы: веселее работаешь — веселее и получишь, хуже работаешь — меньше и получишь. Тогда есть смысл подтягиваться. Возьмём такое дело, как социалистическое соревнование, которое проводится между колхозами и между отдельными колхозниками.

Вот представим себе такое положение: я работаю и рядом со мной работает Степан, мы с ним заключили договор на социалистическое соревнование — я его вызываю, он меня вызывает. Поработали месяц — у него 25 трудодней, у меня 25 трудодней, у меня столько-то рублей заработано, у него столько же. А работали мы по-разному. Выйдет ли что-нибудь из такого соревнования? Не выйдет. Может быть, мне будет, конечно, приятно, если я знаю, что лучше работаю. Но этого мало. Необходимо

каждого материально заинтересовать в результатах работы.

Если вы будете не только знать, что больше и лучше работаете, но получите больше, то и работа будет спориться лучше. Но у нас этого ещё во многих местах нет. У нас часто ещё получается по-старому, всё ещё тянет дать каждому обязательно поровну.

Мы знаем, что у нас есть случаи, когда люди не только не хотят работать, но попросту слоняются без дела. Им нужно сказать: либо работай, либо иди, куда хочешь, живи, как хочешь, но нам в нашем социалистическом деле не мешай.

К сожалению, так на практике не всегда получается. Смотрим мы подчас на такого лодыря и говорим: «Да как же так, ведь он наш, деревенский, мы с ним раньше в бабки играли, на гулянку ходили, как же этого человека выгнать, ведь он ни с чем останется». Это не годится.

НАВЕСТИ В КОЛХОЗАХ СТРОГИЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК

Кто хочет есть, тот будет работать и должен работать в городе или в деревне, на фабрике или в колхозе. А если не хочешь есть, можешь не работать. Если никакая агитация и пропаганда не помогают, — а как видно они некоторым не помогают, — то нужно поставить дело так, чтобы человек по-настоящему понял, что не работая — жить нельзя.

Если колхозы не станут работать по-другому, если не уничтожат уравниловку в оплате труда, то хорошего ничего не получится. Мы должны завести в колхозах не гнилую божескую справедливость, а навести порядок, строгий социалистический порядок.

Если правильно, что лодыря выгоняют из колхоза, то почему будет неправильно, когда за разную работу будут платить по-разному? Иначе ничего не выйдет. Многие колхозы на это переключаются, и они делают правильно, тем более что сейчас очень много стимулов к тому, чтобы работать по-настоящему, стараться по-настоящему. Ведь у колхозников имеется не только колхозная работа, а работа и в усадьбе, т. е. личная собственность.

Каждый колхозник должен отдавать максимум силы и времени на общественную работу, на работу колхоза, то-

гда и на усадьбе будет работать веселее, а если мы на колхоз будем — а это есть — смотреть вроде как на какую-то повинность, а на усадьбу — что это моё, родное, а что будет с колхозом — это второе дело, то так дело не пойдёт.

Усадьба и колхоз связаны так, что если будет хорошее положение дел в колхозе и если колхозное добро будет множиться с каждым годом, с каждым сезоном работы, то и усадебное дело будет веселее.

Не забывайте, что колхозная работа тесно сопрягается с работой в усадьбе. Если верно, — а это верно, как говорил товарищ Сталин, — что от нас требуется только честно работать, то опыт весеннего сева говорит не только о том, что товарищ Сталин был целиком и полностью прав, но и о том, что дело колхозного строительства мы можем двинуть такими быстрыми шагами вперёд, какие и не снились нам до сих пор.

Если не только колхозники-ударники, но и все колхозники начнут работать по-настоящему, если колхозное добро будет, как зеницу ока, оберегать, если кулаков, вредителей из колхозов выгонят, если лодырям предложат или работать, или убраться на все четыре стороны, то мы доживём, до такого цветущего состояния в колхозах, когда настоящее положение покажется очень скромным.

Надо только взяться за работу по-настоящему. Резервов у нас, товарищи, много, сил много. Есть в колхозах и молодёжь хорошая, есть старики, у которых надо взять хороший стариковский опыт, не тот опыт, когда выходили и перед каждым плём молились, а опыт, как получше обработать землю и побольше взять, побольше из неё извлечь пользы.

Молодёжь надо организовать покрепче, для неё огромное количество работы в колхозах. Молодёжь — вообще народ горячий, и если эта молодёжь направит всю свою энергию на нивы, на поля, на животноводство, то она громадное дело сумеет сделать.

Возьмём такой участок, как работа среди колхозниц. Кстати, надо сказать, что вы их обидели — на этом съезде мало присутствует женщин, а ведь в колхозе сколько мужчин, столько и женщин.

Колхозницы — громадный источник силы колхозов. Если женский труд поставит по-настоящему, если сделать таким образом, чтобы та обязанность, которая лежит на женщине, — ребят рожать, — а впредь тоже надо будет

рожать, потому что ребята нам нужны, — не мешада женщине участвовать в общей колхозной работе, то колхозная стройка пойдёт вперёд ещё более быстрыми шагами.

Надо поставить дело так, чтобы женщина не была вынуждена слишком много сил тратить на ребёнка, чтобы, как только этот маленький большевичок родился, матери помочь, и дело так организовать, чтобы и ребёнок рос хорошо и она могла работать.

Ясли и очаги для детей надо развить очень широко. Этого требуют как наши обязанности по отношению к детям, которые только что нас приветствовали, так и задачи хозяйственной работы в колхозах. Если хорошо поработать с колхозницами, то вы увидите, какой неисчерпаемый источник новой силы мы получим. Для улучшения работы среди женщин мы полагаем необходимым выделение женорганизаторов в политотделах МТС.

Наше государство не ограничивается только тем, что уже дало 120 тысяч новых тракторов. Недавно мы пустили новый Челябинский завод. Один этот завод будет давать до 40 тысяч мощных гусеничных тракторов в год, а вместе с ним будут работать и другие заводы — Сталинградский и Харьковский. И всё это мы не англичанам будем увозить и не японцам отдадим, а всё это пойдёт на наши колхозные поля.

Наши громадные гиганты-заводы дают нам и сложные и несложные сельскохозяйственные машины, и если вы к этой машине подойдёте по-человечески, как подходите к своей коровушке, которая у вас в собственности, к своему коню, когда он был у вас в собственности, тогда у нас будут другие результаты. А вот некоторые колхозники иногда думают, садясь на машину: чего её там беречь, гони трактор, пока не остановится. Машина тоже, товарищи, требует серьёзного и внимательного ухода, без конца на ней работать невозможно. А есть машины, которые требуют ещё большего ухода, чем конь и корова. Вы знаете, каким большим источником усиления колхозов является машина, и поэтому надо бережно ухаживать за этой машиной, уметь с ней обращаться, освоить её по-настоящему.

Когда мы говорим: сделать наши колхозы большевистскими, а колхозников зажиточными, это не пустая фраза. У нас есть полная возможность для этого, только надо работать по-честному.

ТОЧНО, СВОЕВРЕМЕННО ВЫПОЛНЯТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

Нужно ли вам, товарищи, говорить, — здесь уже об этом говорилось, и мы это единодушно и крепко приняли, — что каждый колхозник должен помнить о первоочередности своих обязательств перед нашим рабоче-крестьянским государством. И вот в той бумаге, которую вы проголосовали, прямо написано: «Хлеб первого обмолота обязуемся сдать государству, всё, что полагается государству, сдадим в установленные сроки, а колхозники-ударники приложат все силы к тому, чтобы государственные обязательства выполнить ещё раньше». Почему требуется от вас такое отношение к государственным обязательствам? Правильно ли это?

Мы знаем, что около этого вопроса немало разговоров в деревне. Как же это так? Вот когда работаешь, трудишься на себя — всё понятно, а когда государству хлеб отдавать, да ещё по цене значительно ниже рыночной, то на первый взгляд получается как-то неладно. Конечно, государство получает хлеб от колхозников и единоличников по цене значительно ниже рыночной. Это верно, но надо же разобраться внимательно, куда и кому поступает хлеб и все остальные сельскохозяйственные продукты. Мы даём их государству. Что такое государство у нас, в Советской стране?

Раньше были помещики, капиталисты, мироеды-кулаки, попы и т. д., вся эта орава снимала, так сказать, сметану с общественного достояния.

А теперь как дело обстоит? Помещиков, слава богу, не стало, капиталистов мы прогнали, кулаков мы ликвидировали почти дочи́ста.

Кое-где они остались, вроде сорняков на поле, но мы их завтра выколем, произведя прополку на своих полях. Спрашивается, кто же остался? Остались рабочие, остались крестьяне — колхозники и единоличники. Осталась Красная армия. Остались те, кто руководит государством, и служащие наших государственных учреждений.

Но посмотрите, как это выходит. В буржуазных странах правят капиталисты, банкиры, землевладельцы, там уважают богатство, частную собственность и капитал. У каждого из министров либо своя земля, своё поместье, либо акции крупного банка или трестов, свои капиталы за границей.

Нашей страной руководят те, которые сами вышли из рабочих и крестьян, у них никаких особых доходов, кроме заработка, нет, поместий нет, фабрик, капиталов за границей не водится. Служащие в государственных учреждениях у нас под контролем самих трудящихся, безнаказанно измываться над трудящимися не могут. За воровство, хищение государственного добра, за взятки мы жестоко караем. Государственный аппарат мы держим такой, какой совершенно необходим для нашей работы, не больше.

Если это так, то я вас спрашиваю: когда вы хлеб, мясо, молоко, масло и прочее поставляете и продаёте государству, кому вы даёте — помещикам, капиталистам, кулакам? Нет. Мы их прогнали. Остался крестьянин, рабочий, армия и флот, небольшое количество служащих в государственных учреждениях, работающих под контролем самих рабочих и крестьян. Значит, все эти сельскохозяйственные продукты мы отдаём себе, самим трудящимся и никому другому.

Для того, товарищи, чтобы колхоз был надёжным, чтобы крепко стоял на своих ногах, для этого недостаточно только по-честному выполнять те решения правительства и партии, которые направлены на укрепление колхозов. Нет, надо, чтобы колхоз находился на такой земле, которая прочно охранялась бы со всех сторон, на земле, которую никто не беспокоил бы, чтобы люди могли спокойно работать, действительно отдавая работе все силы. А для этого, товарищи, нужно крепкое и мощное пролетарское государство, которое и внутри могло бы всё в порядке держать и любому врагу извне в любой момент дать отпор. А этого можно добиться лишь тогда, если вы будете добросовестно помогать своему государству, выделять какую-то долю продуктов своего труда на общее благо. Это совершенно бесспорно. Ведь каждый из вас понимает: если у тебя будет колхоз цветущий, а армия и флот не будут иметь хлеба, мяса и т. д., из этого «порядка» ничего не выйдет. Никакому царю, капиталисту, паразиту все те поставки, которые мы берём с нашей деревни, не пойдут, — всё пойдёт только на надобности наших фабрик и заводов, которые дают громадное количество машин всех видов и сортов для наших колхозов, пойдёт на надобности нашей доблестной Красной армии и Красного флота, которые охраняют труд наших рабочих и крестьян, и на содержание того государственного аппа-

рата, который нам безусловно, как это каждый из вас понимает, необходим.

Источник силы нашего государства — в самих рабочих и крестьянах. Не получая ничего от них, оно не могло бы помогать колхозам ни машинами, ни удобрениями, ни деньгами.

Вот, товарищи, как надо поступать, если мы действительно честно, действительно по-настоящему хотим работать и строить социализм. Другая дорога — это возврат к старому и больше никуда. И я не в похвалу, а по совести должен сказать, что мы изо дня в день начинаем замечать, что колхозник всё больше и больше понимает необходимость своевременной поставки продуктов государству, выполнения хлебного налога и сбора денежных средств.

Те обязательства, которые вы тут приняли, надо надлежащим образом выполнить. Там сказано, в какие сроки, что и как сдавать.

Если бы я был председателем колхоза, я бы так, по-хозяйски, рассудил. Колхоз снял во-время урожай, ничего он не оставил на полях. Собрали мы урожай, обмолотили, вот я и собрал бы всех своих колхозников и колхозниц и сказал бы им: «Уважаемые колхозники и колхозницы, уважаемые ударники и ударницы, с нас полагается государству столько-то пудов. Как тут быть? Я думаю — давайте, чтобы потом канители не было, теперь, пока дороги в порядке, пока распутицы нет, пока дрово-лесозаготовок нет, пока никаких затруднений у нас нет, давайте теперь же, поскорее рассчитаемся с государством. Там написано у нас — в августе и сентябре сдать процентов 60. Давайте, отдадим всё, раскланяемся с приёмщиком, получим от него квитанцию, и тогда гораздо свободнее, лучше будем себя чувствовать и работать».

Ведь если праздник подойдёт, — вы думаете, мы от праздников отказались? — ничего подобного: когда страдная пора отойдёт, мы и праздники будем устраивать, — то куда свободнее будет каждый из вас себя чувствовать, если будет знать, что за ним ничего не числится, что он всё, что с него причитается, сдал, что никто за ним не ходит. А вы знаете, какой народ приёмщики — он будет ходить за тобой следом, пока не получит с тебя всего, что требуется. Так вот, если по-хозяйски рассудить, будет гораздо лучше поскорее сдать всё, что с тебя причитается. (Голоса: «Мы так и делаем».) Нет, далеко ещё

не всегда. Если бы так делали, я бы вас здесь не убеждал; во многих случаях как раз наоборот делается.

Раньше сдать свою продукцию государству — проще будет, веселее дело дальше пойдёт, тем более что у нас в этом году такой твёрдый порядок — хлебный налог. Взносы эти — как государственная повинность, тут не выполнить нельзя. Вы все на руках имеете соответствующие окладные листы на продукты сельского хозяйства, и расчёт очень простой.

И то, что надо помогать государству, и с точки зрения ведения хозяйства и распорядка в колхозе, говорит за то, чтобы сдать продукцию государству пораньше. Вы сами были вчера единоличниками и знаете, какая у единоличников психология. Как по-старому было? Когда это моё и я знаю, что надо завтра отдать, то думаешь: «Жалко как-то, дай до завтра не отдам, пускай ещё около меня побудет». Потом, смотришь, завтра можно не отдавать, послезавтра можно не отдавать. Думаешь: «А может быть, и совсем не расстанусь, жалко, посутяжить хочется». Раньше, когда это было единоличное, собственное, тогда выходило так, что для тебя своё хозяйство и своя усадьба — всё, а дальше — хоть трава не расти. А теперь не то, теперь дело миром строится, как раньше говорили. Поэтому надо и работать так, чтобы для всех было лучше, и поскорее сдать, что причитается государству, — и себе и государству хлопот меньше. Вы знаете, как иногда приходится проводить заготовки. Мало того, что заготовители ездят, — если заготовки медленно идут, то мы ещё всякие бригады в деревни посылаем: одни за хлебом едут, другие — за мясом, третьи — за маслом, одни с толком ездят, а другие — без толку, а всё это государству стоит денег. Ведь иной заготовитель хоть и одного фунта масла не заготовит, а по железной дороге он едет — за билет платить надо, где он остановится — за харчи платить надо, он и харчи-то не оправдаст, а платить надо. Я не скрою этого от вас, это наша общая беда: государство платит иногда и лишнее. Всего этого не надо, всё это ни к чему, надо всё сделать попроще, надо, чтобы между колхозником и партий и Советской властью отношения складывались попроще. И поэтому можно только приветствовать то обязательство, которое вы дали, — сдать сено целиком к 1 августа, выполнить обязательства по поставке зерна к 20 октября, причём 20% дать не позднее 1 сентября и 75% не позднее 1 октября; сдать лён на

заводы к 1-му и трёпаний лён к 15 декабря; выполнить поставки картофеля к 15 октября.

И тут, так же как и в отношении уборочных работ, вы обязались сделать всё, чтобы эти сроки не остались на бумаге, чтобы каждый единоличник по вашему примеру тоже подогнал всю сдачу к этим срокам.

Одна из ваших больших задач, над которой вы должны упорно работать, — это выполнение плана дрово-лесозаготовок. Дело чести колхозников области — обеспечить дровами ленинградских рабочих и работниц, дать лес Советскому государству.

КОЛХОЗНИКАМ ОТКРЫТА ДОРОГА К ЗАЩИТНОЙ ЖИЗНИ

Совсем ещё недавно кулаки и подкулачники пугали вас большевиками и социализмом. Ведь недавно ещё наши враги вам говорили: «Вот, видишь, — колхоз, сегодня ты будешь колхозником, а завтра тебя в большевики запишут». И тот, кто постарше, так рассуждал: «В колхоз-то я пошёл бы (особенно это женщины говорили), ну, а в большевики пойти — никак дело не выйдет, у меня дочь замужем, внучата есть, как я на старости лет в большевики пойду; если так случится, в гробу перевернёмся». Боялись. В колхоз можно, а в большевики не годится. И кулак агитировал: «Сегодня ты пойдёшь в колхоз, а завтра к социализму тебя поведут». Ну, в колхоз — это понятно, это вроде кооперации, а вот к социализму — это неизвестно куда. Сижу я на земле, земля подходящая и природа хорошая, и в колхоз можно, а к социализму не годится. А тут кулак своё зудит: «Ты сегодня в колхоз пошёл, у тебя лошадь обобществили, завтра корову обобществят, а послезавтра бабу обобществят большевики». Было так? (С места: «Было».) Верил кое-кто из вас этому? Верил. А что получилось? Никто никуда никого насильно не повёл, женщин не «обобществили», жить в колхозе, там, где с умом за дело берутся, оказалось лучше, чем в единоличном хозяйстве.

Таким образом, товарищи, я ещё раз должен вам сказать: тысячу раз был прав товарищ Сталин, когда он говорил, что колхозная стройка сейчас находится у нас на твёрдом основании — теперь всё зависит от нас самих. Мы имеем громадный опыт.

Сейчас каждый месяц учит нас большему, чему учил раньше год, время измеряется иначе. Теперь на опыте, на практике каждый колхозник знает, что такое колхоз, если он только по-честному, по-большевистски, по-трудовому относится к этому колхозу. Ваша задача — укреплять колхоз дальше, работать по-честному, стать действительно зажиточными и колхоз сделать большевистским.

Несколько слов о зажиточности колхозника. Кулаки говорили: «Если пойдёшь в колхоз, то тебя поведут к социализму, а для кого существует социализм, для кого существуют большевики? Если ходишь без штанов, если ешь через два дня в третий, то ты подходящий материал для большевиков, потому что большевики за тех, которым есть нечего, одеть нечего. Вот в чём заключается большевистская истина». Теперь вы сами уже поняли всю ложь и весь обман кулацкой агитации.

Большевики организуют для трудящихся города и деревни такую жизнь, когда ни один трудящийся не только не будет знать, что такое нужда, нищета, а у всех работников будет всего вдоволь, не будет никаких паразитов.

Мы говорим, что результаты труда должны принадлежать только тому, кто трудится, и никому больше, никаких эксплуататоров не должно быть. Если это так, то вы в колхозах пойдёте вперёд по пути к зажиточности. Раньше бедняк и масса середняков не могли стать зажиточными. Одному из тысячи середняков, может быть, и удавалось выскочить как-нибудь в зажиточные, остальные же разорялись.

У нас есть всё к тому, чтобы спокойно и твёрдо двигаться вперёд по нашей социалистической дороге, которая ведёт к громадному подъёму и улучшению жизни трудящихся.

И вы должны знать, что укрепление колхозов является великим делом строительства социализма в нашей стране, оно ведёт к повышению благосостояния каждого трудящегося в отдельности, делает каждого колхозника зажиточным, делает каждого из вас более сознательным, более культурным.

Тут выступала женщина, председатель колхоза, товарищ Шалаева, которая с обидой говорила, что колхоз работает неплохо, не хуже других, но ей трудно справляться,

потому что она неграмотная, потому что ей нехватает культуры, знаний. Это очень тяжёлое, проклятое наследие прошлого, но и с ним мы в короткий срок покончим.

БЫТЬ НА-ЧЕКУ, ЕЩЁ БОЛЕЕ КРЕПИТЬ ОБОРОНУ НАШЕЙ СТРАНЫ

Товарищи, одновременно с тем, как здесь заседает наш съезд колхозников-ударников, в другом месте происходит не съезд, а конференция, созванная капиталистами. Я говорю о мировой экономической конференции в Лондоне.

Мы сейчас подводили итоги и намечали дальнейшие пути в нашей сельскохозяйственной работе.

Там тоже подводят итоги, подводят их представители всех капиталистических стран — и больших и малых, они подводят итоги капитализма за последние годы.

И здесь и там подводятся итоги, но между тем, что происходит там и на нашем съезде, — громадная разница. Эта разница заключается не только в том, что на лондонской конференции, за исключением советской делегации, нет ни одного рабочего, ни одного крестьянина, ни одного колхозника, ни одной колхозницы, что большевиками является только советская делегация. А разница в том, что там люди, казалось бы, наиболее выдающиеся в буржуазном мире, вооружённые опытом, вращающиеся не только банками и предприятиями, но вращающиеся целыми государствами, управляющие целыми народами, — они, подводя итоги работы капиталистов за последние годы в Старом и Новом Свете, приходят к совершенно неутешительным для них выводам. Устами председателя французского совета министров Даладьё положение, которое там имеется, капиталисты обрисовали так: «В итоге нынешнего кризиса мы имеем 30 миллионов безработных и 30 или больше даже миллиардов долларов потерь от кризиса». Эти цифры, товарищи, он сильно преуменьшил, но дело даже не в этом, а в том, что они, собравшись на эту конференцию, ничего о своей работе не могли сказать, кроме вынужденного признания громадной разрухи и громадного развала, в котором капиталистическая система находится. И не будет странным, если в поисках выхода они снова и снова будут обращать свои взоры на единственное здоровое место на земном шаре, где расположен Советский Союз, если они снова попытаются раздавить страну рабочих и крестьян, чтобы тем

самым поддержать гибнущую капиталистическую систему.

Империалистов, у которых дела становятся с каждым днём всё хуже и безнадёжнее, очень подмывает выступить против Советского Союза. Треплет лихорадка не в меру горячие военные круги японской буржуазии, но особенное усердие в подготовке вооружённого нападения на Советский Союз проявляют германские фашисты.

Не умея дать трудящимся массам ни хлеба, ни работы, не будучи в состоянии демагогией, парадами, трескотнёй и шумом заглушить растущее недовольство рабочего класса и пробуждающихся от обмана крестьян, фашисты носятся со всякого рода авантюристскими замыслами против Советского Союза. Один из министров фашистской Германии — Гугенберг на Лондонской конференции выступил с заявлением, согласно которому фашистской Германии должны быть возвращены африканские колонии и открыт доступ для заселения территории СССР «энергичной» германской расой. Ну, товарищи, по части энергичности мы берёмся теперь поспорить с любой расой на земном шаре.

Но гвоздь гугенберговского предложения не в этом.

Германские фашисты предлагают себя мировому империализму в качестве силы для организации антисоветского похода, разумеется, за приличное вознаграждение.

Авантюристы, всё более и более теряющие голову, носятся с сумасбродными планами, с идеями, достойными людей из сумасшедшего дома. Это должно заставить нас быть ещё больше на чеку, ещё более крепить оборону и военную мощь нашей страны. Проводя политику мира, мы никому не позволим шутить с великой страной трудящихся.

Мы можем сказать совершенно твёрдо, что если несколько лет тому назад рабочий класс, идя рука об руку с крестьянством, поворачивая горы внутри своей страны, умел защищать границы Советской страны от нападения извне, то теперь, когда мы стали несравненно сильнее, когда мы вооружили Красную армию передовой техникой, Страна советов сумеет постоять за себя. *(Бурные аплодисменты.)*

За последние годы в нашей стране изменилось всё к лучшему, в том числе и в нашей деревне. Разобщённые, разбросанные по всей Советской стране миллионы мелких единоличных крестьянских хозяйств объединились сейчас

в великую, мощную, незыблемую твердыню, которая называется нашими колхозами.

Нет теперь в мире такой силы, которая могла бы опрокинуть великий союз советских рабочих и колхозного крестьянства.

Одного, товарищи, требуют сейчас от нас партия, правительство и угнетённые всех стран мира — работать по-большевистски, не покладая рук, работать изо дня в день. И это, казалось бы, будничное дело — посев, уборка урожая, выращивание поросят, бережное отношение к зерну, к своему хозяйству — сейчас является великим социалистическим делом, и всякий ударник, который целиком и полностью отдаёт себя этой работе, который умеет объединить вокруг себя менее сознательных колхозников и единоличников, становится тем самым активным борцом за освобождение страждущего и угнетённого человечества.

Немного времени пройдёт, и, если мы будем работать так, как обещали в нашем торжественном обязательстве, если мы и впредь высоко будем держать знамя Ленина, если твёрдо будем, как и до сих пор, следовать за коммунистической партией, жить и работать по указаниям великого вождя и учителя трудящихся товарища Сталина, — наше дело победит во всём мире. *(Бурные, долго несмолкающие аплодисменты, все присутствующие встают. Возгласы «Ура!» «Интернационал!».)*

ДЕЛО ЧЕСТИ ЛЕНИНГРАДСКИХ ПРОЛЕТАРИЕВ — ВЫПОЛНИТЬ ПРОИЗВОДСТВЕННУЮ ПРОГРАММУ

*Из речи на конференции рабочих-машинистов
Ленинграда 17 октября 1933 года*

ПО-РЕВОЛЮЦИОННОМУ ПОСТАВИТЬ ВОПРОС ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ

Товарищи, ваша конференция будет обсуждать целый ряд вопросов, будет обсуждать и вопрос о максимально целесообразном использовании рабочего времени.

Казалось бы, такой простой вопрос — целесообразное использование рабочего времени! А что мы наблюдаем? Потери времени, например, по вашему союзу (выборочно по 15 предприятиям) доходят до 23%. Значит, на 15 крупных предприятиях четверть рабочего времени тратится нецелесообразно, впустую. На заводе им. Сталина — 30%, на заводе «Электрик» (правда, этот завод к вам не относится, но там ведь тоже работают такие же пролетарии, как и вы) — 21%.

Но есть заводы, о которых прямо даже страшно сказать: например, на Опытном заводе ВОМП за сентябрь чуть ли не 77% рабочего времени пошло впустую. Мне кажется, здесь есть над чем задуматься. Или вот «Красный путиловец», который знает весь мир, завод заслуженный, это всё верно, — но вот оказывается, 19 500 рабочих часов здесь ежедневно идут впустую. Или если перевести на деньги — 81 тысяча рублей летит каждый день в трубу. Про завод «Большевик» все вы знаете из опубликованных материалов. Там, как оказывается, на раскачку в начале дня и в обеденный перерыв идёт 40 минут. Но я, грешный человек, не совсем в это верю, думаю, что побольше. А вот в инструментальной мастерской — там тратится бесплодно до 70% рабочего времени. На заводе им. Ленина — 33%. Больше я не стану приводить примеров. Этим вопросом, как вы знаете, занялись многие организации вплотную. Интересны письма, которые поступают с заводов от отдельных рабочих. Вот, например, рабочий Данилов с «Красной зари» пишет, что в течение дня он из 7 часов

потерял впустую 2 часа 23 минуты: бродил по заводу, искал инструменты, материал и т. д.

Товарищи, повторяю, здесь в этом вопросе новых рецептов не придумаешь. Давным-давно всё сказано. Но, к великому сожалению, у нас частенько думают не о том, как бы исправить это дело, а начинают спорить — 40 минут тратится впустую или 30. И те, кто посмелее, назначают побольше, а те, кто поскромнее, особенно директора предприятий, утверждают, что ничего подобного, не 40 минут, а 36,7 минуты. Дело, конечно, не в том в конце концов 40 или 30 минут, а нужно со всем этим кончать, нужно лечить эту болезнь. Позвольте привести одно сопоставление, про которое даже горестно говорить. На заводе им. Молотова три года тому назад проверяли использование рабочего времени в кузнице. Оказалось, что в этой самой кузнице на раскачку тратится 30 минут. Всё это проверили, проверили с хронометром, как это у нас теперь полагается. Мы ведь всё теперь по науке делаем, математика у нас в порядке. Вот проверили это дело ровно 3 года назад. А теперь, в этом году, стали опять проверять, послали другого человека, опять с хронометрами, вновь проверили, и оказалось, что те же самые полчаса идут на раскачку, как это было три года назад.

Есть у нас Ижорский завод. Здесь выступал сегодня его директор. Там решили покончить с потерями, и вот каким путём. В одной из мастерских, механической № 2, чтобы рабочие не тратили времени на раскачку, работали бы до гудка, решили снять часы в мастерской. Мера, как видите, совершенно «революционная». А что получилось? Если раньше рабочие начинали мыть руки минут за 20 до гудка, то теперь, не видя часов, так примерно за час соображают: а не порали помыть руки? *(Смех.)*

Товарищи, я взял нарочно один только вопрос для того, чтобы вам показать, как всё действительно зависит от руководства, от организации дела. Оказывается, очень легко и очень просто определить, какое количество времени тратится зря, но гораздо труднее устранить это вредное явление, тормозящее развитие нашей промышленности. Ведь что у нас получается? Вот на заводе им. Молотова, как 3 года тому назад, в кузнице полчаса тратили на раскачку, так до сих пор и на 5 минут не сократили этого времени. А я ведь убеждён, что если собрать кузнецов, инженерно-технический персонал, директора завода, поставить перед ними этот вопрос, то они сейчас же примут

соответствующую резолюцию, пошлют приветственную телеграмму высшим органам, а полчаса будут болтаться по-прежнему.

Вот, товарищи, я и хотел здесь сказать, что если мы тут решим серьёзно, что нужно программу выполнить, и выполнить по-настоящему, то надо с расхлябанностью, с такого рода работой решительно и твёрдо кончать. Если мы примем какое-либо постановление, и примем его серьёзно, то мы должны будем бороться по-настоящему за его выполнение, иначе ничего у нас не получится. Что мы должны сделать сейчас? Мы должны выполнить на 100% нашу годовую программу. И для этого мы должны прежде всего устранить те явления, которые тянут нас назад. Если четверть рабочего времени пропадает впустую, то тут никакие тысячи лишних рабочих не помогут, никаких помещений нехватит, никакого сырья нехватит, и программу вы не в состоянии будете выполнить. Пора по-революционному, по-большевистски эти вопросы поставить! В них мы сейчас упираемся.

ПРОЛЕТАРСКУЮ МАССОВУЮ САМОКРИТИКУ — НА СЛУЖБУ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА

От нас требуется внимательное, бережное, большевистское, честное отношение ко всем вопросам — и к крупным и к самым мелким — нашей великой строительной работы. Чтобы выполнять программу, надо не только директору, не только техническому директору, но и каждому рабочему чувствовать себя хозяином завода, хозяином нашей социалистической собственности. Когда летят минуты и часы рабочего времени без толку, без пользы, когда портят сырьё, нужно, чтобы каждый чувствовал себя ответственным за это — и рабочий, и техник, и инженер.

Во всей нашей работе по борьбе за план перед профессиональной организацией встанёт одна из почётнейших задач. Но тут я должен сказать в порядке самокритики, что с профработой дело обстоит у нас на многих предприятиях плохо. Здесь надо прямо смотреть правде в глаза.

Возьмём вопросы соцсоревнования и ударничества. Если мне память не изменяет, наши ленинградские заводы в этой области были не на последнем месте. Если мне память не изменяет, даже застрельщиком этих методов работы явился Ленинград. Казалось, что от нас теперь тре-

буется? Требуется, чтобы мы, как говорится, культивировали эти формы. А что мы видим на деле? Позвольте спросить в порядке самокритики, всё ли у нас делается для того, чтобы социалистическое соревнование развивалось, крепло, росло? Я думаю, что этого сказать нельзя.

Я, например, просматривал договоры в отношении ударничества и соцсоревнования. И вот в одном из договоров даётся такое обязательство: отныне я обязуюсь являться трезвым на работу. Вот удивил к XVI годовщине Октября! И ведь это не анекдот. С подобным опошлением соревнования приходится ещё встречаться. Это говорит о том, что дело требует ремонта. Соревнующихся и ударников у нас имеется довольно порядочный процент, около 70, но если вы ударниками будете называть тех, кто трезвым приходит на работу, то вы не 70, а все 90 наберёте. Тут надо дело основательно проверить и причислять к ударникам только тех, кто этого действительно заслуживает.

Наша страна, в городе и в деревне, окончательно утвердилась на социалистическом пути. Но надо помнить, что классовый враг ещё не добит. Нам нужно полностью решить великую задачу ликвидации пережитков капитализма в экономике и сознании людей. Мы должны неустанно развёртывать массовую работу по коммунистическому перевоспитанию трудящихся. Наша общественная работа должна развиваться, углубляться. Наша социалистическая культура, одним из важнейших моментов которой является соревнование и ударничество, должна крепнуть и расти.

Товарищи! Я хотел бы в двух словах остановиться на заводах оборонного значения. Вы знаете, что в любой момент международная обстановка может измениться, вы знаете, что многие из нас должны будут тогда бросить станки и выйти на поле битвы с классовым врагом. Величайшая ответственность падает на рабочих и инженеров, работающих в оборонной промышленности. Я не хочу сказать, что завтра должна наступить война. Так вопрос не стоит. Сейчас мы достаточно крепко обеспечили себе мирные позиции; но если мы хотим мира, нам надо, чтобы крепко выполнялись такие заказы, как заказы чёрной металлургии, транспорта, нефти, электростанций. На это нужно особое внимание обратить.

Наконец, качество и конкретность нашей работы.

Мы уже давно вышли из того возраста, когда всё, что хоть сколько-нибудь походило на продукцию, отрывалось с

руками. Нет, теперь вопрос иначе стоит. И те заводы, которые не переключились на качество и комплектность, переживают тяжёлое положение. Вот Металлический завод расхлёбывает сейчас те ошибки, которые были им сделаны три года назад. Вышло так, что турбина сделана, отослана, но где-то маринуется, потому что Металлический завод не прислал вспомогательных механизмов, потому что то, что должно быть около турбины, отсутствует. Вопросы качества сейчас приобретают исключительное значение. Те заводы, которые 5—6 лет тому назад брали любую продукцию, какая бы она ни была, даже если нужно было одно, а давалось другое, сейчас требуют — давай всё точное, определённое, отвечающее на все 100 % установленным требованиям.

Можем ли мы дать такую продукцию? Можем, но, к сожалению, нас нередко подрывает расхлябанность, привычка делать всё спустя рукава.

Вопросы организации производства приобретают сейчас решающую роль. И если мы разовьём здоровую, революционную массовую самокритику, мобилизуем вокруг этих вопросов внимание каждого инженера и техника, каждого рабочего, мы безусловно нашу программу выполним. Но для этого нельзя терять ни одной минуты, потому что осталось в нашем распоряжении только 2½ месяца. И здесь роль профсоюзов, роль наших завкомов так же, как и партийных организаций, огромна.

Работа IV квартала не может рассматриваться изолированно от задач второго года пятилетки. Если мы этот квартал будем работать организованно, если недоделки сумеем устранить за остающиеся 2½ месяца, то тем самым мы хорошо подготовимся и к следующему году.

Приближается XVI годовщина Великого Октября. Никогда ещё не были так грандиозны наши завоевания не только в городе — на фабриках и заводах, но и в деревне — на наших беспредельных колхозных полях. Наш славный революционный праздник мы будем проводить под знаменем Ленина и Сталина, под лозунгом 100-процентного выполнения — качественного и количественного — нашей программы.

Вам, питерские пролетарии, которые 16 лет тому назад первые в нашей стране вышли с красным знаменем социализма, не к лицу отставать в деле гигантской социалистической стройки! (*Бурные аплодисменты.*)

ВСЕГДА И ВСЮДУ СЛЕДОВАТЬ ЗАВЕТАМ ЛЕНИНА

*Выступление на торжественном заседании
комсомольского актива Ленинграда, посвящённом
пятнадцатилетию со дня основания ВЛКСМ,
28 октября 1933 года*

Товарищи, позвольте мне от имени большевиков Ленинградской организации передать вам, юбилярам, горячий большевистский привет. (*Бурные аплодисменты.*)

Товарищи, история Коммунистического союза молодёжи должна рассматриваться в самой тесной, в самой непосредственной связи с историей борьбы нашего рабочего класса, историей нашей коммунистической партии. Наш Ленинский комсомол — это плоть от плоти, кровь от крови наших революционных рабочих и нашей славной ленинской коммунистической партии.

Товарищи, я думаю, что едва ли мы располагаем нужным арсеналом слов для того, чтобы полностью изобразить героическую 15-летнюю историю нашего комсомола. Я говорю это не потому, что сегодня у нас праздник, не потому, что юбилярам принято говорить только хорошее, — нет, а потому, что всей своей борьбой, всем своим существованием комсомол действительно вписал в историю высокие, героические, поднимающие, возвышающие трудящееся человечество страницы.

НАШ КОМСОМОЛ ВЫСОКО ДЕРЖИТ ЗНАМЯ БОЛЬШЕВИЗМА

Ещё задолго до формального образования Коммунистического союза молодёжи в старой царской России наша рабочая молодёжь, ещё не организованная, не оформленная в какое-либо целое, давала знать царскому самодержавию о своём существовании. Ещё задолго не только до Октября, но и до Февральской революции мы уже наблюдали революционные выступления нашей рабочей молодёжи.

Параллельно тому, как развивалось рабочее движение в России в целом, развивалось и революционное движение рабочей молодёжи. Вот почему как только грянули залпы Февральской революции, наша рабочая молодёжь, как будто бы по какому-то сигналу, широким потоком двинулась на поле революционной борьбы. И с тех пор мы не знаем ни одного сколько-нибудь заметного революционного этапа, в котором того или иного участия не принимала бы рабочая молодёжь.

Не только в городах, на фабриках, заводах, в учебных заведениях, в армии, но и в деревне широким потоком разлилось рабоче-крестьянское молодёжное движение.

Не надо удивляться, что вскоре после Великого Октября мы уже имели оформленное коммунистическое молодёжное рабочее движение, которое своим мощным размахом захватило, увлекло молодёжь не только нашей России, — отзвуки его слышались во всех рабочих центрах за рубежом.

Я не имею ни возможности, ни времени проследить за дальнейшими этапами развития и роста Коммунистического союза молодёжи. Но я не могу не остановиться хотя бы в двух словах на той исключительной роли, которую сыграл наш комсомол в период гражданской войны. Это, товарищи, необходимо, особенно подчеркнуть потому, что мы с вами сейчас переживаем так называемый мирный период социалистического строительства.

Вспомните, товарищи, что в наиболее тяжёлый, наиболее гнетущий период гражданской войны, в тот момент, когда широко развернулось наступление Деникина, когда многим и многим казалось, что звон кремлёвских колоколов скоро будет аккомпанировать вхождению деникинских полчищ в нашу столицу, — в этот момент наш комсомол объявил в тех губерниях, которые соприкасались непосредственно с южным фронтом, поголовную мобилизацию всего комсомола на фронт.

И те из нас, которые тогда были на фронте, те помнят, какую громадную, я бы сказал, исключительную роль сыграл тогда комсомол. Надо, товарищи, прямо сказать, что мы, большевики, вообще говоря, народ, который умеет бороться, не щадя своей жизни, и то иной раз с завистью смотрели на героев, которых давал тогда комсомол. Достаточно было взглянуть на молодые полки комсомольцев, чтобы приобрести новые силы, новую уверенность в победе. И не случайно, товарищи, что в этот трёхлетний

период гражданской войны, как вы помните, комсомол, несмотря на огромные жертвы, какие он нёс на всех фронтах, увеличил свою численность почти в двадцать раз. А с тех пор, после окончания гражданской войны, мы, товарищи, на всех этапах, на всех фронтах социалистической стройки видим растущие, крепнущие кадры помощников, основных помощников нашей партии и в лице Ленинского комсомола.

И после окончания гражданской войны, когда перед нами развернулась широкая программа социалистической стройки, комсомол с честью нёс своё новое наименование, своё звание — Ленинский комсомол.

Были, конечно, товарищи, и изъяны в движении комсомола, были отдельные ошибки в отдельных звеньях комсомольской организации, были отдельные увлечения особо горячих, ещё не устоявшихся комсомольских голов, но в общем и целом, если иметь в виду основную линию направления нашей революционной борьбы и социалистической стройки, надо признать, что наш комсомол всегда, везде, на всех этапах был вместе с партией, работал по её директивам. В этом, товарищи, сила комсомола. Как только молодёжное движение встало под знамя Ленина, под знамя большевизма, оно получило самую главную, основную цементовку. Некоторая расплывчатость, неустойчивость, которая характеризовала первые шаги молодёжного движения, стала достоянием прошлого.

Но, товарищи, вспоминая пройденный путь, нельзя ни на одну минуту забывать о задачах, которые стоят перед нами сейчас.

ВСЁ ШИРЕ, ВСЁ ГЛУБЖЕ РАЗВЕРТЫВАЕТСЯ БОРЬБА МЕЖДУ ДВУМЯ МИРАМИ

Нынешний этап социалистического строительства представляет собою замечательную страницу нашей революционной истории. Именно в данную эпоху все основные элементы двух миров — социалистического и капиталистического — ведут жестокую, смертельную борьбу. Правда, сейчас нет войны против Советского Союза. Уже несколько лет мы переживаем период так называемого мирного социалистического строительства. В связи с этим кое-кто думает, что мы целиком и полностью, чуть ли не навеки, вступили в полосу мирного развития. Но, товарищи, это, конечно, не верно. Это заблуждение. В действительности дело обстоит совершенно иначе.

После решающих побед за последние годы, побед, которые мы одержали главным образом за период первой пятилетки, наше государство — Советский Союз поднялся на такую высоту, вырос в такую гигантскую силу, что капиталистический мир, раздираемый противоречиями, вынужден идти на признание нас, вынужден всё больше и больше считаться с СССР. Вы знаете, товарищи, что за последнее время мы заключили ряд мирных договоров со многими государствами, перечислять которые я не буду. Дело дошло до того, что, как вы на днях все читали, состоялся обмен посланиями между Рузвельтом и товарищем Калининым. Это акт весьма крупного международно-го значения.

Президент США Рузвельт советует Михаилу Ивановичу Калинину послать представителей для обсуждения вопроса об установлении более нормальных, более культурных, более цивилизованных взаимоотношений между двумя великими народами, тех отношений, которых, — к слову сказать по вине США — до сих пор не было. Таким образом, мы, видимо, скоро получим нового приятеля в лице президента США, тех самых США, которые являются наиболее матёрыми, наиболее твердокаменными представителями современной капиталистической системы.

Всё это так. Всё это ценно в общем балансе нашей международной политики; но всё это несколько не говорит о том, что борьба между двумя системами — системой нарождающегося, крепнущего социализма и отживающего капиталистического строя — в какой бы то ни было мере ослабевает. Напротив, эта борьба идёт всё глубже, всё шире, всё резче. И если вчера был период войны и мы боролись с нашим противником вооружённой рукой, то сейчас мы вынуждены вести решительную борьбу на всех фронтах, возьмёте ли вы фронт промышленного строительства, торговли или фронт сельскохозяйственный, работу ли наших городов, жизнь ли нашей школы, научных учреждений, тех или иных культурных организаций, фронт ли нашего искусства, — какую хотите область человеческой жизни вы сейчас ни возьмёте, — везде и всюду мы ведём смертельную борьбу с отживающим капиталистическим миром. Я говорю: отживающим, но вы, комсомольцы, прекрасно понимаете, что отсюда отнюдь не следует, что пройдёт известное время и из отживающего этот капиталистический строй превратится сам собой в отживший. Нет, так это не выйдет. Сколь он ни отживает, как

он ни гнил, как он ни смердит всякими неприятными запахами, но дело складывается так, что без того, чтобы мировая пролетарская революция его не добила, без того, чтобы она его окончательно не сокрушила, — дело не обойдётся.

Товарищи, я не собираюсь перед вами развивать программу работы нашей партии и нашего Ленинского комсомола на ближайший период времени, но я думаю, что в день вашего юбилея нужно вспомнить основную, решающую задачу, которая стояла, стоит и будет стоять перед нашим Ленинским комсомолом, задачу, очень хорошо сформулированную ещё в 1920 году Владимиром Ильичём Лениным.

УЧИТЬСЯ УПОРНО, ТЕРПЕЛИВО

Ленин говорил, что дело складывается таким образом, что комсомол будет настоящим, подлинным, непосредственным строителем коммунистического общества. Если это так было в 1920 году, то тем более верно это положение в 1933 году. Отсюда во всей своей силе и полноте остаётся и та задача, которую сформулировал Ленин. Эту задачу Ленина можно уложить в одно слово — **уч и т ь с я**. Вот если в это простое, как будто бы самое обыкновенное слово вдуматься, если понять, что хотел сказать этим словом, формулируя основные задачи комсомола, Ленин, то станет ясно, что все остальные задачи — большие и малые, сегодняшние и завтрашние, повседневные и принципиальные — все эти задачи комсомола упираются, покрываются в конечном счёте одной общей задачей — **уч и т ь с я**.

Я знаю, товарищи, что за плечами комсомола громадная героическая история. Но если говорить о недочётах, недоделках в работе комсомола, то я думаю, что самым большим недостатком в нашей работе до сих пор является недостаточно полное, недостаточно беззаветное восприятие этого лозунга — **уч и т ь с я**.

Товарищи, я уже вам сказал, что сейчас наша социалистическая система ведёт смертельную борьбу с капиталистической системой. Что это значит? Это значит, что нам нужно уметь побеждать не только на войне, в которой мы безусловно победим, если даже на нас нападут завтра; это значит, что мы должны побеждать не только на наших фабриках и заводах, что мы делали и делаем, создавая новые гиганты нашего промышленного строительства; это

значит, что нам нужно не только побеждать в нашем сельском хозяйстве, внедряя новую современную технику, технику, покоящуюся на последнем слове науки, а это значит, что нам нужно побеждать и в области литературы, нам нужно побеждать и в искусстве, нам нужно побеждать во всех решительно отраслях знания, если мы действительно всерьёз и по-настоящему решаем хоронить капитализм. А ведь присягу в этом мы дали ещё 16 лет тому назад.

Сейчас наша задача, наша борьба усложняется с каждым днём. Возьмите любой участок работы. Возьмите, например, область техники, — я знаю, что вы на этот счёт большие застрельщики, — но, товарищи, хотя я и не шибко боюсь буржуазной техники, всё-таки, говоря по совести, буржуазная техника — вещь довольно солидная, многовековая, овладеть ею в два счёта, нахрапом, по постановлению комсомольской ячейки — не выйдет. (*Аплодисменты.*) Надо подзаняться, и при этом самым серьёзным, самым терпеливым образом. Когда поближе подойдёшь к этой технике, то тут порядочно может быть разочарования, здесь, может быть, придётся вспомнить слова одного пионера, который заявил: «Чорт его знает, почему я не родился грамотным, это было бы гораздо лучше, чем теперь заниматься арифметикой». Может быть, и многие из нас жалеют, почему они не родились технически грамотными, но тут уж жалеи, не жалеи, а овладевать этим делом придётся. И здесь вновь и вновь приходится вернуться к вопросу об осуществлении и проведении в жизнь лозунга товарища Ленина — у ч и т ь с я.

В нашей огромной, многомиллионной Советской стране есть ещё много изъянов, много некультурного, бедного, но во всей нашей великой стране нет сейчас ни одного места, где не было бы новых ростков, создающих новую социалистическую систему. Вчера ещё — голая песчаная степь, а сегодня вы встречаете здесь расцветающие новые социалистические города; вчерашняя пустыня сегодня прорезается новыми способами культурного человеческого сообщения. Всё это требует от нас правильного использования, правильного всем этим делом управления, руководства. Я повторяю, перед нами стоит та задача, о которой особенно часто и совершенно правильно говорит товарищ Сталин, — задача воспитания и выковывания новых кадров, новых строителей социалистического общества.

Но как же мы можем иметь эти новые кадры, этих но-

рых надёжных, твёрдых, уверенных строителей, если мы не вспомним ещё и ещё раз и крепко не запишем, а ещё лучше не зарубим на комсомольском, партийном и каком угодно, только честном носу, не зарубим лозунг Ленина о необходимости учиться, учиться и учиться. Товарищи, ведь и капиталисты не дремлют, не зевают, они делают всё к тому, чтобы срок соревнования двух систем продлить как можно дольше, они изыскивают всё новые и новые способы и методы, чтобы противостоять напиранию, растущей и крепнущей нашей социалистической стройке.

Уверяю вас, товарищи, что если мы с вами сегодня, в день нашего торжества, дадим настоящую комсомольскую, большевистскую клятву, что каждый из нас, на каком бы фронте или участке работы он ни находился, что каждый из нас действительно будет проводить в жизнь этот лозунг «учиться», уверяю вас, что наша вторая пятилетка даст нам гораздо больше результатов, гораздо больше достижений, чем те, которые мы имели в период первой пятилетки. Я знаю, что в ряде организаций и в целом — в комсомле сейчас вокруг этого лозунга подымается очень большая волна, и это, товарищи, обещает нам в ближайшее время значительные результаты, ибо тогда остающийся в истории человечества период совместного существования двух систем, социалистической и капиталистической, несомненно, будет сокращён.

Если каждый день, каждый час нашего существования даёт не только нам, но и всему трудящемуся и угнетённому человечеству всё новые и новые доказательства правильности великого ленинского пути освобождения человека от векового рабства, то там, на той стороне, дело обстоит иначе. Там не могут найти надёжный и твёрдый путь, который вывел бы капиталистическую систему из тупика, в котором она оказалась. И вот наши успехи, наш гигантский рост возбуждают бешеную ненависть врагов, вызывают новые поползновения фашистского отребья искать выход в войне против нашего Советского Союза.

В связи с этим, товарищи, несколько слов о задачах комсомола в области обороны нашего Советского Союза. Наряду с учёбой, которой вы должны будете отвести очень заметное, очень большое место, вы должны уделить силы и внимание военному делу в широком смысле этого слова.

Товарищи, ваш союз насчитывает пять миллионов человек. Но ведь это не просто человек, а комсомольцев, и

не просто комсомольцев, а комсомольцев-ленинцев. Так вот вы сейчас на одну минуту представьте, что эти пять миллионов человек, до мозга костей преданных нашей коммунистической партии, рабочему классу и нашей социалистической стройке, эти пять миллионов человек научились в достаточной степени основательно владеть всеми средствами обороны, с помощью которых мы будем отстаивать независимость нашего Советского Союза, — так вот я вас спрашиваю, товарищи, найдётся ли в мире какая-нибудь сила, которая в состоянии будет опрокинуть этот огромный, великий ленинский отряд? Я думаю, что такой силы не найдётся, особенно в том случае, если мы действительно делу учёбы и военной науки уделим достаточно полное внимание.

Всё наше воспитание, вся наша учёба должны проходить под знаком интернационализма. Не комсомолец тот юноша или та девушка, которые дальше своей страны ничего не видят. Не ленинцы тот комсомолец и та комсомолка, которые не находят в поле своего зрения миллионов трудящихся и угнетённых Старого и Нового Света. Всё существование комсомола, вся его борьба шла под ленинским знаменем интернационализма. Она пойдёт под этим знаменем и впредь. И вот, если мы с вами в сегодняшний великий наш праздник условимся бережно, самоотверженно следовать тем указаниям, которые нам даны великим основоположником нашей партии — В. И. Лениным, если мы, независимо от того, на каком участке работы мы исполняем наши обязанности, — будем ли мы полоть огурцы на огородах или будем взлетать на чудесных шарах в стратосферу, — если мы будем помнить этот основной завет великого учителя, то мы, товарищи, и впредь будем так же успешно, так же победоносно продолжать великое дело того, которого с нами сегодня в нашу историческую дату нет. Ленина, товарищи, с нами нет, но Ленин есть! Есть Ленин! Это — миллионы выкованных, воспитанных в кровавой классовой борьбе рабочих, партийцев, беспартийных и комсомольцев, которые ведут за собою миллионы страждущих и угнетённых, перед которыми история открыла одну единственную дорогу — дорогу вперёд.

Под руководством великого продолжателя дела Ленина — товарища Сталина мы, могучая коммунистическая партия вместе

с нашим бодрым, весёлым, призванным осуществлять во всём мире коммунистическую революцию Союзом молодёжи, пойдём по этой единственной дороге вперёд, и мы победим! *(Бурные аплодисменты. Комсомольский актив стоя приветствует товарища Кирова. Со всех концов зала несутся возгласы: «Да здравствует товарищ Сталин! Да здравствует товарищ Киров!»)*

1934 год

**СТАЛИН—ВЕЛИКИЙ ОРГАНИЗАТОР ПОБЕД
РАБОЧЕГО КЛАССА**

*Из доклада о работе ЦК ВКП(б) на V областной и
II городской Ленинградской партконференции
17 января 1934 года*

Для успеха второй пятилетки надо работать по-большевистски, надо работать по-сталински.

Все возможности у нас есть для того, чтобы организовать новые победы во второй пятилетке. Заводы и фабрики наши, власть наша, порядки на заводе целиком зависят от нас. Мы провели огромную техническую реконструкцию, всяческие, даже самые сложные, машины научились делать сами.

Надо глубоко освоить новую технику, надо поднять до невиданных пределов производительность труда, и всё это зависит только от нас самих. В сельском хозяйстве, в колхозах ли, в совхозах ли, земля наша, земли сколько угодно, власть в наших руках, порядки в работе так же, как и в промышленности, зависят целиком от нас. Технику даём в колхоз огромную. Надо овладеть ею, надо поднять производительность колхозного труда. Всё дело в нас самих, в организации нашей работы.

Генеральная линия нашей партии проверена практикой и опытом миллионных масс трудящихся; рабочий класс и колхозное крестьянство неуклонно идут по пути, указанному нашей партией. Вторую пятилетку они единодушно одобряют как боевую программу их дальнейшей работы. В этих условиях совершенно исключительное значение получает правильная организация работы и руководства.

Товарищи, есть одна единственная сила, которая руководит всем делом социалистической стройки, направляет всё наше движение вперёд, — это наша коммунистическая партия.

Мы выковывали генеральную линию партии в боях с правым и «левым» оппортунизмом, неуклонно проводя за-

веты великого основоположника нашей партии — Владимира Ильича Ленина.

Мы организовали развёрнутое наступление социализма на основе учения Ленина — Сталина о строительстве социализма в одной стране. Наша борьба принесла полное торжество ленинской политики партии. Надо и в дальнейшей работе твёрдо проводить проверенную жизнью генеральную линию построения социализма в нашей стране, помня, что новые успехи работы зависят только от нас самих, от правильного построения организационно-практического руководства во всех отраслях строительства.

Товарищи, заманчивая картина открывается перед нами в конце 1937 года. Основная задача второй пятилетки — окончательная ликвидация капиталистических элементов и классов вообще, преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, завершение реконструкции всего народного хозяйства на новейшей технической базе, освоение новой техники и новых предприятий, механизация сельского хозяйства и поднятие его продуктивности. Мы подходим и в итоге второй пятилетки придём, если будем работать, как учит нас товарищ Сталин, к бесклассовому социалистическому обществу. Это, товарищи, такая всемирно-исторического значения перспектива, которая действительно, мне кажется, и мёртвого должна разбудить для широкой, большой творческой, созидательной работы. Но было бы ошибкой думать, что так легко это даётся и так легко повернуть на новые рельсы нашу работу.

Товарищи, говоря о заслугах нашей партии, об успехах нашей партии, нельзя не сказать о великом организаторе тех гигантских побед, которые мы имеем. Я говорю о товарище Сталине. *(Бурные, долго не смолкающие аплодисменты.)*

Я должен сказать вам, что это действительно полный, действительно всегранный последователь, продолжатель того, что нам оставил великий основатель нашей партии, которого мы потеряли вот уже десять лет тому назад.

Трудно представить себе фигуру гиганта, каким является Сталин. За последние годы, с того времени, когда мы работаем без Ленина, мы не знаем ни одного поворота в нашей работе, ни одного сколько-нибудь крупного начинания, лозунга, направления в нашей политике,

автором которого был бы не товарищ Сталин, а кто-нибудь другой. Вся основная работа — это должна знать партия — проходит по указаниям, по инициативе и под руководством товарища Сталина. Самые большие вопросы международной политики решаются по его указанию, и не только эти большие вопросы, но и, казалось бы, третьестепенные и даже десятистепенные вопросы интересуют его, если они касаются рабочих, крестьян и всех трудящихся нашей страны.

Я должен сказать, что это относится не только к строительству социализма в целом, но и к отдельным вопросам нашей работы. Например, если взять вопросы обороны нашей страны, то надо со всей силой подчеркнуть, что всеми нашими успехами, о которых я говорил, мы целиком и полностью обязаны Сталину. *(Аплодисменты.)*

Могучая воля, колоссальный организаторский талант этого человека обеспечивают партии своевременное проведение больших исторических поворотов, связанных с победоносным строительством социализма.

Возьмите лозунги товарища Сталина: «Сделать колхозника зажиточным», «Сделать колхозы большевистскими», «Овладеть техникой», шесть исторических условий товарища Сталина, — всё, что направляет строительство социализма на данной стадии нашей работы, исходит от этого человека, и всё, что нами завоёвано в первой пятилетке, достигнуто на основе его указаний.

По указанию товарища Сталина мы ставим в программу дня нашей ближайшей работы и вопрос об организационной перестройке всех наших организаций, начиная от партийной и кончая хозяйственной, советской и другими. Этот вопрос сейчас приобретает совершенно исключительное значение. Потому что, если верно, что в наших руках есть всё для того, чтобы победоносно завершить строительство социализма в нашей стране, чтобы крепко держать в руках нити международного пролетарского движения, — если всё это так, если всё зависит от нас, то, следовательно, организационное построение наших органов, учреждений и прочее приобретает сейчас особое значение.

ДОКЛАД ТОВАРИЩА СТАЛИНА — ПРОГРАММА ВСЕЙ НАШЕЙ РАБОТЫ

Речь на XVII съезде ВКП(б) 31 января 1934 года

САМЫЙ ЯРКИЙ ДОКУМЕНТ ЭПОХИ

Товарищи, мы подводим итоги работы нашей партии и нашего Центрального Комитета за период времени в три с половиной года. Я думаю, товарищи, что самым коротким выражением содержания нашей работы за этот промежуток времени является то, что мы доказали практически (теоретически это было установлено партией значительно раньше) возможность победоносного строительства социализма в нашей, отдельно взятой стране и пришли к XVII съезду с величайшими победами.

Возможность построения социализма в одной стране — формула сама по себе очень короткая, и теперь она в рядах партии не вызывает ни в ком никаких сомнений. Но если вспомнить, какой путь предшествовал этой нашей победе, то станет ясным, какую исключительную роль сыграла наша партия, какую исключительную борьбу вынес под руководством нашей партии рабочий класс в деле осуществления ленинского плана строительства социализма в одной стране.

Ведь если вспомнить, товарищи, все наши внутрипартийные споры, то в конечном итоге все они вращались вокруг этой основной оси, вокруг решающего для пролетарской революции вопроса о возможности строительства социализма в отдельно взятой стране. Правда, не всегда и не везде атакующие генеральную линию нашей партии представители правых, «левых» и «лево»-правых оппортунистов откровенно высказывали свои сомнения относительно этой основной темы. Но мы знаем, что, с какой бы стороны ни начиналась атака на генеральную линию нашей партии, в конечном итоге, расшифровывая эту атаку, мы всегда видели, что в корне её лежит вопрос о возмож-

ности победоносного строительства социализма в нашей стране.

Сейчас, повторяю, этот вопрос решён для нас не только теоретически, но и практически. Мы имеем не только колоссальные завоевания в деле нашей промышленности, в осуществлении ленинского лозунга индустриализации нашей страны, но мы за эти три с половиной года решительным образом повернули многомиллионное единоличное крестьянское хозяйство на новые, социалистические рельсы.

Социалистическое преобразование мелкобуржуазного крестьянского хозяйства было самой трудной, самой тяжёлой и самой сложной проблемой для пролетарской диктатуры в её борьбе за новое, социалистическое общество. Именно эта проблема, именно этот так называемый крестьянский вопрос и порождал в головах оппозиционеров сомнения в возможности победоносного строительства социализма в нашей стране. Этот главнейший вопрос пролетарской революции решён теперь бесповоротно и окончательно в пользу социализма.

В итоге всей нашей работы мы на данной стадии нашего развития имеем такое укрепление диктатуры рабочего класса в нашей стране, какого мы не имели никогда. Мы имеем сейчас действительно крепко сложенное и прочно сцементированное наше великое Советское государство, создавшее фундамент социалистической экономики. Это даёт огромное моральное удовлетворение не только рабочему классу и многомиллионному колхозному крестьянству нашей страны, но это является лучшим агитатором, самым сильным пропагандистом за дело социализма за пределами нашей страны среди международного пролетариата, среди всех угнетённых Востока и Запада.

Мне, товарищи, кажется, что многие из нас недостаточно учитывают итоги той работы, которую мы проделали за последние три с половиной года. В истории часто бывает так, что для того, чтобы оценить то, что было сделано исторически вчера, нужно отойти на порядочное историческое расстояние, посмотреть издали на то, что мы сделали.

Самым ярким и самым полным документом, который мы знаем до сегодняшнего дня, который нарисовал перед нами всю картину нашей великой социалистической стройки за три с половиной года, является отчётный доклад товарища Сталина на настоящем съезде. (*Аплодисменты!*)

Я думаю, не будет также преувеличением сказать, что

мы ещё не подошли к тому времени, когда мы досконально, полностью, до каждой запятой разберёмся во всём том, что нам сказал здесь товарищ Сталин. (*Голоса: «Правильно!»*) В его докладе был не только итог проделанной нами работы, — товарищ Сталин доказал нам путём глубочайшего марксистско-ленинского анализа, как мы этого достигли, почему мы этого добились. Товарищ Сталин не ограничился отчётной стороной своего доклада, он развернул перед нами гигантские перспективы работы на ближайшие годы, эту новую страницу нашей великой программы. И больше того, товарищи, там не только нарисована, изображена программа этой работы, — товарищ Сталин нам сказал, как нужно осуществлять эту программу, как нужно дальше укреплять и умножать нашу социалистическую стройку.

Мне, товарищи, казалось бы, что в итоге такого подробного обсуждения доклада ЦК нашей партии, которое имело место на настоящем съезде, было бы напрасно ломать голову над вопросом о том, какое вынести решение, какую вынести резолюцию по докладу товарища Сталина. Будет правильнее, по-моему, — и для дела во всяком случае это будет гораздо целесообразнее, чем всякое другое решение, — принять к исполнению как партийный закон все положения и выводы отчётного доклада товарища Сталина. (*Голоса: «Правильно!» Бурные, продолжительные аплодисменты. Все встают.*)

Но этого мало, товарищи, одного этого далеко ещё не достаточно для успеха дальнейшей работы. Принять — это одно, а второе — надо будет гарантировать нам всем авторитетом нашего великого съезда действительное, полное, настоящее, честное большевистское выполнение всего того, что здесь было сказано товарищем Сталиным. (*Бурные аплодисменты. Возгласы: «Правильно!»*)

О ТЕХ, КТО ПРОСИДЕЛ В ОБОЗЕ

Товарищи, в итоге всей работы между XVI и XVII съездами мы видим, какая громадная перестройка всего народного хозяйства произошла в нашей стране, какая громадная передвижка в распределении социальных сил произошла у нас в пользу социализма.

Во всех звеньях нашей социалистической стройки сейчас преобладает социалистическое начало. И вот в такой-то обстановке, при таких-то итогах, казалось: стоило ли оста-

навливаться на выступлениях, которые мы слышали здесь со стороны бывших лидеров правой и троцкистской оппозиции?

Съезд без особого внимания слушал их выступления, и вот, мне кажется, что к этим выступлениям надо теперь уже подойти не только с точки зрения теоретической, — мы эти дела дискутировали уже целый ряд лет тому назад (*возгласы*: «Правильно!»), а надо несколько более практически, так сказать, по-человечеству взглянуть на то, что произошло с вождями бывших оппозиционных группировок. Не вдаваясь в теоретический анализ взглядов всякого рода оппозиций, которых они и сами-то теперь не защищают, мне хотелось бы воспользоваться присутствием здесь военных и представить себе, скажем, такую картину. Мы с вами — наша великая коммунистическая армия под авторитетным командованием Центрального Комитета нашей партии, возглавляемого таким величайшим стратегом социалистической стройки, как товарищ Сталин, — мы повели решительное социалистическое наступление по всему фронту. Миллионы рабочих, с ними в союзе ещё большие миллионы крестьян во главе с твёрдой, железной, стальной ленинской партией пошли в бой. В этом бою, товарищи, нам пришлось потерпеть немало отдельных неудач и невзгод, но в итоге мы вышли к XVII съезду партии на такие новые победные высоты, что все эти изъяны и все эти недочёты ступеньваются перед величием наших побед.

Но вы знаете, товарищи, что во всякой войне, а в том числе, оказывается, и в той войне, которая ведётся за строительство социализма, случилось так, что отдельные товарищи по разным причинам начали сомневаться в целесообразности и успешности того великого похода, который мы развернули, и вместо того, чтобы сражаться в рядах основных бойцов, они то поодиночке, то целыми группами даже из руководящих рядов иногда либо ныряли в сторону, либо приотстаивали, либо скрывались в обозе или ещё где-нибудь, несмотря на то, что по физическим недостаткам им было место в передовой линии огня. А армия идёт, потому что это никоим образом колебать боееспособную армию не должно и не может. Армия идёт вперёд, одерживает одну победу за другой. Но там — в обозе, среди этих отдельных колеблющихся групп, звеньев и группочек, всё-таки продолжается своя работа. Получая приказы командования, эти люди не только не стараются

проводить эти приказы, наоборот, они всячески стараются подорвать авторитет этих приказов, они всячески стараются расшатать ближайшие к ним шеренги.

Дело доходит до того, как случается и на войне, что противник, заметив наличие чрезмерного количества таких «обозных» элементов, начинает даже некоторые расчёты держать на эти слои армии. А борьба идёт, армия одерживает одну победу за другой. И вот представьте себе картину: после того как армия одержала решающие победы над врагом — основные позиции заняты, война ещё не кончилась, далеко не кончилась, но наступило нечто вроде победной передышки, если можно так выразиться, — и вот вся великая победоносная рать бойцов поёт могучую победную песню. И в это время что остаётся делать всем тем, которые до сегодняшнего дня были в обозе? (*Аплодисменты, смех.*)

Они, товарищи, выходят, пытаются тоже вклиниться в это общее торжество, пробуют в ногу пойти, под одну музыку, поддержать этот наш подъём. Но как они ни стараются — не выходит и не получается. (*Смех, аплодисменты.*)

Вот возьмите Бухарина, например. По-моему, пел как будто бы по нотам, а голос не тот. (*Смех, аплодисменты.*) Я уже не говорю о Рыкове, о Томском. Тут даже и мелодия другая. (*Смех, аплодисменты.*) И в тон не попадают и в шаг не поспевают.

И я по-человечеству, товарищи, должен сказать, что это не так просто. Надо войти в положение людей, которые целые годы, решающие годы напряжённейшей борьбы партии и рабочего класса сидели в обозе. Им очень трудно стать на партийные позиции.

Товарищи, мы называем свой съезд съездом победителей. Это верно. Но вот из всего того, что я старался попросту рассказать, очень элементарно, — по-моему, это правильно, так сказать, по существу (*аплодисменты*), — мне кажется, что из всего этого нужно сделать необходимые выводы именно потому, что борьба не кончилась, борьба продолжается. Впереди — осуществление той программы, которую нам нарисовал товарищ Сталин.

Впереди ещё очень много хлопот и забот для всей партии, для каждого из нас и для всего рабочего класса. И может ещё случиться, что кое-кому, отдельным товарищам, а может быть отдельным группам снова придётся кое в чём разочароваться; это не исключено. Поэтому из

того примера, который я вам привёл, мы должны извлечь урок в том смысле, что нам необходимо и впредь соблюдать в наших рядах, в рядах нашей коммунистической партии, величайшую, глубочайшую партийную бдительность и железную, большевистскую дисциплину. То, что мы победили, то, что сейчас эти разбитые оппозиционеры пытаются всячески подладиться к нашим победам, это ещё ни в какой степени, товарищи, не снимает с порядка дня вопроса о том, что нам и впредь нужно беречь чистоту и неприкосновенность генеральной линии нашей партии. • (Аплодисменты.)

Я повторяю: впереди, товарищи, ещё очень много очень тяжёлых и очень сложных вопросов и внутреннего и внешнего порядка, которые нам придётся решать.

ГОРОД ЛЕНИНА ВЫДЕРЖАЛ ЭКЗАМЕН

Я являюсь представителем так называемого старого промышленного района, работающего на дело социалистической стройки.

Но мне кажется, что если мы на XVI съезде партии делили наши промышленные районы на старые и новые, то на XVII съезде нашей партии мы имеем много оснований для того, чтобы отказаться от этого разделения. Тут уже много говорилось, я повторять не буду, какие гигантские работы, какие гигантские успехи мы имеем в деле социалистической стройки в новых районах. И вместе с тем следует сказать, что и так называемые старые районы за эти три с половиной года перестали быть старыми.

У нас, например, ленинградские рабочие говорят, что в Ленинграде остались старыми только славные революционные традиции петербургских рабочих, всё остальное стало новым. (Аплодисменты.)

И это, товарищи, действительно так. Если взять нашу промышленность, то за отчётный промежуток времени, точнее за три года (я не буду утруждать вас цифрами), мы основные фонды ленинградской промышленности увеличили на 70% с лишним. Но тут мало говорить просто об увеличении основных фондов, о рублях и о количестве станков и оборудования. Говоря об обновлении наших старых заводов, нужно всегда иметь в виду качественную сторону этого обновления, потому что новые станки, которыми мы заменяем прежние станки, ничего общего со

старыми станками не имеют; те агрегаты, которые мы ставим сейчас, они коренным образом отличаются от тех, которые были раньше. В итоге вот такое обновление нашей ленинградской промышленности и привело к тому, что, как это ни странно, мы с XVI по XVII съезд почти сохраняем удельный вес в валовой продукции Советского Союза — он колеблется от 14 до 15%. Но дело не только в этом. Дело в том, что такие решающие отрасли промышленности, как машиностроение, судостроение, электростроение и оптика, т. е. те отрасли промышленности, которые являются ведущими в Ленинграде, они как были, так и остаются на прежнем высоком уровне. Например, вся металлическая промышленность выросла за три года ни много, ни мало как на 92% с лишним. Я это веду к тому, что этого не было бы, если бы мы во-время не сумели обновить решительным образом наш основной капитал, который мы имеем в нашей ленинградской промышленности.

Нельзя обойти молчанием и роль Ленинграда как мощной кузницы кадров для наших новых, социалистическихстроек и научно-исследовательских учреждений всего Советского Союза. В 1932 и 1933 годах мы направили за пределы нашей области 7 500 квалифицированных работников.

Это не значит, что у нас нет никаких недостатков и никаких недочётов в нашей работе. Несмотря на громадный опыт, который имеет ленинградская промышленность, ленинградские рабочие, несмотря на огромные революционные традиции, и у нас недостатков, недочётов ещё очень и очень много. Но в основном город Ленина выдержал тот экзамен, который Центральный Комитет партии предъявил ему, и успешно справился с возложенными на него задачами по вооружению передовым техническим оборудованием важнейших новыхстроек и решающих отраслей промышленности всего Советского Союза.

Впереди, товарищи, у нас в перспективе ближайших лет громадные задачи в дальнейшем развитии нашей промышленности.

Я бы хотел обратить внимание на одну сторону дела, которая очень затрудняет дальнейший рост ленинградской промышленности. Это вопрос о наших топливных ресурсах. Вы знаете, на каком расстоянии находится ленинградская промышленность от нефти и угля. Старались мы изо всех сил, в особенности под нажимом

товарища Сталина, найти хоть какой-нибудь горючий материал в нашей области или у нас на Севере, но до сих пор пока что это дело безуспешно. Но у нас есть — и не только у нас, а на всём Севере — громадные запасы торфа, на добычу которого и мы, ленинградцы, и наши соседи, живущие в торфяных местах, должного напора не проявляли. Количественно, правда, мы добываем его несравненно больше, чем это было раньше.

При царе ленинградская промышленность питалась не местным углём и даже не донецким, а английским топливом.

Сейчас мы переключились на наше отечественное топливо. В последнее время нам удалось добиться порядочных результатов в деле более целесообразного использования торфяного топлива. Я имею в виду, товарищи, приспособление топок для хорошего, продуктивного сжигания так называемого фрезерного торфа. Мы имеем сейчас новые, проверенные не только лабораторными опытами, но и фабрично-заводским путём, новые топки профессора Макарьева для сжигания фрезерного торфа. Это вносит целую революцию в топливоснабжение нашей промышленности.

Известно, что добыча фрезерного торфа гораздо легче, чем добыча какого-либо другого вида торфа. Но дальше идёт целый ряд вопросов, таких, как хранить фрезерный торф, как его предохранить от самовоспламенения и т. д. Все эти вопросы мы и другие области, которые сидят на торфу, должны будем поставить во главу угла своей хозяйственной работы. Товарищи, никоим образом нельзя пренебрегать этим видом топлива. Если сравнить его с другими видами топлива, то, конечно, нефтяное топливо лучше и удобнее, конечно, донецкий уголь приятнее и т. д. Но, товарищи, если взяться за торф как следует, можно сделать громадное дело. Я уже не говорю о перспективах дальнейшего развития торфяной промышленности, о газификации и т. д. Я говорю о задачах сегодняшнего дня.

А запасы торфяного топлива неиссякаемы. То, что мы взяли сейчас в орбиту своего наблюдения, говорит о том, что мы не сжигаем ещё и того количества торфа, которое нарождается у нас каждый год.

Второе — это развёртывание у нас в Ленинградской области работы по добыче сланца. Мы нашли за последние годы громадные залежи сланцев. Пугало нас несколько

то, что в 1932 году, взявшись вплотную за это дело, мы имели целый ряд всякого рода неудач, связанных с обилием грунтовых вод в залежах сланцев; но сейчас мы это дело осилили. Громадное будет завоевание для промышленности нашей области, если мы дело сланцев освоим, — а мы должны это сделать.

Ко всему этому надо прибавить, что мы нашли в нашей области на Севере громаднейшие залежи железной руды. Я не хочу вам цифры называть. Железо там очень подходящее. Мы его исследовали всячески: и в лабораториях и на заводе, и видим, что это такое железо, которое по своему качеству (я никого не хочу здесь обидеть) с любым районом может поспорить и потягаться. Но весь вопрос с использованием этих железных руд упирается в отсутствие местного топлива, необходимого для металлургии.

Если мы имеем такой громадный, десятками лет складывавшийся промышленный центр, и если нам удастся действительно с завтрашнего дня организовать новую твёрдую топливную базу, и если раскрываются такие природные перспективы, то подумайте, что тут выходит для дальнейшего развития не одной только ленинградской промышленности. Даже на одном этом примере можно понять, в каких необъятных пределах на социалистических основах может разворачиваться дальнейший подъём производительных сил. То, что вчера казалось совершенно непробудным, куда, как говорили, Макар телят не гонял, куда в царское время только в ссылку людей ссылали, — теперь там волей большевиков на базе природных богатств (апатиты, железо, молибден, слюда, торий, титан и др.), в полутундре, куда до сих пор нога человеческая не ступала, создан новый, быстро растущий индустриальный центр заполярного круга.

Там же, на Севере, по инициативе товарища Сталина построен Беломорско-Балтийский канал — это гигантское сооружение нашей эпохи...

В итоге мы связали Белое море с Балтийским и создали водный путь через Мариинскую систему, через Волгу из Белого моря в Каспийское. А в ближайшие годы этот великий водный путь завернёт и в нашу красную столицу — Москву. И украинцы заключают с нами союз, чтобы провести новый водный путь прямо от нас к Чёрному морю. Подумайте, как тесно свяжем мы наш великий и необъятный Советский Союз сетью рек, каналов и как

через них соединим и оживим необитаемые моря и океаны!

Далее, крупнейшей задачей для нас является создание в пределах области своей продовольственной сельскохозяйственной базы. Товарищ Сталин в своём докладе указал, что в данный момент каждый промышленный центр должен рассчитывать в первую очередь на использование своих внутриобластных продовольственных ресурсов, так как теперь нет уже больше чисто сельскохозяйственных областей, которые могли бы в прежних размерах снабжать старые промышленные районы.

Всем известно, кстати здесь много старых питерцев сидит, что до революции Ленинград был окружён немножко большей сельскохозяйственной территорией; все вы знаете, что границы с соседними государствами прошли так, что много сельскохозяйственных районов от нас отошло. И, если говорить о прошлом, совсем недавнем прошлом, дело складывалось так, что не только мы, работники, живущие в Ленинграде, жили привозным хлебом, но и крестьяне-псковичи. Им хватало своего хлеба до января — февраля самое большое, а дальше надо было из других районов завозить. Теперь мы добились того, что крестьяне Ленинградской области в привозном хлебе не нуждаются, больше того, мы кое-что заготавливаем и для государства. Но Ленинград не обеспечивает себя хлебом и особенно овощами за счёт внутриобластных ресурсов. Мы ставим задачей в 1934 году — и тут ЦК нам всячески помогает, — довести свою продукцию картофеля для удовлетворения ленинградских рабочих в 1934 году до 60% и овощей — до 50%. Это очень большой рост по сравнению с тем, что мы имеем до сих пор, и трудновато придётся нам. Но надо во что бы то ни стало наряду с сырьевой базой для промышленности развивать и нашу продовольственную базу. Думаю, товарищи, что в год этого дела мы не решим, но мы так ставим себе: годика два-три, если вы нам немножко будете помогать овощами и картофелем, каждый год всё меньше и меньше, в конце концов мы станем на свои собственные ноги, — в этом отношении у нас нет никакого сомнения.

Товарищи, я думаю, что помочь нам следует, тем более что на нас лежат очень большие задачи. Вы знаете, что в деле индустриализации Ленинград играет исключительно ответственную роль: нет ни одного места, нет ни одного уголка в Советском Союзе, куда не шла бы продукция

ленинградской промышленности. Правда, она не всегда доброкачественна, но это мы постараемся устранить. В порядке взаимодействия основным сельскохозяйственным областям придётся пока что помогать Ленинграду по части сельскохозяйственных продуктов, тем более что этому славному городу помочь не грех.

Товарищи, на-днях исполнилось ровно десять лет с того момента, когда нашему историческому городу было присвоено имя нашего великого учителя: Петроград был переименован в Ленинград.

За эти десять лет ленинградские рабочие и работницы своей самоотверженной борьбой за генеральную линию партии показали, что они достойны имени города Ленина, в котором они живут и работают. Я тут воспользуюсь случаем и от лица ленинградских рабочих должен вам засвидетельствовать, что они всегда были не в последних рядах той великой борьбы за социалистическую стройку, которую мы с вами вели. Они и впредь будут одной из самых верных, самых незыблемых и самых надёжных колонн нашей большевистской партии и её Центрального Комитета. *(Бурные аплодисменты.)*

Товарищи, мне хотелось бы на основе опыта нашей ленинградской промышленности взять один-два вопроса, касающихся, по-моему, работы всей промышленности Союза.

Первое — это качество нашей работы на наших фабриках и заводах. Это большое место, и, я думаю, не только у нас в Ленинграде. Упиваться всякими 100—200% количественного роста нам никак не приходится. Это всё очень хорошо, что количество растёт, но качество оставляет желать очень многого. Ведь недаром же ЦК нашей партии, Совнарком жмут на это дело. Ведь мы дошли, — тут я забегаю немножко вперёд, — до того, что недавно наше советское правительство и наш ЦК вынуждены были издать декрет, закон, по которому за плохое качество продукции мы, — кто бы то ни было: партийные, советские и хозяйственные работники, каждый из нас, кого это касается, — будем привлекаться к уголовной ответственности. Такой декрет, товарищи, как бы сказать помягче, — позор для нашей работы, и тут надо реально дать себе отчёт в том, что у нас происходит.

Мы в Ленинграде, например, наблюдаем: кадры у нас неплохие, умение как будто есть, заводы тоже не из последних, а всё-таки, как что особо новое и особо новый

заказ, то получается следующее: начинаем потихоньку делать, наконец, сделаем; начинаем собирать — всё как будто выходит; перенесём на место — этого нехватает, это не прилажено, это не подходит, это несолидно. И получается целая канитель.

Вот, например, турбостроение: на весь Союз делаем турбины, занимаем первое место, а наши турбины до последнего времени причиняют нам массу хлопот.

Только теперь мы распутываемся с теми, которые мы делали в предшествующие годы. И до сих пор ещё до конца не распутали. На вопросы качества надо навалиться нам всем, и партийцам и хозяйственникам, самым зверским образом.

И заметьте, что у нас выходит: есть продукция, которую мы вывозим за границу. Например, мы в Ленинграде делаем машины на экспорт, для заграницы, и не такие простые машины, но я вам должен сказать, что если нужно машину для заграницы, — сделают как следует, а когда для себя, так совсем не то. Возьмите более простую продукцию, скажем, пищевой промышленности. Тоже порядочное количество делаем для вывоза за границу, вплоть до всякой конфетки и прочего. Так если вам показать заграничные наши конфетки, — просто от одного вида приятно становится, не говоря уже о том, когда её скушаешь. (Смех.) А возьмите наши. Вот наши рабочие на тех же заводах говорят — сырьё, материал другой. Насчёт материала тоже можно поспорить. Тут ведь так: немножко послаще, немножко поменьше — не решает дела, а самый вид и качество этой продукции — за это надо приняться по-настоящему.

Я знаю на примере Ленинграда, как мы добиваемся наших успехов. Там, где мы навалились, — там выходит. Два случая приведу всего, не буду затягивать. У нас есть такой Ижорский завод, вы знаете — огромный завод, имеет громадные хозяйственные задачи, ответственные вещи делает. Завод был долгое время в прорыве. Что мы сделали? Мы воспользовались случаем, тем, что показал нам Донбасс и другие места, где реорганизация работы и управления в корне изменила дело. Мы навалились на этот завод. За последние полгода, как бы не сглазить, завод изменился к лучшему. Ничего не прибавили: снабжение то же, те же люди в основном, то же оборудование, но только завод поставлен на человеческую ногу, каждый отвечает за своё место, каждый отвечает за своё дело и

прочее. Дело пошло. Ту же картину мы видим и на другом большом и важном ленинградском заводе — «Красная заря», который почти весь 1933 год находился в большом прорыве, а теперь только после перестановки людей и улучшения организации работы успешно выправляется и, несомненно, выполнит январскую программу текущего 1934 года.

Таким образом, как вы видите, от организации дела зависит успех работы и качество и всё прочее.

Теперь несколько слов по вопросу относительно дальнейших затрат на закупку за границей всякого оборудования для наших фабрик и заводов.

Ели вы просмотрите все наши резолюции за последнее время на всех конференциях, то в них записано, что наша тяжёлая промышленность находится сейчас на таком высоком уровне, что может сделать любую машину, любой станок и агрегат. Мы все голосуем за это, громко аплодируем этому делу. У нас в Ленинграде мы приняли такие установки, и я уверен, что и везде исходят из таких же установок. (*Голоса: «Правильно!»*)

Вы говорите «правильно». С другой стороны, я не сомневаюсь, что завтра же, если будет дано какое-нибудь серьёзное новое задание тому или другому заводу, в том числе нашему ленинградскому, то первое, что встретишь от директора завода, это будет: заказ нужно принять, но для этого необходимо выписать такое-то и такое-то оборудование из-за границы. Вчера только голосовали, что всё сами сделаем, а сегодня будут требовать — давай импорт.

С этим делом нужно покончить. Мы имеем в этом отношении такую практику и опыт, что, когда берёмся за дело по-настоящему, по-честному, — выходит. Оказывается, можно. Я не хочу всю вину сваливать на одних только хозяйственников-коммунистов. Тут виноваты и наши работники, ведущие непосредственную партийную работу на заводах, нечего греха таить. Когда принимают заказ, то обставляют выполнение его такими сроками, которые, как правило, содержат ничем не оправдываемые резервы времени. Это делается для того, чтобы можно было отрапортовать об исполнении заказа в срок и даже досрочно.

И вот здесь часто наблюдается между нашими хозяйственниками и партийцами некий «альянс». Если предлагают 100 — давайте возьмём 50. Это надёжнее, а потом поковыряем: перевыполнили. А раз так, то должной мобилизации всех внутренних ресурсов не получается.

С этим непартийным подходом к заказам надо кончать.

Я бы хотел сказать тут, что нашим партийным работникам нужно в этом отношении из-под влияния хозяйственников освободиться. А с другой стороны, нужно сказать нашим хозяйственникам-директорам, что они должны подходить к этому, как и ко всей своей работе, более близко, более по-партийному, помня всегда о том, что они не просто директора, не просто технические директора, но прежде всего члены нашей коммунистической партии.

Вот если будет, с одной стороны, побольше чисто хозяйственного взгляда на всё у наших партийных работников и, с другой стороны, больше партийного духа во всей повседневной работе хозяйственников, мы в короткий срок сумеем устранить многие недостатки в работе промышленности.

Далее, пора также самым решительным образом бросить наши старые приёмы и методы работы, какими мы пользовались до сих пор на наших промышленных предприятиях, и, я бы сказал, крайне нам необходимо революционным образом внедрять новую культуру в организацию производства.

В этом деле играет громадную роль введение техпромфинплана, дающего более высокую основу для работы наших промышленных предприятий.

Я, товарищи, затянул своё выступление. Чтобы вас не обременять больше, хотел бы только сказать относительно тех общих задач, которые стоят перед нами сейчас, которые подчеркнул товарищ Сталин, и прежде всего относительно железнодорожного транспорта.

В силу нашего особого географического положения мы, ленинградцы, затруднения в транспорте чувствуем, пожалуй, больше, чем кто бы то ни было. Мы должны сейчас больше чем когда-либо уделять внимания проблеме транспорта, но выступавшие товарищи говорили больше о железнодорожном транспорте и мало подчёркивали значение водного транспорта. Мы здесь даже представителей этого водного транспорта не видим, а всё-таки пора бы им пуститься в настоящее плавание по нашим огромным рекам и морям. (*Смех и аплодисменты.*) Такое плавание будет огромным подспорьем железнодорожному транспорту. Ведь мы имеем такие водные артерии, каких не имеет ни одна страна. А что получается? Мы даже внятной программы развития водного транспорта не получили. Мы

построили Беломорско-Балтийский канал имени Сталина, строим огромные сооружения, скажем, канал Москва — Волга, другие каналы намечены. Это создаёт новые водные пути. Если сегодня водники не поймут новых задач, как они будут работать дальше? Завтра ещё бóльшие требования встанут, послезавтра ещё бóльшие и так далее. У нас иногда принято говорить так: вопросы работы транспорта — это дело всей партии. Это верно, кто же в этом сомневается? Но это не только не ослабляет, но и усиливает, поднимает ответственность за состояние транспорта тех органов и руководителей, на которые возложена прямо и непосредственно задача — организовать работу транспорта. Так надо дело ставить. Я нисколько не умаляю того положения, что вопросы транспорта — это вопросы всей партии. Это абсолютно правильно. Но прежде всего — это вопросы тех организаций, которые призваны это дело делать.

Тут много говорили на съезде о железнодорожном транспорте, и Ворошилов изложил дело очень хорошо, но транспортники обычно говорят: вы нам мало помогаете, транспорт — дело всей партии. Но вы-то, вы, милые люди, где вы? Прежде всего вы должны по-большевистски взяться за дело, разбудить, расшевелить рабочих, поднять на ноги партийную организацию того же самого железнодорожного, водного транспорта. Ведь там рабочие вовсе не второстепенные. Это чепуха.

На транспорте такие же рабочие, такие же члены партии, как и во всех других отраслях хозяйства. Нужно только суметь опереться на них.

Так же следует подойти и к разрешению животноводческой проблемы.

Вся партия ставит и вплотную берётся за разрешение вопросов животноводческого хозяйства, но прежде всего это значит, что все органы Наркомзема, снизу доверху, должны корейным образом улучшить практику их работы и руководства. Без этого ничего не выйдет.

Товарищ Сталин подробно рассказывал нам о значении товарооборота на данном этапе социалистического строительства. Я не знаю, ясно ли для всех в полном объёме то, что он сказал. Ведь в самом деле, если мы будем оставлять товарооборот в его нынешнем состоянии, то дело может сложиться так, что и товары будут, и спрос, конечно, будет, и всё-таки может наступить серьёзное расстройство хозяйственной жизни нашей страны только

потому, что такое звено нашей работы, как товаропроводящая сеть, будет работать из рук вон плохо. Это надо понять, и тут я возвращаюсь к тому, что дело не только в том, чтобы записать, что данная задача является задачей всей партии.

Надо поднять прежде всего ответственность всех организаций, отвечающих за дело развития советской торговли.

О ПАРТИЙНОЙ УЧЁБЕ И САМОКРИТИКЕ

И последний вопрос, на котором хочу остановиться и о котором мы часто забываем в увлечении, очевидно, всеми остальными работами. Я имею в виду партийно-массовую работу наших организаций, вопросы пропаганды марксизма-ленинизма и политического воспитания рабочих масс.

Это один из очень ответственных участков всей нашей партийной работы. Надо прямо, по-честному признаться, что мы, занятые заводами, промфинпланами, программами, колхозами, совхозами, углём и т. д. и пр., оставляем подчас дело партийного воспитания в стороне, и нет, чтобы позаняться этими вопросами вплотную и глубоко. Составляются всякие методички, программы, тезисы и для агитации и для пропаганды, всё спускается вниз. А я по-честному признаюсь, что далеко не всегда интересовался до сих пор близко, какие программы, какие методички, чему и как они учат. Агитируют, пропагандируют, в общем, конечно, правильно агитируют; но вот всегда ли понимает агитируемый то, что ему говорят, и как доводятся до рабочего и колхозника наши лозунги и решения, — об этом мы, руководители, не всегда знаем. А это далеко не последний вопрос. От него в громадной степени зависят наши дальнейшие успехи.

Конечно, очень отрадно видеть пьесу какого-нибудь писателя, пишущего наши советские пьесы, о том, как растёт новое поколение, которое не видело в жизни, что такое живой городской, и т. д. Это всё, конечно, очень хорошо. Но вот сейчас растёт ещё более молодое поколение, которое не знает, не имеет никакого живого представления, кроме мозгового, о том, что такое безработица, нужда, голод, а на практике совершенно не знает этих вещей. Но ведь этих же людей надо воспитать, надо дать им понять, отчего и почему это произошло. А это могут дать только хорошо поставленная пропаганда и агитация

в пользу нашей великой марксистско-ленинской науки. Никаким другим способом этого дела не возьмёшь. Я думаю, что всякую науку, в том числе и технику и механику, мы должны поднимать на такую высоту, которая недоступна капиталистическим странам. Это совершенно верно. Скажем, наука о сопротивлении материалов — это крайне необходимая наука. Но мы ни на одну минуту не должны забывать, что мы живём в такой обстановке, когда та наука, которая изучает сопротивление противостоящих нам классов внутри страны и за её пределами, — эта наука должна занимать первое место. (*Гром аплодисментов.*)

Вооружённая ленинизмом, в непримиримой борьбе с оппортунизмом всех мастей, широко поставив большевистское воспитание в своих рядах, наша партия как никогда, едина, монолитна, тверда и сплочена вокруг своего ЦК и вождя товарища Сталина.

Товарищи, наша дальнейшая стройка будет также в громадной степени зависеть от того, насколько мы будем бережно и любовно осуществлять один из величайших лозунгов нашей партии — лозунг самокритики. Распространяться об этом я бы не хотел, но мне приходится в голову этот вопрос в связи со вчерашним выступлением товарища Ворошилова. Я слышал от отдельных товарищей, которые говорили, что Ворошилов вроде как бы чересчур хватил в критике недостатков железнодорожного транспорта. Это говорили отдельные товарищи, а съезд, вы знаете, встретил выступление товарища Ворошилова совсем по-другому. (*Бурные аплодисменты по адресу товарища Ворошилова.*)

Рассуждения некоторых товарищей о том, не слишком ли много самокритики, — очень вредная штука. На самом деле, если плохо, если не годится, так где же об этом говорить, как не в среде нашей партии? Если я сегодня как будто ничего, смазливенький, а завтра стал неказистым, — куда же мне идти, кроме партии, за лечением? (*Аплодисменты.*) Только таким порядком можно мобилизовать партию. Тут иногда я, грешный человек, думаю, не страшно даже, если перегнёшь; тут гораздо опаснее, если не догнёшь, потому что «жневская» самокритика, которой там занимаются, — и так и этак, в которой не поймёшь, плохо или хорошо, — нам не к лицу, нам такой самокритики не надо.

У нас, большевиков, так ведётся: если самокритика —

доводи до конца. И ничего тут не случится, никто никуда тут не провалится. Это только поможет исправить дело, и это предохранит партию от опасности зазнайства, о чём предупреждал товарищ Сталин.

Успехи действительно у нас громадны. Чорт его знает, если по-человечески сказать, так хочется жить и жить. (Смех.) На самом деле, посмотрите, что делается. Это же факт! (Бурные аплодисменты.)

Но есть опасность: можно так увлечься всякими песнопениями, что перестанешь понимать, что кругом творится. (Смех.)

А без самокритики предупредить себя от головокружения никоим образом нельзя.

Самокритика — самое надёжное, единственное и самое прочное оружие для предупреждения той болезни, которую товарищ Сталин назвал головокружением от успехов.

Я знаю, что и мне неприятно было бы, если бы меня немножко критикнули, может быть, и я не так весело бы об этом рассказывал (смех), но это не значит, что то, что я говорю, неверно. Это абсолютно правильно. И в этом отношении доклад товарища Сталина является совершенно исключительным. (Голоса с мест: «Правильно!» Аплодисменты.)

Посмотрите, товарищи: там не было сказано Иванов, Петров, Сидоров, но возьмите вопрос о животноводстве, — разве это не тяжёлая вещь для всех нас? А когда товарищ Сталин сказал об этом, то некоторые говорили: «Не лучше ли было бы не говорить об этом?»

Между тем большевистская партия может и должна ставить большие вопросы только так, как это сделал товарищ Сталин. А это значит, что животноводческое хозяйство требует громадной и немедленной работы партии. И это было поставлено прямо в лоб для того, чтобы это дело выправить. И от такой постановки мы только выигрываем, так как она мобилизует партию и рабочий класс, поднимает их активность.

Только партия, сознающая свою силу, только партия, смело идущая вперёд, может открыто перед всем миром так вскрыть недостатки своей работы. Пусть попробуют господа капиталисты, которые установили фашистский режим, даже для статистики, рассказать правду о том, что у них делается с их хозяйством, предприятиями, банками, валютой и т. д.

Я считаю, что образец самокритики, — если брать её по-настоящему, по-деловому, в действии, а не теоретически, — дан нам в докладе товарища Сталина. (*Аплодисменты.*)

Товарищи, когда-то Троцкий (произносишь это имя, и нехорошее сразу настроение делается, будь он трижды проклят, чтобы его поминать на таких наших съездах!) обвинял нашу партию в «национальной ограниченности», в измене интернационализму. Теперь больше чем когда-либо видно, чего стоит эта контрреволюционная болтовня. Ведь теперь как никогда стоит высоко наш авторитет во всём мире среди широчайших масс рабочих и среди крестьян. А враги наши научились уважать нашу силу и мощь. Товарищ Литвинов лучше меня рассказал бы, почему достигнуты наши успехи в международной политике, все эти пакты и прочее. Если бы мы пошли с этими же пактами пять лет тому назад, с тем багажом, который имели тогда в нашем социалистическом балансе, на международную арену, нас бы всерьёз не взяли, за чудачков сочли бы. Сейчас не то, мы говорим не так громко, может быть, без лишних фраз, но каждый понимает, что сейчас за каждой фразой скрывается в той или иной степени то, о чём нам товарищ Ворошилов так подробно вчера рассказывал. (*Аплодисменты.*)

И тут, товарищи, как ни прикидывай, нравится это кому-нибудь или не нравится, а могущество наше — оно сейчас видно для всех, и этим, товарищи, мы завоёвываем новые и новые позиции не только внутри нашей страны, но и за пределами нашего великого социалистического отечества.

Товарищ Сталин говорил, что мы закончили фундамент социалистической стройки, что мы развёртываем работу для того, чтобы воздвигнуть на этом великом фундаменте все надстройки, которые создадут новое, небывалое в истории человечества общество, коммунистическое общество.

Работа, товарищи, не только захватывающая, но работа очень трудная, очень сложная и очень ответственная. Но когда мы имеем такой героический рабочий класс, который населяет нашу Советскую страну, когда мы имеем такую партию, которую выпестовал величайший из людей — Владимир Ильич Ленин, цвет которой заседает вот здесь сейчас, партию, которая не знает никаких преград, никаких препятствий, партию, у которой в правоте своего дела нет ни малейшего сомнения, — я думаю, что с такой партией, с таким рабочим классом, стоящие впереди задачи

не только разрешимы, но разрешимы блестяще и разрешимы победно, тем более что основные трудности уже остались позади.

Товарищи, десять лет тому назад мы похоронили того, кто создал нашу партию, кто создал наше пролетарское государство. Но также десять лет назад устами лучшего продолжателя дела Ленина, лучшего кормчего нашей великой социалистической стройки, нашей миллионной партии, нашего миллионного рабочего класса, устам и этого лучшего мы дали священную клятву выполнить великие заветы Ленина. Мы, товарищи, с гордостью перед памятью Ленина можем сказать: мы эту клятву выполняем, мы эту клятву и впредь будем выполнять, потому что клятву эту дал великий стратег освобождения трудящихся нашей страны и всего мира — товарищ Сталин. *(Бурные, долго не смолкающие аплодисменты, горячая овация всего зала. Все встают.)*

НАША ПАРТИЯ ТВЕРДА, КАК ГРАНИТ

*Речь на Красной площади в Москве
31 января 1934 года*

Товарищи рабочие, работницы нашей славной красной столицы!

По поручению XVII съезда нашей партии большевиков передаю вам пламенный привет. (Крики: «Ура!»)

Товарищи, съезд нашей партии подводит итоги великих работ, совершённых рабочим классом в союзе с нашим трудовым крестьянством, под руководством коммунистической партии на протяжении трёх с лишним лет. Съезд снова и снова устанавливает, насколько правильной, надёжной и творческой была генеральная линия партии, линия построения социализма в нашей стране.

Со всех концов великой советской земли собрались представители нашей ленинской коммунистической партии, и все они говорят о том, что нет на нашей советской земле ни одного такого уголка, где бы не горела новая, коммунистическая, большевистская работа, создающая новую, социалистическую жизнь. Не только в основных городах нашей страны, но и в городах, названия которых не были широко известны, и там создаются очаги социалистической стройки — фабрики и заводы. Там, где вчера были пустыни, необитаемые места, ныне воздвигаются гиганты индустрии.

На основе гигантских завоеваний нашей социалистической промышленности, давшей огромные технические средства, мы за этот период времени сумели повернуть на новые, колхозные рельсы нашу деревню. Это огромное завоевание дало новое основание для ещё более прочного утверждения союза рабочих и крестьян в нашей стране.

Товарищи, всё это вместе взятое в огромной степени укрепило обороноспособность нашего Советского Союза, подняло авторитет нашей страны во всём мире.

Главное и самое трудное, самое большое завоевание нашей партии и нашего рабочего класса заключается, товарищи, в том, что мы сумели за последние годы окончательно, с корнем уничтожить те основы, на которых мог произрастать и развиваться капитализм в деревне. Тем самым мы решительно и навсегда похоронили в прошлом старый, проклятый эксплуататорский, помещичье-буржуазный строй. Это одно из самых победоносных завоеваний великой нашей коммунистической партии, которой руководит наш славный, твердокаменный, великий ленинец — товарищ Сталин. *(Крики: «Ура!»)*

Вы должны, товарищи, знать, что не раз в прошлом рабочие поднимали знамя восстания против своих поработителей. Самой трудной и неразрешимой задачей был для них крестьянский вопрос. Из-за неразрешения этого вопроса была потоплена в крови рабочих Парижская коммуна. Этот же вопрос не смогла разрешить венгерская революция. Но этот вопрос решила та партия, которую создал, выпестовал и воспитал величайший из вождей, у могилы которого мы собрались сегодня с вами.

Этот вопрос разрешила наша Всесоюзная коммунистическая партия, руководимая лучшим ленинцем — товарищем Сталиным. *(Крики: «Ура!»)*

Мы обязаны, товарищи, нашими победами тому, что мы имеем огромную коммунистическую партию, в которой собрано всё лучшее, всё творческое и революционное из среды славного рабочего класса СССР.

Мы имеем такую партию, которая умеет праздновать победы своих великих работ. Мы имеем такую партию, которая не сгибает своей большевистской головы ни перед какими трудностями и опасностями, порождаемыми изнутри и извне.

Наша партия тверда, как гранит! Наша партия едина, нераздельна, как монолит!

Мы имели нападки, натиски на нашу великую партию с разных сторон, но наша партия, закалённая в великих боях, под руководством товарища Сталина, всегда оказывалась незыблемой, прочной, отражая все нападения на нашу коммунистическую партию.

Подводя итоги нашим работам, съезд намечает дальнейший путь к утверждению социализма в городе и деревне, к дальнейшему поднятию благосостояния рабочих

нашей страны и многомиллионного колхозного крестьянства.

Съезд не сомневается, что при поддержке великого рабочего класса нашей страны мы в ближайшие годы сумеем задачу поднятия благосостояния рабочих и колхозников разрешить гораздо быстрее, чем мы это делали до сегодняшнего дня.

Съезд намечает, товарищи, дальнейшие пути и возможности укрепления обороны нашего Советского Союза. Победы наши велики, неотразимы, но, товарищи, вокруг нас всё ещё живёт, существует, правда, разлагающийся, но враждебный нам капиталистический мир. Он бросает на борьбу с крепнущим коммунизмом свои последние силы.

На площадях своих столиц фашисты сжигают творения Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, забывая, что в миллионах сердец трудящихся и угнетённых запечатлено учение наших великих руководителей — основоположников марксизма-ленинизма.

Товарищи, мы должны сделать всё для того, чтобы, если наши враги на Востоке или на Западе вздумают посягнуть на священные границы великого Советского Союза, быть готовыми дать победоносный, сокрушительный отпор.

Товарищи, работы XVII съезда партии это гарантируют.

Позвольте мне в заключение передать вам братский большевистский привет от того города, делегатом которого я имею счастье быть, — от нашего славного Ленинграда.

Да здравствуют рабочие нашей великой красной столицы — Москвы!

Да здравствует рабочий класс нашего Советского Союза, ведущий за собой многомиллионное колхозное крестьянство!

Да здравствуют руководительница всех наших побед — наша славная, несокрушимая, великая, единая коммунистическая партия, её XVII съезд и её славный, негибаемый, великий руководитель и стратег — товарищ Сталин! (*Крики: «Ура!», «Да здравствует XVII съезд!», «Да здравствует Сталин!», «Да здравствует мировая революция!» Овации. «Интернационал.»*)

МАРКСИЗМ - ЛЕНИНИЗМ — ЭТО НАУКА, КОТОРАЯ УЧИТ ТРУДЯЩИХСЯ ПОБЕЖДАТЬ СВОИХ ВРАГОВ

Из речи на пленуме Ленинградского областного и городского комитетов ВКП(б), 10 октября 1934 года

ВСЮ ВНУТРИПАРТИЙНУЮ РАБОТУ НА БОЛЕЕ ВЫСОКИЙ УРОВЕНЬ

Нет нужды подробно доказывать, что за последние годы наша партия, руководимая нашим мудрым вождём товарищем Сталиным, идейно выросла и окрепла в боях с оппортунизмом в процессе гигантской социалистической стройки.

Поднялась активность партийных масс, внутрипартийная демократия* стала ещё более глубокой, большевистская самокритика способствовала подъёму на более высокий уровень всей практической работы партийных организаций. И тем не менее — нам всего этого недостаточно для успешного решения великих задач второй пятилетки.

Вот почему XVII партийный съезд постановил и требует от нас повышения качества идейно-политической работы по всему фронту. Я убеждён, что одна из основных причин проявлений формализма не только в школьной учёбе, но и во всей массовой воспитательной работе, заключается в том, что и в этой области работы даёт себя в той или иной степени знать самосуспокоенность. Марксистско-ленинская воспитательная работа, которой мы занимались на пленуме, — это не простое дело, это очень большой и сложный вопрос. Тут просто написать резолюцию и думать, что остальное приложится, — не выйдет. Вы все помните решения XVII партийного съезда и Центрального Комитета ВКП(б) о перестройке наших партийных органов. Об этих решениях мы потом много толковали, выносили ряд постановлений — посмотрим теперь в порядке самокритики, что нами сделано.

Мне кажется, что мы далеко ещё не сделали всего. На-

до сказать, что вопрос о марксистско-ленинском воспитании при перестройке нашей партийной организации должен был занять одно из главных мест в партийной работе. Что же у нас вышло? Мы аппарат формально упростили, но это упрощение и перестройка аппарата произошли больше формально, чем по существу. Мы, например, у себя, в городском комитете сделали по-новому, организовали институт ответственных инструкторов. В принципе это, конечно, гораздо лучше, чем бывшие отделы, но на практике этот институт ещё далеко не работает так, как надо.

Происходит это потому, что бывшие отделы исчезли, а функции, которые эти отделы выполняли, ещё не целиком выполняются нашими инструкторами. Мы знаем ряд областей работы, где наши инструктора занимаются исключительно технологией дела и меньше всего партийно-воспитательной работой. То же самое и в ряде отделов нашего областного комитета. Это дело надо решительно и самым резким образом повернуть.

Я имею в виду не только перестройку наших областной и городской партийных организаций. Мы за этот промежуток времени создали политотделы в МТС, на транспорте — железнодорожном и водном — выдвинули целый ряд парторганизаторов, утверждаемых в особом порядке. Всё это направлено к тому, чтобы поднять на более высокий уровень внутрипартийную жизнь и внутрипартийную работу во всех звеньях нашей великой партии. Но дело это проводится в ряде случаев не так, как это записано в решениях партии. Я не хочу сказать, что в этом виноваты инструктора или парторганизаторы, — мы тут все вместе не совсем правильно поставили это дело.

Возьмём такой вопрос, как партийная дисциплина. На последнем съезде в новом уставе партии мы особо записали об этом. Между тем здесь мы имеем ряд серьёзных недочётов и слабых мест, в отдельных первичных партийных организациях внимание к нашей внутрипартийной жизни не стоит подчас на должной высоте. Я приведу небольшую справку, чтобы вы поняли, о чём идёт речь. Возьмите такой важнейший показатель, как изменения количества членов партии в нашей партийной городской организации. Возьмите завод «Электросила» — было на 1 января 1939, на 1 октября — 1319. На фабрике «Скороход» было 1731 человек, сейчас — 1579. Шинный завод — было 740 человек, сейчас — 598. Галошный завод — было

1654 человека, сейчас 1374. Завод «Русский дизель» — было 579 человек, сейчас — 518. Надо посмотреть, как обстоит дело на других заводах. Я не забываю ни мобилизаций, ни того, что мы исключаем из партии, не производя приёма новых членов, и всё-таки этими причинами уменьшения количественного состава в таком размере не объяснишь. Это явление говорит о том, что внутрипартийная воспитательная работа хромает. С другой стороны, из этого примера видно, что мы на эти вопросы обращаем подчас недостаточно внимания, не анализируем их, не изучаем так, как следовало бы изучать.

Вопрос о повышении идейного уровня членов партии, который мы поставили на этом пленуме, — один из самых насущных вопросов, и будет ошибкой, если мы весь этот вопрос сведём к формальной учёбе. У нас есть громадная сеть кружков, школ и т. д., где происходит пополнение знаний. Тут много нового, тут много новых условий, огромное количество людей, и надо особо подумать об улучшении системы руководства этой сетью.

Но мне сдаётся, что мы сделаем большую ошибку, если, работая на местах, на фабриках и заводах, мы будем придерживаться трафарета, будем ждать, чтобы кто-то преподал новые формы партийной учёбы. Это не выйдет.

Я думаю, что на каждом заводе нужно проявлять (нечего бояться, никакого греха от этого не произойдёт) больше почину, больше творчества, вовлекать больше людей в учёбу, начиная от верхушек актива и не забывая самых широких масс членов нашей партии.

Мы не можем ограничиться формальной учебной сетью, потому что ведь вся жизнь партии, вся её работа есть огромная марксистско-ленинская школа — такой она и должна быть. Мы должны поставить дело так, чтобы каждое наше мероприятие — постановление, решение, декрет имели популярное идейно-ленинское обоснование, которое должно быть доступно широким массам, широким слоям партии и беспартийным трудящимся. Как обстоит дело на практике? Слабо, особенно в деревне. Я говорил об этом на областном совещании инструкторов и сейчас повторяю. В деревне меньше всего мы можем строить нашу воспитательную работу на формальной учебной сети, на регламентированных собраниях и т. д. Я думаю, что там мы должны

проявлять особую гибкость в постановке массовой политической работы. Мне казалось, что нужно было бы подойти к этому примерно так. На большой молотилке молотит человек 50. Перерыв. Не потому, что молотилка сломалась, а обеденный перерыв. Поели, а затем нужно взять газету. Убили, например, короля (королей осталось теперь не так много), прочитать об этом — будут слушать. Будет это интересно или нет? Будет. Будет интересно и для колхозников и для единоличников. А начав с этого, можно рассказать и побольше: и что такое фашизм, и как мы боремся за мир, и кто нам в этом мешает. И так рассказать, что каждый крестьянин этим заинтересуется, и то, чего он раньше не понимал, поймёт. Можно об этом рассказать по газетам, — и уверяю вас, что этот перерыв будет использован как следует. Можно наладить простое чтение о разных агрономических вещах, но чтобы это не было ни с того, ни с сего, а было, что называется, к случаю. Потому что иначе может получиться так, как это часто у нас бывает, — у человека неполадки в работе, ему никто не посоветует как быть, а говорят: «Давайте потолкуем насчёт МЮДа», а там все «юноши» за 60 лет. И вот такой «юноша» думает: «Да провались ты со своим МЮДом подальше». Я веду это к тому, что нам нужно уметь сочетать теорию с знанием практики жизни. Не надо недооценивать учёбу, но не надо закрывать глаза и на то, что в деревне есть много азбучно неграмотных людей. А азбучно грамотным считает себя тот, кто умеет из угла в угол написать фамилию так, что она не влезает в трудовую книжку. Он говорит, что грамотный, а если дашь газету, то ни в каких очках не прочтает, скажет, что мелка печать. Таких много. Им надо помогать.

Многие скажут, что в деревне так, а в городе не так. Я думаю, что внешкольную учёбу надо развивать и среди широких масс членов партии в городе. Уверяю вас, что тогда мы сделаем большое дело. Я не мыслю марксистско-ленинское воспитание оторванно, как мы выражаемся, для актива, а масса членов партии при этом остаётся в «не-тях». Надо помогать и тут и там, тогда масса хорошо пойдёт актив. Пропагандистов будут критиковать тогда не только в том случае, если кто-нибудь из культпроповских работников удосужился их проэкзаменовать, но и широкие массы членов партии в повседневной работе.

НЕТ ПОЧЁТНЕЕ ЗАДАЧИ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОГО ВОСПИТАНИЯ МАСС

Поднимая повседневно, настойчиво, систематически уровень всех членов нашей партии, мы будем подталкивать вверх и всю нашу систему учёбы, всю нашу разветвлённую школьную сеть. Масса членов партии будет подрастать на работе, получать большевистскую закалку. Нам надо добиться того, чтобы каждый член партии умел объяснить беспартийным политику партии и её решения. В повседневной жизни накапливается много вопросов, и ответ на них иной раз бывает трудно получить. Ведь у нас иногда практика такая: прочтёт человек, что мы вступили в Лигу наций, заинтересуется этим, кое-что захочет выяснить; придёт он на кружок, а спросить не может, так как кружок по заранее установленной программе идёт, — ты спросишь про Лигу наций, а там обсуждается вопрос о перестройке профсоюзов, и никто с тобой о Лиге наций говорить не станет. То же самое и в партийный день. Ведь большей частью повестки партийного дня мы даём из Смольного. Я думаю, что от этой практики нужно отказаться, чтобы парткомы и парторганизаторы больше ставили и лучше подготавливали свои местные вопросы.

Большим бичом партийного воспитания и просвещения является формализм и в школах и вне школы.

Простым житейским делом, толковым разъяснением иной раз можно сделать больше, чем мы достигаем якобы «высококвалифицированной» учёбой. А мы часто обманываем себя. Вот наши пропагандисты. Я некоторых видал. Другой из них ничему не научит, ничему не может научить, так как он сам ничего не знает, он кое-что прочитал, а что касается жизни и как к ней теорию применить, он сам не знает. Это факт. И чтобы это дело повернуть, надо поближе к жизни поставить партийную, марксистско-ленинскую учёбу. Я не хочу отрицать значения работы кружков партийной учёбы. Её надо крепить, надо отбирать для пропагандистской работы лучшие партийные кадры, надо пропагандистов воспитывать, но этого одного недостаточно. Надо усилить также политико-воспитательную работу среди беспартийного актива рабочих и колхозников.

Третьим в повестке дня нашего пленума стоял вопрос о перевыборах советов. Это громадная, массовая кампания, кампания, в которой мы должны перед трудящимися массами города и деревни отчитаться об итогах нашей

стройки, поднимая их к решению новых великих задач, с тем чтобы на основе этого ещё более быстро и уверенно широким фронтом двигаться вперёд к социалистическому обществу.

Перевыборам советов мы должны уделить максимум сил, максимум внимания, показать себя на перевыборах достойными организаторами миллионных масс, борющихся за социализм, так поставить агитацию и пропаганду, чтобы самый отсталый рабочий и колхозник, самые отсталые трудящиеся поняли, что им дала и куда их ведёт наша пролетарская Советская власть, руководимая большевистской партией.

Мы должны выдвинуть в Советы лучших трудящихся, передовых организаторов нашей социалистической стройки, преданных и самоотверженных борцов за социализм. Мы должны в перевыборную кампанию шире развернуть самокритику, беспощадно разоблачая всё враждебное, гнилое, чуждое советскому строю.

Здесь задавали вопросы: как поставить партийную работу? Заниматься производственными вопросами или нет? Ясно, что надо заниматься производственными вопросами, но заниматься так, чтобы фундамент под производство подвести, чтобы изо дня в день идейный уровень людей поднимать. Дело это серьёзное, и надо на это дело всячески нажать, потому что время, потраченное на большевистское, ленинское воспитание трудящихся, на подъём их культурного уровня, никогда даром не пропадёт.

Некоторые ответственные работники подчас хвастаются тем, что не читают беллетристики. «Нашёл, мол, чем заниматься, беллетристикой, тут газету некогда почитать». Этим хвастаться нельзя. Это говорит как раз о нашем неумении работать. Надо найти время и для газеты, и для книг Ленина и Сталина, а если ты Маркса и Энгельса поглядишь, тоже не потерянное это время. И для беллетристики надо время найти, иначе мозги засохнут. Я во время заготовок видел одного секретаря партийной организации — бегаёт кругом да около молотилки и заявляет, что уже три ночи не спал. Конечно, ему не до беллетристики!

Только надо себе задать другой вопрос — правильно ли у этого секретаря организована работа и выйдет ли из неё толк? Думаю, что нет, — и практика будет хромать, и без теории останется, и без культуры.

Когда мы касаемся вопросов самообразования, у нас

чаще всего один аргумент — некогда, целый день беготня, целый день язык на плече. А я совстую, вот попробуйте этот язык с плеча снять хотя бы на час (*смех*), и вы увидите, что ничего страшного не произойдёт, лучше будет. Думают, что если ты запыхался, если пот с тебя градом катит — вот это работа.

Мы хотим так наладить нашу работу, чтобы каждый из нас находил время и для газеты, и для книги, и для изучения ленинизма; и для повышения своего культурного уровня. Это будет огромным вкладом в нашу практическую работу и вознаградится сторицей. Только так и можно поднять на должную высоту теоретический уровень членов партии. Чего требует от нас товарищ Сталин?

«1) Поднять теоретический уровень партии на должную высоту;

2) Усилить идеологическую работу во всех звеньях партии;

3) Вести неустанную пропаганду ленинизма в рядах партии;

4) Воспитывать парторганизации и окружающий их беспартийный актив в духе ленинского интернационализма;

5) Не замазывать, а критиковать смело отклонения некоторых товарищей от марксизма-ленинизма;

6) Систематически разоблачать идеологию и остатки идеологии враждебных ленинизму течений»¹.

И тут я подхожу к вопросу о дисциплине, о дисциплине в широком смысле этого слова. Надо, чтобы каждый внутри себя обладал крепкой партийной дисциплиной, чтобы член партии всё отдавал партии и чтобы то, что он получает от учёбы, от самообразования, шло на дело партии. Иной практический работник рассуждает примерно так: как отлучиться с работы и заняться учёбой, — если тебя на месте нет, без тебя ничего не выйдет. Как же, сегодня на заводе, я, мол, собрал пропагандистов, актив, как же я не приду? И вот придёт, покажется «ясное солнышко», не знает, в чём дело, сядет в уголочек, как святой, посидит полчаса, и вот, видите ли, массовую работу провёл. (*Смех.*) Так лучше не приходиться, а если уже приходишь, приходи подготовленным, расскажи, как и что надо делать. Надо начинать поднимать большевистское воспитание с наших партийных кадров. Повторяю, надо не столько бумагами, циркулярами действовать, а так поставить

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 476, изд. 11-е.

нашу работу, чтобы каждое решение, даже такое, например, как исключение из партии (о чём здесь говорили), провести так, чтобы человек понял, за что его исключили. Если мы наказали, записали выговор, надо, чтобы человек понял, за что ему этот выговор дали, и надо научить этого человека, чтобы он в следующий раз выговора не получал, чтобы он поправился в работе. Это и будет большевистское воспитание членов партии.

Несколько слов мне хотелось бы сказать о нашем комсомоле. Тут выступавшие товарищи целиком правы: на воспитательную работу в комсомоле нам всем надо обратить серьёзнейшее внимание. В комсомоле дело с большевистским воспитанием, я бы сказал, обстоит (тут нечего греха таить) хуже, чем в партийной организации.

А между тем в комсомоле этот вопрос стоит гораздо острее, чем в нашей партии. Только что закончился призыв в армию 1912 года. Эти призывники родились за два года до мировой войны. Сегодняшний призывник был двухлетним карапузиком, когда началась мировая война, был пятилетним ребёнком, когда началась великая русская революция. Этот человек сейчас идёт охранять наше отечество, нашу родину. Ему 22 года. Призывники — цвет комсомола, цвет нашей молодёжи, это будущее нашей страны, это самое сильное, самое ценное, что у нас сейчас есть. А это самое сильное, самое ценное было ещё маленькими ребятами тогда, когда началась великая русская революция. И для того, чтобы из таких людей выросли настоящие, выдержанные большевики, твердокаменные революционеры, которые действительно способны защищать нашу страну по-настоящему, и физически и идейно, необходимо хорошо поставленное ленинское воспитание. Ведь мы, люди старшего поколения, мы живём, я прямо должен сказать, пускай меня поправят люди моего возраста, — мы живём на 90% багажом, который мы получили в старые, подпольные времена. И тут правильно говорят: не только книжки, а каждый лишний год тюрьмы давал очень много — там подумаешь, пофилософствуешь, всё осудишь 20 раз, и когда принимаешь какую-нибудь партийную присягу, то знаешь, к чему это обязывает, что это значит. А комсомольцы — это всходы, выросшие уже на советской ниве, прекрасные всходы, и потому им нужно уделить особое внимание, им нужна такая школа, чтобы из них выросли настоящие строители социализма. Правы комсомольцы, когда предъявляют нам большие требова-

ния, но они повинны в том, что сами иногда недостаточно глубоко понимают свои задачи в этой работе. Я думаю, что если пропорционально делить то внимание, которое мы должны уделять марксистско-ленинской учёбе, то большая доля должна уделяться этому новому, подрастающему поколению. Я его очень уважаю, но оно одно с этим делом не справится, ему нужна большая партийная помощь. Это дело надо поднять на надлежащую высоту, на которой должны стоять вопросы марксистско-ленинского воспитания в нашей партии.

СОДЕРЖАНИЕ

1918 год

- ПОД КРАСНЫМ ЗНАМЕНОМ СОВЕТОВ С РЕВОЛЮЦИОННЫМ ПРОЛЕТАРИАТОМ РОССИИ! *Речь на демонстрации в годовщину; Февральской революции 12 марта (27 февраля) 1918 года* 5

1919 год

- ЦАРЬЦЫН ВЗЯТ ГЕЛЫМИ, НО СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ ОПЯТЬ ВОСТОРЖЕСТВУЕТ! *Доклад на пленуме Астраханского горсовета 6 июля 1919 года.* 6

1920 год

- ТРИ ПИСЬМА В. И. ЛЕНИНУ 10

1921 год

- МНОГОМИЛЛИОННЫЕ НАРОДЫ РОССИИ, ПЕРВЫМИ ВСТАЮЩИЕ НА ПУТЬ ВЕЛИКОЙ БОРЬБЫ, ПЕРВЫМИ ПРИДУТ В ЦАРСТВО СОЦИАЛИЗМА. *Из доклада на Учредительном съезде Советов Горской ССР 18 апреля 1921 года* 14

1922 год

- РЕЧЬ НА I СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК. *30 декабря 1922 года* 28

1924 год

- ЛЕНИН И РАБОЧИЙ КЛАСС. *Речь на открытии партийного клуба Бакинской организации 22 апреля 1924 года.* 30

1926 год

- РАБОТАТЬ НЕ ПОКЛАДАЯ РУК НАД УКРЕПЛЕНИЕМ ЖЕЛЕЗНОГО ЕДИНСТВА ЛЕНИНСКОЙ ПАРТИИ. *Заключительная речь на XXIII Чрезвычайной ленинградской губернской партконференции 12 февраля 1926 года.* 35

МЫ ВЫШЛИ НА ШИРОКУЮ ДОРОГУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА. Доклад на торжественном заседании VIII губернского съезда ленинградских металлистов 19 апреля 1926 года .

38

1927 год

В УПОРНОЙ БОРЬБЕ С ОППОЗИЦИЕЙ МЫ ДОСТИГЛИ ПОЛНОГО ЛЕНИНСКОГО ЕДИНСТВА. Из доклада о работе Ленинградского губкома ВКП(б) на XXIV губернской партконференции 27 января 1927 года .

53

ДЕСЯТАЯ ГОДОВЩИНА ОКТЯБРЯ—ВЕЛИКИЙ ПРАЗДНИК СОТЕН МИЛЛИОНОВ ТРУДЯЩИХСЯ И УГНЕТЁННЫХ ВСЕГО МИРА. Речь на торжественном заседании Ленсовета, посвящённом десятилетию Октябрьской социалистической революции, 6 ноября 1927 года .

63

ВСЁ, ЧТО ПУТАЕТСЯ ПОД НОГАМИ, ДОЛЖНО БЫТЬ ОТБРОШЕНО, А НАМ С ВАМИ ДОРОГА, ТОЛЬКО ВПЕРЁД И ТОЛЬКО К ПОБЕДАМ! Речь на XV съезде ВКП(б) 5 декабря 1927 года .

84

1928 год

МЫ ДОЛЖНЫ РАЗВЕРНУТЬ ШИРОЧАЙШУЮ БОЛЬШЕВИСТСКУЮ КРИТИКУ И САМОКРИТИКУ. Из речи на собрании партийного актива Володарского района 26 июня 1928 года

95

1930 год

ЕДИНСТВО ЛЕНИНСКОЙ ПАРТИИ ЯВЛЯЕТСЯ НАДЁЖНОЙ ОСНОВОЙ ПОБЕДОНОСНОЙ БОРЬБЫ ЗА СОЦИАЛИЗМ. Из речи на XVI съезде ВКП(б) 30 июня 1930 года .

106

ПОД ЗНАМЕНЕМ ГЕНЕРАЛЬНОЙ ЛИНИИ ПАРТИИ—К НОВЫМ ПОБЕДАМ СОЦИАЛИЗМА! Из докладов на Объединённом пленуме Закавказского краевого комитета и Закавказской краевой контрольной комиссии ВКП(б) и на собрании Тифлисского актива совместно с ЦК и ЦКК КП(б) Грузии 19—20 ноября 1930 года

117

1931 год

ЗАДАЧИ ПАРТИИ НА ТЕОРЕТИЧЕСКОМ ФРОНТЕ. Доклад в ленинградском отделении Комкадемии в январе 1931 г.

138

ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА—РЕШАЮЩЕЕ ЗВЕНО КОЛХОЗНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА. Из речи на совещании секретарей райкомов ВКП(б) и председателей райисполкомов 29 июня 1931 года

154

К НОВЫМ БОЯМ И ПОБЕДАМ! Из доклада на I Ленинградской городской партконференции 12 декабря 1931 года

160

1932 год

- НА ИСТОРИЧЕСКОМ РУБЕЖЕ МЕЖДУ ПЕРВЫМ И ВТОРЫМ ПЯТИЛЕТНИМ ПЛАНОМ. *Из доклада на объединённой IV областной и городской Ленинградской конференции ВКП(б) 23 января 1932 года* 176
- ГЕНЕРАЛЬНАЯ ЛИНИЯ ПАРТИИ ПРОВЕРЕНА МИЛЛИОНАМИ. *Из речи на пленуме Ленинградского совета 28 апреля 1932 года.* 184

1933 год

- ОДЕРЖАНА ВЕЛИКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОБЕДА. *Доклад об итогах январского объединённого пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) на собрании партийного актива Ленинградской организации ВКП(б) 17 января 1933 года* 192
- ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ И ТОВАРИЩ СТАЛИН ДАЮТ НАМ НАГЛЯДНЫЙ ПРИМЕР ЛЕНИНСКОГО РУКОВОДСТВА. *Из речи на объединённом пленуме Ленинградского областного и городского комитетов ВКП(б) 9 февраля 1933 года* 233
- БУДНИЧНАЯ КОЛХОЗНАЯ РАБОТА — ВЕЛИКОЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ДЕЛО. *Из речи на II Ленинградском областном съезде колхозников 17 июня 1933 года* 238
- ДЕЛО ЧЕСТИ ЛЕНИНГРАДСКИХ ПРОЛЕТАРИЕВ — ВЫПОЛНИТЬ ПРОИЗВОДСТВЕННУЮ ПРОГРАММУ. *Из речи на конференции рабочих-машиностроителей Ленинграда 17 октября 1933 года* 252
- ВСЕГДА И ВСЮДУ СЛЕДОВАТЬ ЗАВЕТАМ ЛЕНИНА. *Выступление на торжественном заседании комсомольского актива Ленинграда, посвящённом пятидесятилетию со дня основания ВЛКСМ, 28 октября 1933 года* 257

1934 год

- СТАЛИН — ВЕЛИКИЙ ОРГАНИЗАТОР ПОБЕД РАБОЧЕГО КЛАССА. *Из доклада о работе ЦК ВКП(б) на V областной и II городской Ленинградской партконференции 17 января 1934 года.* 266
- ДОКЛАД ТОВАРИЩА СТАЛИНА — ПРОГРАММА ВСЕЙ НАШЕЙ РАБОТЫ. *Речь на XVII съезде ВКП(б) 31 января 1934 года.* 269
- НАША ПАРТИЯ ТВЕРДА, КАК ГРАНИТ. *Речь на Красной площади в Москве 31 января 1934 года* 289
- МАРКСИЗМ-ЛЕНИНИЗМ — ЭТО НАУКА, КОТОРАЯ УЧИТ ТРУДЯЩИХСЯ ПОБЕЖДАТЬ СВОИХ ВРАГОВ. *Из речи на пленуме Ленинградского областного и городского комитетов ВКП(б) 10 октября 1934 года.* 292

*Под наблюдением
редактора Д. Бахшиева.
Художественное оформление книги
художника Н. Седелникова*

Подписано к печати 5 сентября 1944 г. А11216.
Объем 19 п. л. Тираж 15 000 экз.
Заказ № 1378. Цена 7 руб.

1-я Образцовая типография треста «По-
лиграфкнига» Огиза при СНК РСФСР,
Москва, Валовая, 28.

2010456077